ISSN 2949-3609

NORTHERN ANTIQUITIES:

ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ / NORTHERN ANTIQUITIES: ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY I (5) / 2023

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ:

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

I (5) / 2023

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
SURGUT STATE UNIVERSITY

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

№ 1 (5) 2023

НЕФТЕЮГАНСК – СУРГУТ

SURGUT STATE UNIVERSITY

LLC "SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION "NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1"

ANO "INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH"

NORTHERN ANTIQUITIES: ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY, HISTORY

№ 1 (5) 2023

NEFTEYUGANSK – SURGUT

Учредители:
БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
АНО «Институт археологии Севера»

Издатель:
АНО «Институт археологии Севера»
628306 Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77-83139 от 12 мая 2022 г.

Издается с мая 2022 года.
Выпускается 4 раза в год.

Главный редактор:
А. В. Курбатов, д-р ист. наук

Редакционная коллегия:
С. М. Косенок, д-р пед. наук, профессор
Р. В. Оствальд, канд. хим. наук
О. В. Кардаш, канд. ист. наук
Г. П. Визгалов, канд. ист. наук
Н. М. Чаиркина, д-р ист. наук
И. В. Побережников, д-р ист. наук
В. С. Мыглан, д-р ист. наук

Выпускающий редактор:
А. В. Позднякова

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки
на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:
628306, РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202
E-mail: archeonord.journal@yandex.ru
www.nordarcheo.ru

12+
ISSN 2949-3609

© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2023
© ООО «НПО «Северная археология – 1», 2023
© АНО «Институт археологии Севера», 2023
© Оформление.
АНО «Институт археологии Севера», 2023

Founders:
Surgut State University
LLC “Scientific Production Association “Northern Archaeology – 1”
ANO “Institute of Archaeology of the North”

Publisher:
ANO “Institute of Archaeology of the North”
628306, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nefteyugansk,
Pionernaya Industrial Zone, Naberezhnaya street, 16, office 202

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, information technology and mass communications
Certificate PI No. FS77-83139 dated May 12, 2022

Published since May 2022.
Issued 4 times a year.

Chief Editor:
A.V. Kurbatov, Doctor of Historical Sciences

Editorial team:
S. M. Kosenok, Doctor of Pedagogical Sciences, professor
R. V. Ostvald, Candidate of Chemical Sciences
O. V. Kardash, Candidate of Historical Sciences
G. P. Vizgalov, Candidate of Historical Sciences
N. M. Chairkina, Doctor of Historical Sciences
I. V. Poberezhnikov, Doctor of Historical Sciences
V. S. Myglan, Doctor of Historical Sciences

Commissioning Editor:
A. V. Pozdniakova

Full texts of articles are placed in the database of the Scientific Electronic Library
on the website elibrary.ru and are included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Editorial office address:
628306, Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra,
Nefteyugansk, Pionernaya Industrial Zone, Naberezhnaya street, 16, office 202
E-mail: archeonord.journal@yandex.ru
www.nordarcheo.ru

ISSN 2949-3609

© Surgut State University, 2023
© LLC “NPO “Northern Archaeology – 1”, 2023
© ANO “Institute of Archaeology of the North”, 2023
© Registration.
ANO “Institute of Archaeology of the North”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Кардаш О. В., Гирченко Е. А., Визгалов Г. П.
Способы коллективной охоты на крупных копытных у населения Северной Азии
по данным археологии и этнографии 10

Дудко А. А., Васильева Ю. А.
Промысловый комплекс Кулунигый 66 в проблематике археологического изучения
древних охотничьих сообществ 40

Лукиных А. А., Кочегов Е. И., Балаба И. В.
Ловчие ямы X века Балинское 42 (результаты аварийно-спасательных раскопок 2012 года
на территории Приобского нефтяного месторождения) 66

Трунова Н. Е., Круземент С. А., Гнатив В. О.
Группа впадин Кривая 3 эпохи Средневековья
(результаты раскопок 2017 года наземного нежилого сооружения в левобережье Оби) 90

Балаба И. В., Кардаш О. В., Пальянов П. В.
Пробные ловчие ямы эпохи Средневековья на примере группы впадин Когончинское 18 110

ЭТНОГРАФИЯ

Попов А. А.
Нганасаны. Годовой хозяйственный цикл. Охота и рыболовство (фрагмент) 142

Сокращения **156**

Сведения об авторах **158**

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Kardash O. V., Girchenko E .A., Vizgalov G. P.
Archaeological and ethnographical data on methods of group hunting for large ungulates among
the North Asia population 10

Dudko A. A., Vasilyeva Y. A.
The hunting complex Kulunigyi 66, challenges the archaeological study
of ancient hunters society 40

Lukinyh A. A., Kochegov E. I., Balaba I. V.
Pitfall traps of the 10th century Balinskoye 42
(results of rescue excavations in 2012 on the territory of the Priobskoye oil field) 66

Trunova N. E., Kruzement S. A., Gnativ V. O.
The group of depressions Krivaya 3 of the Middle Ages (the excavation results of an above-ground
non-residential construction on the left bank of the Ob river in 2017) 90

Balaba I. V., Kardash O. V., Palyanov P. V.
Trial pitfall traps of the Middle Ages on the example of a group of pits Kogonchinskoye 18 110

ETHNOGRAPHY

Popov A. A.
Nganasans. Annual economic cycle. Hunting and fishing (fragment) 142

Abbreviations **156**

Information about authors **158**

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вышел в свет очередной выпуск журнала «Северные древности: археология, этнография, история». На сегодня это единственное в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре научное издание, посвященное археологии и этнографии народов Севера Западной Сибири.

Вы держите в руках тематический выпуск. Он полностью посвящен изучению хозяйственно-промысловых объектов – ловчих ям. Этот вид объектов большинством российских исследователей незаслуженно игнорируется как малоинформативный и недостаточно «эффектный».

Действительно, археологические объекты без вещевого комплекса сложно интерпретировать, рекомендации по их изучению современными методами еще находятся в стадии разработки. Отсутствие единой базы таких памятников вызывает трудности с их привязкой к археологическим культурам. Но ловчие ямы существуют, их изучают и с каждым годом выявляют новые объекты, так что игнорировать данное свидетельство прошлого становится всё труднее. Только в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре из 7159 объектов культурного наследия (по данным государственного учета на 01.01.2023) около тысячи – группы ловчих ям. На основе такой представительной и репрезентативной выборки можно делать вполне обоснованные выводы об экономике древних обществ как для Западно-Сибирской равнины, так и для других регионов Севера Азии.

Однако для этого требуется большая научная работа. Необходимо обобщить статистические сведения госорганов охраны памятников, отчетов по археологическим разведкам. Важно ввести в научный оборот результаты раскопок ловчих ям, которые бесполезно пылятся в архивах в форме научных отчетов и уже малоинтересны самим исследователям.

Мы благодарим наших авторов, откликнувшихся на призыв и рискнувших обнародовать результаты своей работы, указать на трудности, предостеречь от возможных методических ошибок при обследовании археологических объектов, интерпретированных в итоге как ловчие ямы или системы ловчих ям.

В номер вошли результаты археологических исследований промыслово-хозяйственных объектов, проведенных археологами на Севере Западной Сибири в последнее десятилетие. Кроме того, авторы привлекают материалы этнографических экспедиций, устные свидетельства представителей аборигенных народов, сохранивших в культуре архаичные хозяйственные традиции почти до конца XX века. Это способствует более глубокому анализу археологических материалов и в перспективе позволит реконструировать традиционный уклад жизни и хозяйства населения Севера на довольно большом временном отрезке.

В результате тема выпуска вызвала такой интерес, что редакция решила подготовить еще один тематический номер, посвященный исследованию промыслово-хозяйственных объектов. В него войдут статьи, не опубликованные в данном выпуске, и материалы новых исследований. Мы надеемся, что тема будет интересна читателям и журнал станет платформой для профессионального общения специалистов, занимающихся изучением исторического, этнографического и археологического наследия северных регионов России.

С уважением, редакция журнала «Северные древности: археология, этнография, история»

АРХЕОЛОГИЯ
ARCHAEOLOGY

УДК 639.1.081.1
DOI 10.31630/2949-3609-2023-1-10-39

***О. В. Кардаш*[1, 2, 3], *Е. А. Гирченко*[2], *Г. П. Визгалов*[1, 2, 4]**

[1]Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[3]АНО «Институт археологии Севера», Нефтеюганск, Россия
[4]ООО «НПО «Северная археология - 1», Нефтеюганск, Россия

СПОСОБЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОХОТЫ НА КРУПНЫХ КОПЫТНЫХ У НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена предварительному обобщению археологических и этнографических данных об охоте в западносибирской тайге – важнейшему источнику для понимания системы общественных отношений и традиционной экономики населения Севера Азии в различные исторические периоды. Она открывает выпуск журнала, посвященного результатам изучения ловчих ям на Западно-Сибирской равнине. Количество таких объектов в ХМАО-Югре и в лесной зоне ЯНАО феноменально. Результаты предварительного изучения систем коллективной охоты на крупных копытных позволяют сделать выводы об изменении и развитии структуры древних обществ Севера Западной Сибири.

Annotation. The paper considers preliminary conclusions of archaeological and ethnographic investigations on hunting in the taiga zone of Western Siberia, because it is an essential source to comprehend the system of social relations and traditional economy of North Asia population during different historic periods. The article precedes the issue of the magazine dedicated to the results of studying the hunting pitfall traps of the West Siberian Plain. There are exceptional number of such sites at the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra and forest area of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The preliminary study of systems of group hunting on large ungulates leads to the conclusions about changing and development of ancient society structures of the North of the Western Siberia.

Ключевые слова: Северная Азия, Север Западной Сибири, Западно-Сибирская равнина, коллективная охота, ловчие ямы, поколка, загонная охота

Keywords: North Asia, North of Western Siberia, West Siberian Plain, group hunting, hunting pitfall trap, pokolka, corral hunting

Введение. Наиболее широкомасштабные научно-исследовательские работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия территории Северной Азии проводятся с 1995 г. на севере Западно-Сибирской равнины (рис. 1). Только в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре[1] по данным государственного учета на 01.01.2023 находится 7159 объектов культурного наследия, из них около 1000 объектов – группы ловчих ям, представляющие специальный интерес данного исследования [Сведения о количестве объектов…] (рис. 2). Возрастной диапазон этих памятников достаточно широк – от верхнего палеолита до Средневековья. Это довольно представительная и репрезентативная выборка, на основе которой можно делать вполне обоснованные выводы как для Западно-Сибирской равнины, так и для других регионов Севера Азии. Часть сооружений поставлены на учет как поселения, например «Поселение Балинское 63», которое по результатам стационарных раскопок определено как две группы ловчих ям с культурным слоем эпохи энеолита – раннего бронзового века, связанные со строительством и эксплуатацией этих сооружений [*Кардаш*, 2015]. Некоторые промысловые объекты расположены на территории многослойных поселений: они либо перекрыты ими, или же, наоборот, прорезают ранние слои.

Подсчет и идентификация промыслово-хозяйственных объектов – предмет отдельной научной работы, которую еще предстоит осуществить в рамках более широкого исследования. Более подробные сведения о количестве, категориях и типах объектов культурного наследия разных территорий содержатся в открытом доступе на официальных сайтах органов государственной охраны округа [Служба государственной охраны объектов культурного наследия…].

Южнее региона, в степи и лесостепи, такое количество хозяйственно-промысловых комплексов не фиксируется. А на Европейском Северо-Востоке данный тип древних сооружений ставится на учет крайне редко. Связана ли радикальная количественная диспропорция промысловых объектов с природными и хозяйственными различиями регионов или же она обусловлена степенью изученности территорий или учета – ответы на эти вопросы еще предстоит получить.

[1] Протяженность округа с запада на восток составляет около 1400 км, с севера на юг – примерно 800 км. Большая территория обусловила наличие в ХМАО трех природных зон; большая часть территории относится к зоне средней тайги, частично включены зоны северной и южной тайги (рис. 5). Соответственно мы наблюдаем большее многообразие флоры и фауны на стыке Уральской горной и Западно-Сибирской равниной ботанико-географических областей.

Севернее ХМАО-Югры, в соседнем Ямало-Ненецком автономном округе[2], на 17.02.2023 на государственном учете находится 585 археологических объектов, из них число ловчих ям составляет около 15 %. Все они расположены в лесотундре, на территориях, примыкающих к границе ХМАО-Югры [Перечни объектов культурного наследия ЯНАО]. Самые северные группы обнаружены в бассейне р. Хейгияха, левого притока Надыма [*Иваськo*, 2002; *Иваськo, Мызников*, 2003. С. 365, 366]. Таким образом, ареал такого типа хозяйственно-промысловых объектов, как системы ловчих ям, распространяется до 65° северной широты. Процесс выявления археологических объектов продолжается, особенно на Севере Западной Сибири, и главное, расширяется охват изучаемого пространства за счет выявления объектов на территориях, куда ранее немыслимо было направлять разведочные группы. В этой связи количество новых хозяйственно-промысловых объектов может значительно возрасти и составить 20–25 % от их общего количества.

Стойкость и постоянство хозяйственных традиций коренных малочисленных народов Севера Сибири, которые известны по материалам этнографических исследований последних трех столетий [*Миллер*, 1937; *Зуев*, 1947. С. 17–91; *Дунин-Горкавич*, 1995–1996; *Головнев*, 1993 и др.], способствуют более глубокому анализу археологических материалов, что позволит реконструировать традиционный уклад жизни и хозяйство населения Севера на довольно большом временном отрезке – от VII–VI тыс. до н.э. и вплоть до середины XX в. Столь широкий хронологический диапазон исследований можно объяснить постоянством природных условий в таежной зоне Западной Сибири, устойчивым биоценозом, стабильными результатами хозяйственной деятельности: охоты, рыболовства, собирательства. Присваивающее хозяйство на протяжении многих веков было основным источником питания населения, т. к. в данных природных условиях земледелие развиваться не могло (за исключением редких примеров огородничества). Скотоводство на Севере Азии с начала голоцена тоже не сформировалось как значимая форма экономики, обеспечивающая население пищей, т. к. эффективная охота в достаточной степени позволяла избежать угрозы голода. Достоверные данные о товарном – пищевом животноводстве, в частности разведении больших стад северного оленя, появляются в источниках лишь в XVII – начале XVIII в. [*Кардаш*, 2017. С. 171–214]. Сегодня уверенно можно говорить лишь о том, что животноводство с момента появления на Севере имело транспортное значение и служило для обеспечения эффективности охотничьего промысла – оценки состояния промысловых систем и доставки добычи с охотничьих угодий к поселению (рис. 7). Для решения этих задач требуется стадо численностью, в среднем, 10–15 оленей. Такая практика хорошо известна по изучению охотничьих промыслов, например, нганасан [*Попов*, 1948].

Между тем основным пищевым видом, по данным археозоологии, во все исторические периоды являлись крупные копытные, а именно: северный олень (рис. 8–9), а в позднем Средневековье – лось [Историческая экология..., 2013]. При отсутствии пищевого животноводства потребность в мясе закрывалась благодаря охоте на дикого северного оленя. Наиболее эффективными способами охоты на стадных животных были пассивная охота с использованием систем ловчих ям или загонная охота кожаными сетевыми ловушками. Обе формы основывались на естественной сезонной миграции животных. Охота на других животных велась либо в ритуальных, либо в торговых целях.

При таком значительном количестве хозяйственно-промысловых объектов в зоне средней и северной тайги количество научных публикаций результатов их изучения крайне незначительное. Впервые на промысловые ямы и связанные с ними изгороди обратил внимание В. Н. Чернецов. При попытке интерпретации одной из групп уральских писаниц он привлек соответствующие данные скандинавской и урало-западносибирской этнографии [*Чернецов*, 1971].

Ловчие ямы на территории Югры в своих работах описывают С. Ф. Кокшаров [*Кокшаров*, 1993], М. Ю. Баранов [*Баранов*, 2006], Ю. В. Балуева, М. В. Коноваленко [*Балуева, Коноваленко*, 2016], Е. Н. Дубовцева, А. А. Ковригин [*Дубовцева, Ковригин*, 2009], [Исследование…, 2004], М. А. Рудковская [*Рудковская*, 2016] (рис. 10–12), Л. Л. Косинская [*Косинская*, 2009], А. А. Лукиных [*Лукиных*, 2020] (рис. 13–25). К сожалению, это почти весь список введенных в научный оборот данных о ловчих ямах Севера Западной Сибири. До сих пор изучению систем ловчих ям и иных способов коллективной охоты российская наука уделяет неоправданно мало внимания. Ни один комплекс не исследован полностью как объект культурного наследия, хотя их, как было сказано выше, выделяется и ставится на учет сравнительно много; отсутствуют публикации по данной теме, хотя для территории Севера Западной Сибири и всей Северной Азии стационарные промыслово-хозяйственные сооружения являются основным источником информации для изучения охоты – ведущей отрасли хозяйства древнего населения региона.

[2] Округ занимает часть территории Крайнего Севера Западно-Сибирской равнины и более чем наполовину расположен за Полярным кругом. В ландшафтном отношении его южные районы представляют зону северной тайги, а северные – лесотундру и тундру (рис. 3, 4, 6). Водные ресурсы округа разнообразны и включают как побережье Карского моря, так и многочисленные заливы, реки, озера и болота. На территории локализуется около 300 тыс. озер и 48 тыс. рек.

Хозяйственно-промысловые объекты данного типа вызывают множество споров об их культурной ценности и значимости. В 2021 г. на Методическом семинаре «Сохранение объектов археологического наследия Российской Азии: проблемы экспертизы земель и разработки мероприятий» (4–5 марта 2021 г.) в Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) руководитель Государственной службы охраны культурного наследия ХМАО-Югры А. Н. Кондрашёв и ведущий научный сотрудник СурГУ Г. П. Визгалов выступили с докладами о проблемах выявления и изучения ловчих ям, а также о вопросах учета и охраны неочевидных объектов археологического наследия. Это означает то, что вопрос о промыслово-хозяйственных объектах, не содержащих привычного вещевого комплекса, выходит на новый уровень обсуждения и начинает привлекать внимание научной общественности. Причем отсутствие артефактов может быть следствием неправильной методики исследования, из-за которой информация попросту теряется. Примеры альтернативных исследований вы сможете увидеть в публикациях этого журнала.

Цель статьи – обосновать значимость исследования археологических объектов промыслово-хозяйственного назначения и мотивировать исследователей вводить данные об этом изучении в научный оборот. В составе задач – предварительное обобщение известных этнографических данных об охоте на крупных копытных в западносибирской тайге и сопоставление их с археологическими материалами, собранными авторами во время многолетних научных исследований на Севере Западной Сибири.

В течение четырех десятилетий авторы этой статьи занимались изучением археологического наследия Севера Западной Сибири, поэтому все выводы, гипотезы и предположения будут основываться не только на опубликованных источниках и архивных материалах, а также на личном опыте полевых исследований. Данная публикация не претендует на решение проблем изучения и анализа древних хозяйственных сооружений. Важно обратить внимание на данную тему и дать импульс для дальнейших исследований. Статья предваряет серию публикаций новых материалов по данной теме, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Основная часть. Коллективная охота древнего населения Севера Западной Сибири, включавшая подготовку промысловых орудий, устройств и сооружений, поиск, выслеживание и преследование животных, их добычу, первичную переработку и транспортировку, совершенно очевидно формировалась с учетом особенностей ландшафта и биоценоза обитающих там пищевых видов, в частности крупных копытных. В силу локальных географических особенностей формы такой охоты могли иметь свою специфику.

В настоящее время нет достоверных научных палеоэкологических данных о численности и биологии крупных копытных на территории Западно-Сибирской равнины в древности. Однако ряд косвенных сведений позволяет приблизительно смоделировать экологическую ситуацию в относительно недалеком прошлом – как минимум с начала эпохи голоцена. Вряд ли вызовет большие сомнения утверждение, что с начала этой эпохи доминирующим по численности видом становится северный олень. И сейчас на этой территории сохранились небольшие популяции диких животных как тундрового, так и таежного подвидов [*Колпащиков и др.*, 2019]. Для территории Севера Западной Сибири их можно охарактеризовать как реликтовые. Поголовье же домашнего северного оленя в ЯНАО составляет 650 тыс. особей, в ХМАО-Югре – около 40 тыс. Вместе с тем на сопредельной территории, а именно севере Красноярского края – на полуострове Таймыр и прилегающем южнее пространстве – сохранилась одна из крупнейших в мире – таймырская – популяция диких северных оленей. Ее численность в начале XXI в. составляла около 1 млн особей. Ареал обитания этой популяции охватывает обширное пространство площадью 1,5 млн кв. км на территории полуострова Таймыр, горных лесов плато Путорана и северной тайги Средней Сибири. В связи с антропогенным влиянием численность таймырской популяции диких северных оленей сократилась в два раза [*Колпащиков и др.,* 2019; *Махова, Греков*, 2019].

Экстраполируя эти данные в прошлое, можно теоретически предположить, что на территории Севера Западной Сибири на площади, достигающей почти 1,5 млн кв. км, в древности обитала западносибирская популяция дикого северного оленя численностью около 1 млн голов. Если учесть, что в раннем голоцене на этой территории начался процесс заболачивания, который привел в таежной зоне Югры к сокращению естественных пастбищных угодий, то изначальная численность животных могла быть значительно выше (до 1,5–2,0 млн голов?). Соответственно, на всей территории Западно-Сибирской равнины площадью 2,7 млн кв. км число диких северных оленей могло значительно превышать 2 млн голов. Описание этой популяции – биологическая задача, но ее решение возможно на основе анализа археологических материалов. Феноменальное количество археологических объектов в Югре, большая часть которых относится к ранним периодам расселения людей, служит тому косвенным подтверждением.

Северные олени как вид появляются в раннем плейстоцене, со второй половины среднего плейстоцена. Современный его вид *Rangifer tarandus* становится одним из преобладающих среди оленей северной тайги и Арктики [*Гептнер и др.*, 1961. С. 302–324; Историческая экология..., 2013]. Территориальная изолированность Западно-Сибирской равнины обеспечивала сохранение биоценоза на протяжении длительного времени. Ежегодно многотысячные стада дикого северного оленя совершали меридиональные сезонные миграции по территории Западно-Сибирской равнины. Это обстоятельство позволяет смоделировать ситуацию и оценить регион как хорошо обеспеченный естественными пищевыми ресурсами.

Расселение человека на территорию Севера Азии с юга началось в позднем неоплейстоцене 50–35 тыс. лет назад [*Зольников и др.,* 2021. С. 9–20]. В раннем голоцене – 10–9 тыс. лет назад на территории Югры появляются первые – более 5 тыс. кв. м – стационарные поселения [*Коноваленко и др.*, 2017. С. 201–218; *Сериков и др.*, 2018. С. 5–19]. Немногим позднее, 9–8 тыс. лет назад, выходцы из Урало-Западносибирского региона достигают побережья Северного ледовитого океана – острова Жохов архипелага Новосибирские острова в море Лаптевых, где существовало самое древнее и самое северное поселение охотников на дикого северного оленя [Древнейшие антропологические..., 2015. С. 61–72; *Pitulko, Kasparov*, 2017. P. 491–515]. В то время остров был частью материка. На поселении постоянно проживало от 25 до 50 человек. Они круглогодично добывали северного оленя, а зимой – белого медведя, которого употребляли в пищу, что является единственным в мире доказанным фактом.

Анализ генетических данных позволяет утверждать, что жители стоянки пришли в данное место из Западной Сибири или с Урала. Очевидно, что перед древними мигрантами стояла важная задача адаптации не только к природной среде, но и к ее ресурсам или их отсутствию. В частности, на территории Севера Западной Сибири нет месторождений кремня – камня, пригодного и привычного для изготовления орудий и предметов охотничьего вооружения. Данное обстоятельство не могло не повлиять на формирование охотничье-промыслового хозяйства. Очевидно, что экономически более рентабельной была коллективная охота на крупных копытных, что позволяло получить больше пищевых ресурсов и обеспечить существование коллектива длительное время.

Таким образом, обильные пищевые ресурсы и недостаток сырья для охотничьих орудий привели к формированию сложной системы коллективной охоты, основанной на сезонных миграциях, особенностях ландшафта и биоценоза. Системы ловчих ям, обнаруживаемые в настоящее время в больших количествах, являются результатом коллективных усилий древних сообществ. Коллективный труд даже при присваивающих формах хозяйства был более эффективен, чем результаты индивидуальной охоты.

Судя по этнографическим источникам, способы коллективной охоты, присущие народам, населявшим Северную Азию, можно условно разделить на три основных типа: «поколка» («поколюга»), загонная охота и охота с помощью ловчих ям [*Симченко*, 1992; *Попов*, 1948]. Бытование первых двух типов охоты в древние периоды трудно доказуемо, поскольку отсутствуют археологические маркеры: предметы вещевого комплекса или сооружения, а главное – памятники. Возможно, их открытие еще впереди, но на сегодняшний день вещественных подтверждений нет. В то же время способ охоты с помощью ловчих ям или систем ловчих ям имеет археологическое подтверждение и может быть изучен на основании археологических данных вне зависимости от устных свидетельств и письменных источников. Ловчие ямы – это земляные сооружения, которые при всей вариативности имеют достаточно схожую морфологию и геометрию, а главное – не исчезают после того, как человек покидает охотничьи угодья.

В исследованиях разных авторов для обозначения промысловых объектов используются такие термины, как «ямы-ловушки», «звероловные ямы», «охотничьи ямы» и др. Но наиболее емкое понятие – это «ловчие ямы», которое и будет использовано в дальнейшем.

Первый, наиболее древний тип коллективной охоты – **«поколка»** или **«поколюга»**, бытовал на местах пересечения крупных рек во время сезонных миграций животных. Ряд палеолитических стоянок, в том числе Луговское в Югре, привязан к местонахождениям плейстоценовой фауны, формировавшейся, очевидно, в периоды миграций животных. Ежегодная миграция таких крупных копытных, как северный олень, происходит весной – на север, осенью – на юг практически в одно и то же время. Стада собираются вместе и форсируют водную артерию, чтобы сообща противостоять нападениям хищников. При переправе плывущие в середине реки олени практически беспомощны и их в большом количестве можно добывать на плаву, как это делали приближающиеся на легких лодках охотники при помощи копий или дубин, а позднее – топоров. Они старались заставить оленей плыть против течения, чтобы животные быстрее изматывались. Женщины и неопытные охотники, остающиеся на берегу, не давали оленям выбраться из воды. Густая шерсть оленя, состоящая из наполненных воздухом шерстинок, сохраняла тепло животных. Поэтому туши в воде не тонули, и их впоследствии вытягивали на веревках на берег. Этот метод охоты позволял добыть несколько сотен животных за один день [Народы Сибири, 1956. С. 650]. Сравнительно немногочисленные и небольшие по площади поселения или охотничьи стоянки аборигенов в тундре и лесотундре, как правило, были основаны с привязкой к местам переправ диких оленей через реки [*Симченко*, 1992].

Второй тип коллективного промысла – **загонная охота** при помощи стационарных приспособлений, сетевых ловушек или систем самострелов на естественных путях миграций оленя – фиксируется с XVII в. Поздние этнографические свидетельства сообщают, что на путях движения животных ставили жерди и на них вешали «шумелки», пугавшие животных и заставлявшие их двигаться в нужном направлении.

Ю. Б. Симченко подробно описывает подобный способ летней коллективной охоты на оленя, зафиксированный у нганасан. Выследив стадо диких оленей, охотники втыкали в землю «махавки» (длинные палки с подвешенными к концам лоскутьями кожи, выкрашенными в черный цвет или белыми веерами из крыльев куропатки) в виде двух расширяющихся аллей, оставляя между ними расстояние 4–6 м. Возле одного

ряда махавок у широкого конца аллеи прятались «махальщики». Охотник на паре оленей загонял стадо в аллею. Махальщики при этом вскакивали и, крича и размахивая одеждами, загоняли стадо дальше. У суженного конца аллеи их встречали выстрелами охотники, вооруженные луками. Махавки служили изгородью, препятствующей бежать оленям в сторону. Если диких оленей находили у озера, то махавки втыкались в одну линию. Против этой линии, лежа на некотором расстоянии от нее, располагались люди, заменявшие собой второй ряд махавок. Затем по образовавшейся аллее с помощью собак загоняли оленей в воду. В этот момент охотники, находившиеся на противоположной стороне озера, выезжали на своих челноках и закалывали оленей копьями на длинных древках [*Симченко*, 1992, рис. 6А, 6Б].

Близкий по форме способ загонной охоты был зафиксирован исследователями-этнографами в конце XX в. на водоразделе рек Большой Салым и Большой Юган у жителей юрт Пунси Нефтеюганского района ХМАО-Югры. Информация была записана со слов А. Д. Каюкова[3], которому о месте загонной охоты у небольшой речки Кевру-ягун (правый приток Бол. Югана) рассказал его отец [Салымские ханты…, 1991. С. 34, 35]. Ко времени переезда семьи Каюковых с Большого Югана в урочище Пунси в середине XX в. такой способ добычи оленей уже не применялся, поскольку численность животных радикально сократилась и изменились пути миграций. Однако информация о нем сохранилась в памяти коренных жителей и топонимике. Загон для охоты на дикого северного оленя был сооружен на заболоченной водораздельной возвышенности. Охотниками было замечено, что здесь олени не разбегались, как в лесу, а держались стадами. Загон представлял собой сооружение, в плане имеющее форму острого угла, протяженностью не менее 10 км с широкой входной частью (не менее 5 км). Строительство загона требовало большого труда, поэтому производилось объединенными усилиями нескольких семей и растягивалось на несколько летних сезонов. На всем протяжении вбивали шесты: сначала редко, а по мере приближения к ловушке загона (кевру) всё чаще. В верхней части шестов (тонких бревен или деревьев) делались затески, обращенные внутрь пространства загона, или вешались пучки светлого мха, чтобы визуально отпугнуть животных необычным видом. В пространстве загона, огражденного шестами, олени концентрировались в середине и бежали только вперед, пока не попадали в финальную ловушку – кевр. Он представлял собой овальное в плане пространство, сформированное вбитыми в грунт шестами, плотно подогнанными друг к другу. В ограждении кевра были смонтированы самострелы числом не меньше шести. Вход в пространство был снабжен дверью, которую следовало закрыть после того, как туда попадал табун оленей (рис. 28–31). Судя по известным размерам охотничьих самострелов: на выдру – 2,0–2,5 м, на лося – 4,0–4,5 м, а также размерам оленей, можно предположить, что размер ловушки должен был составлять примерно 10 х 15 м. Рядом с кевром в бору располагался дом-укрытие, где прятался «сторожевой». Задача сторожевого – заметить приближение табуна оленей, и если они замешкались перед входом, шумом загнать их в кевр и закрыть дверь [Салымские ханты…, 1991]. Очевидно, что был и пассивный способ использования устройства, иначе не совсем понятно назначение именно самострелов. Скорее всего, это более поздняя модернизация промыслового сооружения, возникшая в условиях сокращения численности популяции дикого северного оленя таежного подвида. Также из информации А. Д. Каюкова следовало, что кевр был построен вождем Тоньей для спасения жителей Югана от голода. Тонья – известный фольклорный персонаж, его реальный исторический прототип – Тонема (Кинема), сын князя Бардака, живший на рубеже XVI–XVII вв. [*Кардаш, Визгалов*, 2015]. На сегодня это единственный случай, зафиксированный в северо-таежной зоне Западной Сибири. Никаких других упоминаний о подобных сооружениях не известно. Не исключено, что это древний способ коллективной охоты, который сохранялся в устной традиции и был воспроизведен в неординарной – экстремальной жизненной ситуации.

Охота посредством **ловчих ям** – третий тип добычи крупных копытных. Этот пассивный способ охоты известен саамам, коми, обским уграм, селькупам и якутам и широко распространен на территории Севера Евразии. Ю. Б. Симченко указывает, что во всей таежной полосе применялись изгороди и ловчие ямы [*Симченко*, 1992]. Для этого формировали систему ловчих ям, пространство между которыми закрывалось изгородями (загородками). Ямы тщательно маскировали, потому что дикие животные чувствуют изменения в естественной среде, сделанные руками человека, и испугавшись, могут развернуться и уйти. Суть охоты сводилась к тому, что животное (или группа животных), перемещаясь по лесу во время миграции или в поисках корма, рано или поздно натыкалось на изгородь и начинало искать проход, перемещаясь вдоль забора. Найдя его, олень (лось) устремлялся в проход и, не замечая маскировки, падал в узкую и глубокую яму. В ней он оставался обездвиженным до тех пор, пока его не находили охотники, либо он погибал от удара о заостренные колья, установленные на дне. В последнем случае охотники должны были находится поблизости и часто проверять ловушки. Ловчие ямы на оленя или лося выкапывали также на тропах к водопою.

В описании охоты посредством ловчих ям, сделанном Э. Манкером, отмечен тот факт, что изгороди

[3] Каюков Александр Дмитриевич (1940–1998 гг.) – сын Дмитрия Михайловича Каюкова (1886–1963 гг.), основателя населенного пункта Юрты Пунси, указанного на картах 1942 г., 1963 г., как «Избы Д. Каюкова». Переселились в район оз. Пунси (Бол. Каюково) в конце 30-х годов из юрт Каюковых на р. Большой Юган.

применялись в тех случаях, когда рельеф местности был более или менее ровным. Там, где местность была пересеченной, охотники использовали ущелья, балки и т. п., сооружая на их дне ямы овальной формы разного размера. Э. Манкер высказывает предположение о том, что подобный способ охоты восходит к периоду неолита. Ловчие ямы обнаружены в Скандинавии почти повсеместно – там, где обитали саамы. Они имелись на территории северной Швеции, Норвегии и севере Финляндской Лапландии [*Manker*, 1960. С. 406; *Симченко*, 1992].

Жители северной тайги также широко применяли загороди для промысла северных оленей. Загороди обычно устраивали или в виде прясла в одну-две слеги, или в виде засеки [*Чернецов*, 1949]. У кызымских ханты, например, они достигали 10–15 км, а расстояние между ними определялось формой рельефа и расположением звериных троп. Постепенно загородь сужалась, заканчиваясь небольшим проходом, в котором устанавливался самострел или устраивалась ловчая яма. Охотники осматривали их каждые 3–4 дня. Аналогичные сооружения П. С. Паллас встретил у манси. Так, манси, жившие у ручья Тарьи, имели загороди до 12 км с ямами [*Симченко*, 1992; *Паллас*, 1786]. Подобные сооружения функционировали до конца XX в. Остатки охотничьих систем для добычи лося протяженностью в несколько километров были найдены в среднем течении Казыма, близ юрт Айхарсангхум летом 1994 г. Они выглядели как загородки в три слеги, смонтированные на живых деревьях. В узких промежутках вместо ям устанавливался спусковой механизм большого, до 4,0–4,5 м, самострела. Сейчас подобные сооружения ставят исключительно на медведя, оставляя один или несколько разрывов, где устанавливают петли из стального троса и складывают в качестве приманки подгнившие кости лося или оленя.

Интересны размышления коренных жителей р. Большой Салым о прекращении применения ловчих ям для охоты. Судя по устному свидетельству А. Н. Когончина, их перестали использовать потому, что в ямы могут попасть и погибнуть люди: «ямы не роют, так как люди ходят» [Салымские ханты, 1991. С. 35]. На первый взгляд, это мнение не совсем логично, однако, на наш взгляд, его смысл заключается в том, что люди стали больше охотится индивидуально. Человек, промышляющий самостоятельно, мог не знать о ямах, устроенных другими звероловами, так как их всегда маскировали под естественный ландшафт. Провалившись в яму, человек вряд ли самостоятельно смог бы из нее выбраться. Поэтому именно развитие индивидуальной охоты – одна из причин постепенного исчезновения из промыслового обихода ловчих ям.

Эта стратегия охоты также известна среди айнов о. Хоккайдо в Японии, где охота на оленя также происходила с помощью загородей, ведущих к ловчим ямам [*Sato*, 2005. P. 116, 117]. Таким образом, стратегия охоты данного типа на Хоккайдо и в Сибири связана одним и тем же принципом: окружить животное препятствиями (загородками, узкими коридорами и т. д.), чтобы провести его по нужному пути к ловушке.

Системы ловчих ям по археологическим данным. Несмотря на то, что ловчих ям на Севере Западной Сибири выявлено довольно много и часть из них даже изучена стационарными раскопками, публикаций о них в научном обороте мало. Поэтому в описании будут использованы собственный опыт, приобретенный во время экспедиций на территории Севера Западной Сибири, где авторы лично сталкивались как с одиночными ловчими ямами, так и с системами из нескольких десятков сооружений разной сохранности, а также обобщенные сведения из публикаций коллег. Некоторые из систем (групп) представляют собой цепочки ям, вытянутых в линию или расположенных хаотично. В Пуровском районе ЯНАО есть масштабная система ловчих ям, вытянутая на несколько километров. Не во всех из них присутствуют остатки древесины или археологический материал, поэтому датировать такие ямы не всегда представляется возможным. Выделяются ямы подквадратной, конусообразной или подпрямоугольной формы в среднем глубиной 1,5 м. Но иногда яма достигала глубины трех метров в зависимости от объекта охоты. Большая часть ловчих ям была рассчитана на северного оленя – основного промыслового вида данной территории начиная с верхнего палеолита. Иногда по стенкам и на дне фиксировались углистые пятна и полосы – это остатки крепления для предотвращения оплывания песчаных стенок, и уступы – ступеньки для спуска. На дне ямы порой встречались поражающие элементы – колья (рис. 10–12). Есть ямы, дополненные обваловкой, возможно, для того чтобы меньше копать. Иногда остатков грунта не находили, видимо, его уносили и прятали, чтобы не спугнуть животное. Датируемые более ранними периодами ямы имели более конусообразную форму. Сверху ловчие ямы перекрывали прутьями и закрывали ветками. Такие системы ловчих ям, представлявшие собой часть сложной системы загона, фиксируются как минимум с раннего неолита (рис. 26–27). Наиболее поздние из них относятся к XIII–XIV вв., и сведения о них до сих пор сохраняются в фольклоре.

Нередко ловчие ямы использовались как «живые холодильники»: попавшие в них животные оставались нетронутыми до тех пор, пока у охотников не появлялась потребность в новой добыче. Олени и лоси могли выживать достаточно долгое время в ямах, питаясь лежащим рядом мхом. Таким образом, у охотников не было необходимости в хранении сырого мяса, которое легко могло испортиться. Достаточно было при необходимости проверить ловушку и убить животное в тот момент, когда это потребуется.

Как уже упоминалось, единственный регион, где системы ловчих ям были комплексно исследованы, – это Японский архипелаг. По масштабам и протяженности цепочек ловчих ям японские материалы сравнимы

с сибирскими и могут быть использованы для сравнительных исследований. Подобные ловушки распространены на обширной территории – от о. Кюсю на западе до района Тохоку на востоке о. Хонсю и о. Хоккайдо. Наиболее распространены такие объекты в восточной Японии и вдоль побережья Японского моря. Например, в районе г. Тама на юго-западе Токио полностью исследованы цепочки из более чем 10 ям. В период среднего дзёмона (то есть в 3 тыс. до н. э.) ямы использовались в единой системе с загородками из веток, камней и травы. Они были частью организованной коллективной охоты на оленя и кабана [*Sato*, 2005. P. 109, 113].

Обсуждение. Регулярность движения диких оленьих стад и постоянство маршрутов их сезонных перекочевок обусловили благоприятные возможности для коллективных способов охотничьего промысла. Охотники должны были учитывать направление и время массовых перекочевок оленей (осенью – в глубь материка, весной – к морскому побережью), досконально знать пути движения стад, чтобы выбирать места, наиболее удобные для охоты. О том, насколько важен был учет этих обстоятельств, говорит то, что до недавнего времени изменение путей сезонных перекочевок дикого оленя коренным образом нарушало хозяйственно-бытовой ритм тундрового населения, заставляя его переселяться в другие места, вступать в войны и т. д.

В полосе тундры начиная с неолита жили рассеянные на больших пространствах экономически самостоятельные семейно-хозяйственные коллективы. Забота о добыче пропитания падала на мужчин, а обработка добычи, забота о детях лежала на женской части коллектива. Эти коллективы, судя по наличию жилищ, устраиваемых на местах переправ диких оленей через реки, вели полуоседлый, сезонный образ жизни. Если одиночные ловчие ямы мог выкопать один человек или одна семья, то целые системы из десятков сооружений подразумевали занятость большого количества людей. Таким образом, уже в эпоху неолита на территории Северной Азии проживали организованные охотничьи коллективы, способные построить большие системы ловчих ям для добычи крупных животных. Возможно, охота на оленей имела массовый характер, и для участия в ней объединялось несколько семейно-хозяйственных коллективов, образовывавших производственную общину.

Причиной преобладания коллективной охоты над индивидуальной может служить отсутствие необходимых орудий. Характерной чертой Севера Западной Сибири является, как уже отмечалось, практически полное отсутствие месторождений камня для изготовления орудий. Находки таких орудий малочисленны, наконечники стрел на поселениях – очень большая редкость. В могильниках встречается не более двух-трех штук. На основании этого можно сделать вывод, что хотя лук и стрелы были известны первопоселенцам, они не использовались широко. Каменных наконечников для стрел было мало, и даже костяные стрелы были редки, потому что для изготовления костяной стрелы в каменном веке использовалось соответствующее каменное орудие. Отсюда возможен вывод, что объем индивидуальной охоты был минимальным, т. к. в археологическом материале артефакты, связанные с этим видом промысла, массово не прослеживаются. Коллективная же охота в течение продолжительного периода была более развита и эффективна. С приходом русского населения и появлением огнестрельного оружия предпочтения смещаются в сторону индивидуальной охоты, и к XX в. коллективная охота постепенно исчезает из традиционной культуры.

Строительство систем ловчих ям и последующее их использование – это результат трудоемкого коллективного труда. Такие действия способствовали сплочению общества и, как следствие, усложнению его социальной структуры. Косвенным подтверждением развития социальной структуры обществ охотников и собирателей Севера Западной Сибири может служить количество поселений и число одновременно функционировавших жилых домов в них. Особенно показательно соотнесение с поселениями ханты XVII–XIX вв., практиковавших преимущественно индивидуальную охоту, что зафиксировано документально. Отдельные поселения эпохи мезолита – раннего неолита насчитывали до 12 жилищ, каждое из которых принадлежало семейно-родовой общине, что позволяет определить расчетную численность соседской общины в интервале от 96 до 192 чел. В железном веке средняя численность поселений сохраняется, редкие из них достигают 14 и более жилищ, соответственно, показатели числа жителей теоретически могли составлять от 112 до 224 чел. Даже приблизительные – данные показатели для условий Крайнего Севера следует признать значительными. Например, по данным статистического учета на конец XIX в. численность населения явно сократилась и для населенных пунктов коренных жителей Обского Севера составляла от 8–12 до 38–48 чел. [*Патканов*, 1911]. В качестве вероятной причины мы предполагаем переход от промысла крупных копытных в форме массовой коллективной охоты на товарно-пищевую охоту в индивидуальной форме. Переход на товарную охоту начал происходить в XII–XIII вв. и был связан с большой ценностью шкурок зверей пушных видов (бобра, соболя, горностая, лисицы), за которые можно было получить высокую оплату в том числе металлическими изделиями (железным оружием, медной посудой, предметами роскоши из серебра и золота), а природные ресурсы территории Западной Сибири бедны не только камнем, но и металлом, особенно цветным.

Таким образом, в древности начиная с периода раннего голоцена большое количество пищевых ресурсов Западно-Сибирской равнины и отсутствие сырья для охотничьего оружия стало причиной формирования относительно новой системы коллективной охоты. Она была основана на сезонных миграциях крупных

копытных, в первую очередь дикого северного оленя. Использование систем ловчих ям могло обеспечивать стабильное и обильное питание, при этом требовало небольших трудозатрат, так как выкопать яму в песке не представляло большой сложности.

Выводы. Крупные копытные были основным пищевым видом для народов Севера Западной Сибири с древних времен вплоть до середины XX в. Стабильные природные условия, высокая численность диких пищевых видов и изобилие животных обеспечивали высоко эффективный охотничий промысел, что лишало смысла развивать иные производящие формы хозяйства. Таким образом, охота на крупных копытных была определяющим сектором экономики региона, играла ведущую роль в росте численности и развитии населения. Коллективная охота, вероятно, была известна и ранее, но в условиях изолированности территории на Севере сформировались новые формы такой охоты, которые просуществовали у аборигенов вплоть до XX в.

Основываясь на многочисленных археологических источниках и этнографических данных, можно утверждать, что на Севере Западной Сибири наиболее эффективным способом промысла стадных животных была пассивная охота с применением систем ловчих ям, или загонная охота при помощи кожаных сетевых ловушек. Оба эти способа основаны на естественных сезонных миграциях животных. Результатом такой активной промысловой деятельности населения Северной Азии стало большое количество археологических объектов, что говорит о большой численности населения. Плотность его оставалась стабильной на протяжении тысячи лет, причем в два раза большей, чем на сопредельных территориях. По нашему мнению, именно обилие дичи и эффективные способы коллективной охоты обеспечили такой прирост населения, а ловчие ямы являются своеобразным маркером преобладания именно коллективной охоты на северного оленя.

Результаты предварительного изучения систем коллективной охоты на крупных копытных позволяют сделать выводы об изменении и развитии структуры древних обществ Севера Западной Сибири. В условиях отсутствия каменного сырья и металлургии при необходимости освоения пищевых ресурсов применение коллективного труда для совместной охоты стало необходимым условием адаптации населения к условиям жизни на территории Севера Западной Сибири и всей Северной Азии. Территория Ханты-Мансийского автономного округа – Югры уникальна по сравнению с сопредельными территориями в первую очередь количеством обнаруженных археологических объектов. Население демонстрирует стабильный прирост на протяжении тысячелетий, что можно объяснить эффективностью методов охоты и успешной адаптацией к окружающей среде.

Таким образом, стационарные промыслово-хозяйственные сооружения – зачастую единственные дошедшие до нашего времени археологические свидетельства разных эпох, являются основным источником информации для изучения охоты – ведущей отрасли хозяйства древнего населения региона.

Перспективы исследований. Систематическое изучение промыслово-хозяйственных объектов и публикация новых данных позволят расширить представления о социальном укладе и численности общин, населявших Западно-Сибирскую равнину в разные исторические периоды. Верификацию археологических данных пока еще возможно частично провести при помощи сбора и анализа этнографических сведений благодаря сохранению среди местного населения некоторых архаичных форм ведения хозяйства. Эти вещественные свидетельства позволят выйти на другой уровень изучения экономики и общественного устройства населения Северной Азии разных исторических эпох.

Литература и источники

1. ***Балуева Ю. В., Коноваленко М. В.*** Археологический комплекс на р. Большой Салым (по материалам исследований 2014 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 232–258.

2. ***Баранов М. Ю.*** Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 343–346.

3. ***Гептнер В. Г., Насимович А. А., Банников А. Г.*** Млекопитающие Советского Союза. Т. 1. Парнокопытные и непарнокопытные. М. : Изд-во «Высшая школа», 1961. С. 302–324.

4. ***Головнев А. В.*** Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири / А. В. Головнев. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 204 с.

5. Древнейшие антропологические находки высокоширотной Арктики (Жоховская стоянка, Новосибирские острова) / В. В. Питулько, В. И. Хартанович, В. Б. Тимошин [и др.] // Уральский исторический вестник. № 2(47), 2015. С. 61–72.

6. ***Дубовцева Е. Н., Ковригин А. А.*** Раскопки объектов охотничье-промыслового назначения в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 260–270.

7. ***Дунин-Горкавич А. А.*** Тобольский Север. М. : Изд-во «Либерия», 1995. Т. I. 208 с.

8. ***Дунин-Горкавич А. А.*** Тобольский Север. М. : Изд-во «Либерия», 1995. Т. II. 376 с.

9. ***Дунин-Горкавич А. А.*** Тобольский Север. М. : Изд-во «Либерия», 1996. Т. III. 432 с.

10. ***Зольников И. Д., Анойкин А. А., Филатов Е. А., Выборнов А. В., Васильев А. В., Постнов А. В., Зоткина Л. В.*** Новые данные о заселении долины Нижней Оби в позднем неоплейстоцене / Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 1. С. 9–20.

11. ***Зуев В. Ф.*** Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Василием Зуевым / В. Ф. Зуев // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. Т. 5 : Материалы по этнографии Сибири XVIII в. ТИЭ. С. 17–91.

12. ***Ивасько Л. В., Мызников С. А.*** Раскопки археологического памятника «Группа ловчих ям Хейгияха 1» // Археологические открытия 2002 года. М. : Изд-во «Наука», 2003. С. 365–366.

13. Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // А. А. Ковригин, В. М. Морозов, А. А. Погодин, А. С. Сергеев // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 302–317.

14. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. / под общ. ред. П. А. Косинцева. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. 376 с. : илл. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 4).

15. ***Кардаш О. В.*** Пустозерский уезд и Большая Карачея: история военных конфликтов с сибирскими самоедами в XVII–XVIII веков. Приложение. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 994. Л. 1–50 Дело по словесному объявлению архангелогородского гарнизонного полку капрала Тита Калинина о пойманной в Пустозерском остроге воровской карачейской самояди // Археология и история Северо-Западной Сибири (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири). Нефтеюганск ; Екатеринбург : Изд-во ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2017. С. 171–214.

16. ***Кардаш О. В., Визгалов Г. П.*** Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения). В 2-х т. : монография / О. В. Кардаш, Г. П. Визгалов. Екатеринбург : Изд-во «Караван», 2015. Т. I. Археологические исследования. 448 с. Т. II. Источники и специальные исследования. 208 с. Вып. V. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири).

17. ***Кокшаров С. Ф.*** Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки Уральского населения в древности. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1993. С. 162–168.

18. ***Колпащиков Л. А., Бондарь М. Г., Михайлов В. В.*** Современная история таймырской популяции дикого северного оленя: динамика, управление, угрозы и пути сохранения // Труды Карельского научного центра РАН № 11. 2019. С. 5–20.

19. ***Коноваленко М. В., Балуева Ю. В., Сериков Ю. Б.*** Большой Салым 4 – новое мезолитическое поселение на севере Западной Сибири (первые результаты исследования) // Stratum plus. Микролитический бум. Кишинев : Изд-во Высш. антропол. шк. 2017. № 1. С. 201–218.

20. ***Косинская Л. Л.*** О некоторых параллелях в археологии Севера Западной Сибири и Северо-Запада Европы: ловчие ямы каменного века / Л. Л. Косинская // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы : материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Н. Н. Гуриной, Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2009 года / Институт истории материальной культуры РАН, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург : Изд-во «Лема», 2009. С. 181–183.

21. ***Лукиных А. А.*** Звероловные ямы II–XIII вв. в среднем течении реки Самсоновской (по материалам комплексных археологических исследований в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Северный регион. Сургут ; Нефтеюганск : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2020. С. 5–28.

22. ***Махова М. А.*** Таймырская популяция дикого северного оленя *(Rangifer tarandus M)* под влиянием антропогенного фактора / М. А. Махова, О. А. Греков // Молодой ученый. 2019. № 45 (283). С. 243–245.

23. ***Миллер Г. Ф.*** История Сибири. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937. Т. 1. 684 с.

24. Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. ; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 1083 с., 24 л. ил. и карт., 1 отд. л. карт. (Народы мира / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; под общ. ред. чл.-кор. АН СССР С. П. Толстова).

25. ***Паллас П. С.*** Путешествие по разным провинциям Российского Государства [Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства], СПб. : Имп. Акад. наук, 1809. 657 + 116 с.

26. ***Попов А. А.*** Нганасаны. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948, 128 с.

27. ***Рудковская М. А.*** Ловчие звероловные ямы на р. Кедровой (Ханты-Мансийский район ХМАО–Югры) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 304-316

28. ***Сериков Ю. Б., Балуева Ю. В., Коноваленко М. В.*** Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на Севере Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 5–19.

29. ***Симченко Ю. Б.*** Нганасаны: Система жизнеобеспечения. М. : Изд-во Ин-та Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1992. 202 с.

30. ***Чернецов В. Н.*** К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М. : Изд-во «Наука», 1968. С. 41–53.

31. ***Manker E.*** Fångstgropar och stalotomter. Kulturlämningar från lapsk forntid. Uppsala : Nordiska Museet, 1960. 406 p.

32. ***Pitulko V. V., Kasparov A. K.*** Archaeological dogs from the Early Holocene Zhokhov site in the Eastern Siberian Arctic // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 13. P. 491–515.

33. ***Sato Hiroyuki.*** Socio-ecological Research of the Trap-pit Hunting in Jomon Period, Japan // Bulletin of the Department of Archaeology, the University of Tokyo. 2005. No. 19. P. 105–124.

Источники

34. ***Ивасько Л. В.*** Отчет о НИР. Охранные раскопки археологического памятника «Группа ловчих ям Хейгияха-1» на трассе магистрального газопровода СРТО-Торжок в Надымском районе ЯНАО в 2002 г. Нефтеюганск. Архив ООО «НПО Северная археология – 1».

35. ***Кардаш О. В.*** Отчет о НИР по теме: «Археологические раскопки объекта культурного наследия «поселение Балинское 63» в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2015 г. Нефтеюганск, 2015. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 427.

36. ***Патканов С. К.*** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С. К. Патканов // Записки РГО по отделу статистики. СПб. : Типография С. Н. Худекова, 1911. Т. II. Вып. 2. 432 с.

37. Салымские ханты. Научный отчет по материалам обследования традиционного хозяйственно-культурного комплекса хантыйского населения Нефтеюганского р-на Тюменской области // О. В. Котов, И. В. Ильина, П. Ф. Лимеров, В. Э. Шарапов, А. Л. Сюзюмов. 1991. Архив ООО «НПО «Северная археология – 1».

38. Перечни объектов культурного наследия ЯНАО // Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа : оф. сайт. URL : https://nasledie89.yanao.ru/activity/4164/ (дата обращения: 01.03.2023).

39. Сведения о количестве объектов культурного наследия по данным государственного учета на 01.01.2023 // Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры : оф. сайт. URL: https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya-/903871/svedeniya-o-kolichestve-obektov-kulturnogo-naslediya-po-dannym-gosudarstvennogo-uchyeta/ (дата обращения: 01.02.2023).

40. Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры : оф. сайт. URL : https://nasledie.admhmao.ru (дата обращения: 01.02.2023).

Информация об авторах

Кардаш Олег Викторович – кандидат исторических наук, руководитель, Центр югорской археологии и этнографии, доцент, кафедра истории России, Сургутский государственный университет, г. Сургут; научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Гирченко Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.

E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Визгалов Георгий Петрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-образовательный центр Института гуманитарного образования и спорта, доцент, кафедра истории России, Сургутский государственный университет, г. Сургут; научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор, ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск.

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

O. V. Kardash[1, 2, 3], E. A. Girchenko[2], G. P. Vizgalov[1, 2, 4]

[1]Surgut State University, Surgut, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
[3]ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk, Russia
[4]"Scientific Production Association "Northern Archaeology – 1" LLC, Nefteyugansk, Russia

ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHICAL DATA ON METHODS OF GROUP HUNTING FOR LARGE UNGULATES AMONG THE NORTH ASIA POPULATION

Summary

The most large-scale scientific investigations aimed to discover and study the objects of archaeological heritage within the territory of the North Asia were conducted in the north of the West Siberian Plain since 1995. At present 7159 archaeological sites have been discovered and registered to secure in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. Among all the sites there are approximately 1000 objects which present groups of hunting pitfall traps. Northerly on the territory of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug 585 archaeological sites are registered by state, approximately 15 % of them are hunting pitfall traps.

V. N. Chernetsov was the first researcher who brought into view the phenomenon of hunting traps and fences aligned with them. However there are merely few completely studied systems of hunting pitfall traps and other methods of group hunting, even though on the territory of the North of the Western Siberia and the North Asia in general stationary taiga economy constructions are an essential source for studying the hunting methods.

The article is aimed to substantiate the importance of studying the hunting economy archaeological sites and also encourage researchers to introduce the related data into scientific discourse.

At present three methods of group hunting are known: pokolka, corral hunting and hunting with pitfall traps. The most ancient method is pokolka, it was carried out at the large rivers crossings during animal seasonal migrations, when swimming reindeers were almost helpless, and they could be hunted in large amounts afloat with spires, clubs and later with axes. Other method of group hunting was corral hunting, recorded since the 17th century, it was carried out by the means of stationary constructions, net traps or systems of crossbows on the ways of reindeers migration. The third method – hunting with the use of single pitfall traps or systems of pitfall traps.

Regularity of wild reindeer herds migrations and route consistency of seasonal migration determined the development of group hunting methods. Group method dominated over individual hunting probably because of the lack of necessary tools and almost complete absence of stone deposits needed for tool production.

Only with the arrival of the Russians and firearms there was the emphasis shift towards individual hunting; by the 19th century, group hunting had more or less faded from traditional culture. Also construction of trap pitfall systems and their subsequent use demanded labour-intensive communal work.

Stable natural environment, large amount of edible wild species and abundance of animals provided stable hunting results; passive hunting with the use of systems of pitfall traps or corral hunt with leather nets were the most effective methods to hunt herd animals. The both these methods were based on natural seasonal migrations routes of animals. This industrious hunting activities of population of the Northern Asia resulted in considerable amount of archaeological sites, and hunting pitfall traps were a special sign of domination of group hunting for reindeers.

The systemic study of taiga economy in archaeology and new data publishing allows to broaden the knowledge about the social practice and the number of communities that inhabited the West Siberian Plain during different historical periods.

Information about the authors

Kardash Oleg V. – candidate of historical sciences, Associate professor, department of history of Russia, director, Center of Yugra Archaeology and Ethnography, Surgut State University, Surgut; researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; director, ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk. *E-mail: kov_ugansk@mail.ru*

Girchenko Ekaterina A. – candidate of historical sciences, researcher, the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk. *E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com*

Vizgalov Georgiy P. – candidate of historical sciences, leading researcher, Scientific and Educational Center of the Institute for Humanities and Sport, Surgut State University, Surgut; researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; director, "Scientific Production Association "Northern Archaeology – 1" LLC, Nefteyugansk. *E-mail: vizgalovgp@mail.ru*

References

1. ***Balueva Yu. V., Konovalenko M. V.*** Arheologicheskij kompleks na r. Bol`shoj Saly`m (po materialam issledovanij 2014 g.) // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2016. Vyp. 14. S. 232–258.

2. ***Baranov M. Yu.*** Kompleks arxeologicheskih pamyatnikov bronzovogo veka na r. Balinskaya v Srednem Priob`e i ego kul`turno-hozyajstvennaya interpretaciya (po materialam arheologicheskih issledovanij poselenij Balinskoe 1, 3, 8, 10) // Sovremennye problemy arheologii Rossii. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2006. S. 343–346.

3. ***Geptner V. G., Nasimovich A. A., Bannikov A. G.*** Mlekopitayushie Sovetskogo Soyuza. T. 1. Parnokopytnye i neparnokopytnye. M. : Izd-vo "Vysshaya shkola", 1961. S. 302–324.

4. ***Golovnev A. V.*** Istoricheskaya tipologiya hozyajstva narodov Severo-Zapadnoj Sibiri. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1993. 204 s.

5. Drevnejshie antropologicheskie nahodki vysokoshirotnoj arktiki (Zhohovskaya stoyanka, Novosibirskie ostrova) / Pitul`ko V. V., Hartanovich V. I., Timoshin V. B. [i dr.] // Ural`skij istoricheskij vestnik. № 2(47), 2015. S. 61–72.

6. ***Dubovceva E. N., Kovrigin A. A.*** Raskopki ob`ektov ohotnich`e-promyslovogo naznacheniya v Surgutskom rajone KhMAO-Yugry // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2009. Vyp. 7. S. 260–270.

7. ***Dunin-Gorkavich A. A.*** Tobol`skij Sever. M. : Izd-vo "Liberiya", 1995. T. I. 208 s.

8. ***Dunin-Gorkavich A. A.*** Tobol`skij Sever. M. : Izd-vo "Liberiya", 1995. T. II. 376 s.

9. ***Dunin-Gorkavich A. A.*** Tobol`skij Sever. M. : Izd-vo "Liberiya", 1996. T. III. 432 s.

10. ***Zol'nikov I. D., Anoykin A. A., Filatov Ye. A., Vybornov A. V., Vasil'yev A. V., Postnov A. V., Zotkina L. V.*** Novye dannye o zaselenii doliny nizhnej Obi v pozdnem neoplejstocene / Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2021. T. 49. № 1. S. 9–20.

11. ***Zuev V. F.*** Opisanie zhivushih v Sibirskoj gubernii v Berezovskom uezde inovercheskih narodov ostyakov i samoedczov, sochinennoe studentom Vasiliem Zuevym / V. F. Zuev // Trudy instituta etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya. Novaya seriya. M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947. T. 5: Materialy po etnografii Sibiri XVIII v. TIE. S. 17–91.

12. ***Ivas`ko L. V., Myznikov S. A.*** Raskopki arheologicheskogo pamyatnika "Gruppa lovchih yam Hejgiyaha-1" // Arheologicheskie otkrytiya 2002 goda. M. : Izd-vo "Nauka", 2003. S. 365–366.

13. Issledovanie istoriko-arheologicheskogo kompleksa Kushnikovo v Surgutskom rajone KhMAO // Kovrigin A. A., Morozov V. M., Pogodin A. A., Sergeev A. S. // Khanty-Mansi Autonomous Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2004. Vyp. 2. S. 302–317.

14. Istoricheskaya ekologiya naseleniya severa Zapadnoj Sibiri / Vizgalov G. P., Kardash O. V., Kosincev P. A., Lobanova T. V. / pod obshey red. P. A. Kosinceva. Ekaterinburg : Izd-vo AMB, 2013. 376 s.: ill. (Materialy i issledovaniya po istorii severa Zapadnoj Sibiri; vyp. 4).

15. ***Kardash O. V.*** Pustozerskij uezd i Bol`shaya Karacheya : istoriya voennyh konfliktov s sibirskimi samoedami v XVII–XVIII vekah. Prilozhenie. GAAO. F. 1. Op. 1. D. 994. L. 1-50 Delo po slovesnomu ob`yavleniyu arhangelogorodskogo garnizonnogo polku kaprala Tita Kalinina o pojmannoj v Pustoozerskom ostroge vorovskoj karachejskoj samoyadi // Arheologiya i istoriya Severo-Zapadnoj Sibiri (Materialy i issledovaniya po istorii severa Zapadnoj Sibiri). Nefteyugansk – Ekaterinburg : Izd-vo OAO IPP "Ural`skij rabochij", 2017. S. 171–214.

16. ***Kardash O. V., Vizgalov G. P.*** Gorodok Monkys Urij: k istorii naseleniya Bol`shogo Yugana v XVI–XVII vekah (po rezul`tatam kompleksnogo arheologicheskogo izucheniya) : v 2-x t. : monografiya / O. V. Kardash, G. P. Vizgalov. Ekaterinburg : Izd-vo "Karavan", 2015. T. I. Arheologicheskie issledovaniya. 448 s. T. II. Istochniki i special`nye issledovaniya. 208 s. Vyp. V. Materialy i issledovaniya po istorii severa Zapadnoj Sibiri.

17. ***Koksharov S. F.*** Ohotnich`i yamy-lovushki na Severo-Zapade Sibiri // Znaniya i navyki Ural`skogo naseleniya v drevnosti. Ekaterinburg : Izd-vo UrO RAN, 1993. S. 162–168.

18. ***Kolpashhikov L. A., Bondar` M. G., Mihajlov V. V.*** Sovremennaya istoriya tajmyrskoj populyacii dikogo severnogo olenya: dinamika, upravlenie, ugrozy i puti sohraneniya // Trudy Karel`skogo nauchnogo centra RAN № 11. 2019. S. 5–20.

19. ***Konovalenko M. V., Balueva Yu. V., Serikov Yu. B.*** Bol`shoj Salym 4 – novoe mezoliticheskoe poselenie na severe Zapadnoj Sibiri (pervye rezul`taty issledovaniya) // Stratum plus. Mikroliticheskij bum. Kishinev : Vyssh. antropol. shk. 2017. № 1. S. 201–218.

20. ***Kosinskaya L. L.*** O nekotoryh parallelyah v arheologii Severa Zapadnoj Sibiri i Severo-Zapada Evropy: lovchie yamy kamennogo veka / L. L. Kosinskaya // Vzaimodejstvie i hronologiya kul`tur mezolita i neolita Vostochnoj Evropy : Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashennoj 100-letiu N. N. Gurinoj, Sankt-Peterburg, 23–25 noyabrya 2009 goda / Institut istorii material`noj kul`tury RAN, Muzej antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera). Sankt-Peterburg : Izd-vo "Lema", 2009. S. 181–183.

21. ***Lukiny`h A. A.*** Zverolovnye yamy II–XIII vv. v srednem techenii reki Samsonovskoj (po materialam kompleksnyh arheologicheskih issledovanij v Nefteyuganskom rajone Khanty-Mansijskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry) // Severny`j region. Surgut ; Nefteyugansk : Izd-vo ANO "Institut arheologii Severa", 2020. S. 5–28.

22. ***Maxova M. A.*** Tajmyrskaya populyaciya dikogo severnogo olenya (Rangifer tarandus M) pod vliyaniem antropogennogo faktora / M. A. Maxova, O. A. Grekov // Molodoj uchenyj. 2019. № 45 (283). S. 243–245.

23. ***Miller G. F.*** Istoriya Sibiri. M. ; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1937. T. 1. 684 s.

24. Narody Sibiri / pod red. M. G. Levina, L. P. Potapova. M. ; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1956. 1083 s., 24 l. il. i kart., 1 otd. l. kart. (Narody mira / Akad. nauk SSSR. In-t etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya. Pod obshey red. chl.-kor. AN SSSR S. P. Tolstova).

25. ***Pallas P. S.*** Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo Gosudarstva, SPb : Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1773–1788, S. 327.

26. ***Popov A. A.*** Nganasany. M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1948, 128 s.

27. ***Rudkovskaya M. A.*** Lovchie zverolovnye yamy na r. Kedrovoj (Khanty-Mansijskij rajon KhMAO-Yugry) // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2016. Vyp. 14. S. 304-316

28. ***Serikov Yu. B., Balueva Yu. V., Konovalenko M. V.*** Kamennyj inventar` novogo mezoliticheskogo poseleniya na severe Zapadnoj Sibiri // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. 2018. № 4 (43). S. 5–9.

29. ***Simchenko Yu. B.*** Nganasany: Sistema zhizneobespecheniya. In-t etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya, 1992, S. 31–88.

30. ***Cherneczov V. N.*** K voprosu o slozhenii ural`skogo neolita // Istoriya, arheologiya i etnografiya Srednej Azii. M. : Izd-vo “Nauka”, 1968. S. 41–53.

31. ***Manker E.*** Fångstgropar och stalotomter. Kulturlämningar från lapsk forntid. Uppsala : Nordiska Museet, 1960. 406 p.

32. ***Pitulko V. V., Kasparov A. K.*** Archaeological dogs from the Early Holocene Zhokhov site in the Eastern Siberian Arctic // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 13. P. 491–515.

33. ***Sato Hiroyuki.*** Socio-ecological Research of the Trap-pit Hunting in Jomon Period, Japan // Bulletin of the Department of Archaeology, the University of Tokyo. 2005. No. 19. P. 105–124.

Istochniki

34. ***Ivas`ko L. V.*** Otchet o NIR. Ohrannye raskopki arheologicheskogo pamyatnika “Gruppa lovchih yam Hejgiyaha-1” na trasse magistral`nogo gazoprovoda SRTO-Torzhok v Nadymskom rajone YaNAO v 2002 g. Nefteyugansk. Arhiv OOO “NPO “Severnaya arheologiya – 1”.

35. ***Kardash O. V.*** Otchet o NIR. Arheologicheskie raskopki ob`ekta kul`turnogo nasledi ya poselenie “Balinskoe 63” v Khanty-Mansijskom rajone Khanty-Mansijskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry v 2015 g. Nefteyugansk, 2015. Arhiv OOO “NPO “Severnaya arheologiya – 1” F. I. D., 427.

36. ***Patkanov S. K.*** Statisticheskie dannye, pokazyvayushie plemennoj sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodcev (na osnovanii dannyh specialnoj razrabotki materiala perepisi 1897 g.) / S. K. Patkanov // Zapiski RGO po otdelu statistiki. SPb. : Tipografiya S. N. Hudekova, 1911. T. II. Vyp. 2. 432 s.

37. Salymskie khanty. Nauchnyj otchet po materialam obsledovaniya tradicionnogo hozyajstvenno-kul`turnogo kompleksa hantyjskogo naseleniya Nefteyuganskogo r-na Tyumenskoj oblasti // Kotov O. V., Il`ina I. V., Limerov P. F., Sharapov V. E., Syuzyumov A. L. 1991. Arhiv OOO “NPO “Severnaya arxeologiya – 1”.

38. Perechni ob`ektov kul`turnogo nasledi ya YaNAO // Sluzhba gosudarstvennoj ohrany ob`ektov kul`turnogo nasledi ya YaNAO-Neneczkogo Avtonomnogo Okruga. URL: https://nasledie89.yanao.ru/activity/4164/ (data obrashheniya: 01.03.2023)

39. Svedeniya o kolichestve ob`ektov kul`turnogo nasledi ya po dannym gosudarstvennogo ucheta na 01.01.2023 // Sluzhba gosudarstvennoj ohrany ob`ektov kul`turnogo nasledi ya KhMAO-Yugry: of. sajt. URL : https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya-/903871/svedeniya-o-kolichestve-obektov-kulturnogo-nasledi ya-po-dannym-gosudarstvennogo-uchyeta/ (data obrashheniya: 01.02.2023)

40. Sluzhba gosudarstvennoj ohrany ob`ektov kul`turnogo nasledi ya KhMAO-Yugry : of. sajt. URL : https://nasledie.admhmao.ru (data obrashheniya: 01.02.2023)

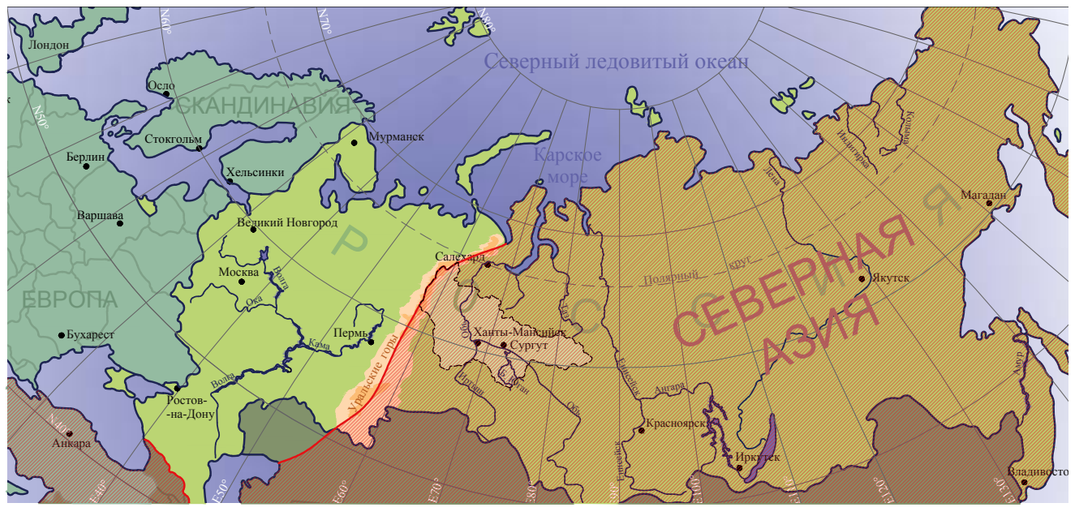


Рис. 1. Северная Азия на карте Евразии
Fig. 1. Northern Asia on the map of Euroasia

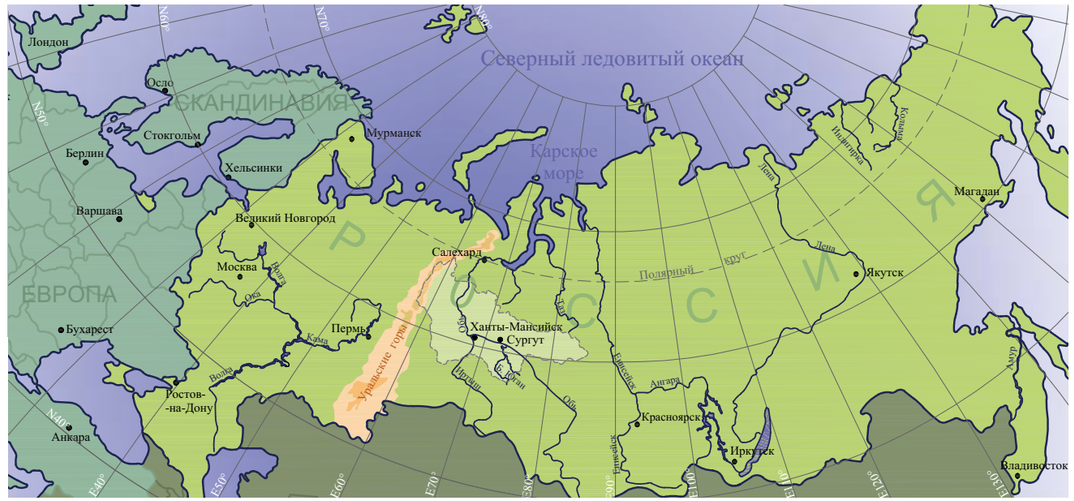


Рис. 2. Расположение ХМАО-Югры на карте России.
Fig. 2. Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra on the map of Russia

Рис. 3. Север Западной Сибири. Тундра. Арктическая пустыня. Фото О. В. Кардаша
Fig. 3. The North of the Western Siberia. Tundra. Arctic desert. The picture made by O. V. Kardash

Рис. 4. Север Западной Сибири. Лесотундра. Северная тайга. Фото О. В. Кардаша
Fig. 4. The North of the Western Siberia. Forest tundra. The northern taiga. The picture made by O. V. Kardash

Рис. 5. Север Западной Сибири. Северная тайга. Фото О. В. Кардаша
Fig. 5. The North of the Western Siberia. The northern taiga. The picture made by O. V. Kardash

Рис. 6. Север Западной Сибири. Тундра. Фото О. В. Кардаша
Fig. 6. The North of the Western Siberia. Tundra. The picture made by O. V. Kardash

Рис. 7. Север Западной Сибири. Нартенный транспорт. Фото О. В. Кардаша
Fig. 7. The North of the Western Siberia. Deer sled. The picture made by O. V. Kardash

Рис. 9. Север Западной Сибири. Тундровые северные олени. Фото О. В. Кардаша
Fig. 9. The North of the Western Siberia. Reindeers of tundra. The picture made by O. V. Kardash

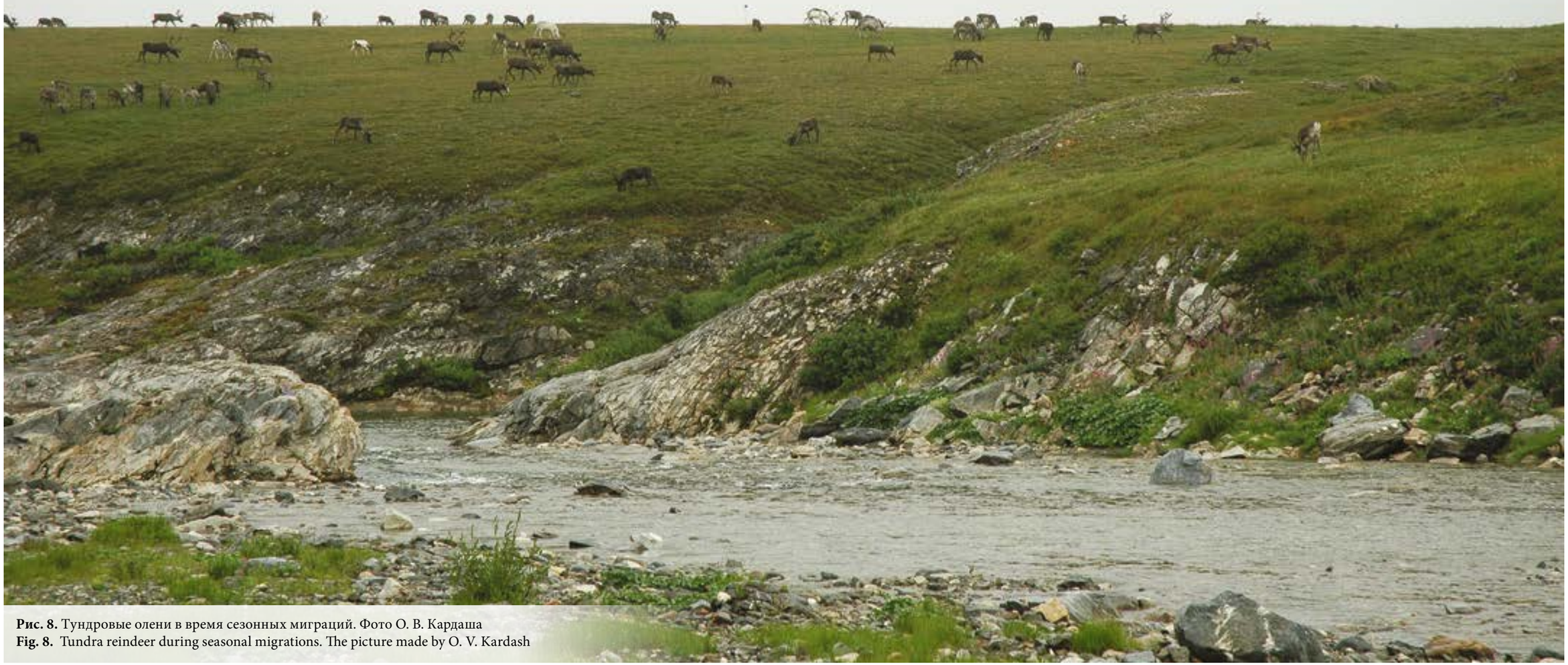


Рис. 8. Тундровые олени в время сезонных миграций. Фото О. В. Кардаша
Fig. 8. Tundra reindeer during seasonal migrations. The picture made by O. V. Kardash

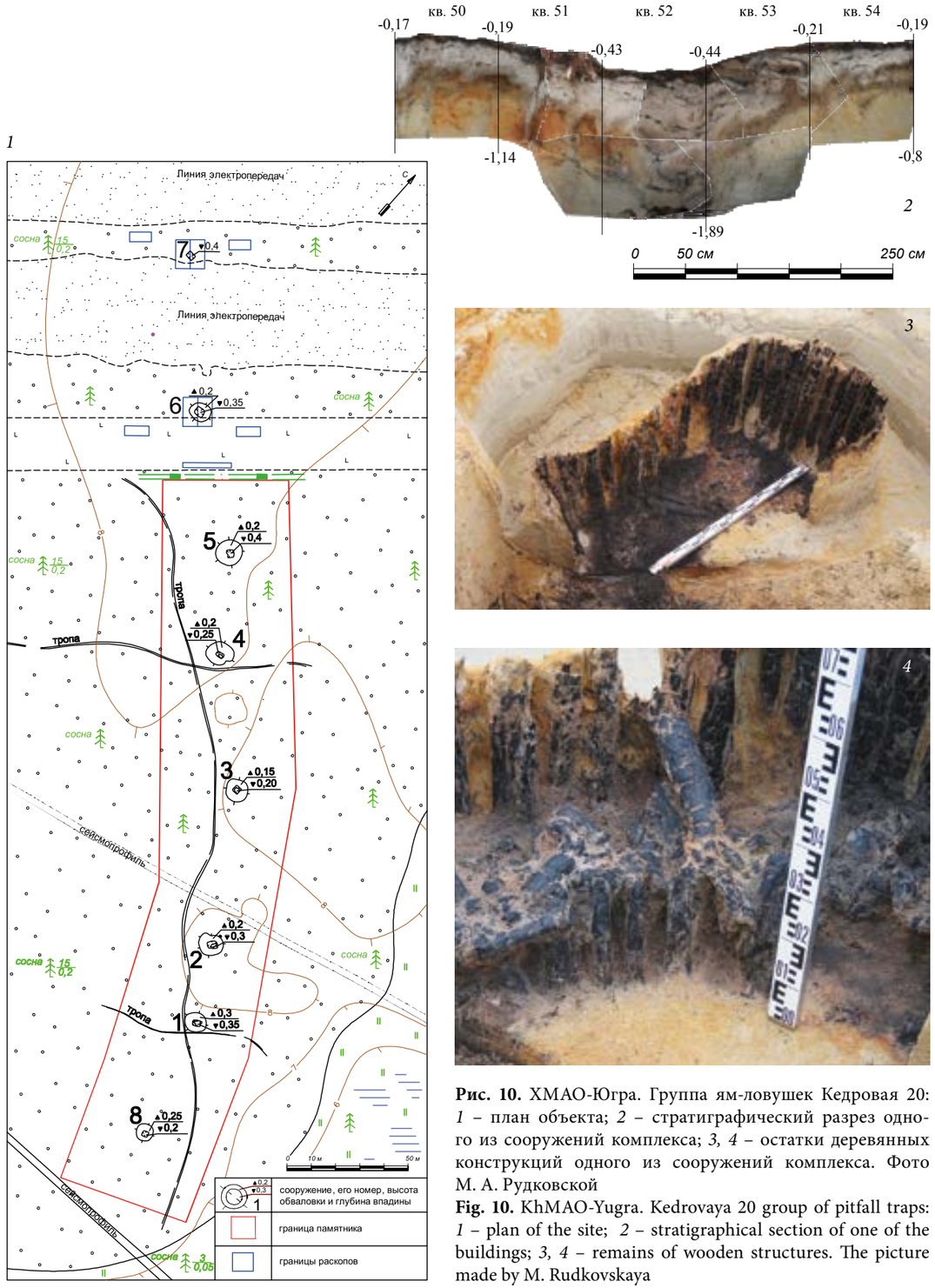


Рис. 10. ХМАО-Югра. Группа ям-ловушек Кедровая 20: *1* – план объекта; *2* – стратиграфический разрез одного из сооружений комплекса; *3, 4* – остатки деревянных конструкций одного из сооружений комплекса. Фото М. А. Рудковской

Fig. 10. KhMAO-Yugra. Kedrovaya 20 group of pitfall traps: *1* – plan of the site; *2* – stratigraphical section of one of the buildings; *3, 4* – remains of wooden structures. The picture made by M. Rudkovskaya

Рис. 11. ХМАО-Югра. Кедровая 20, ловчая яма. Яма 7. Центральный разрез. Вид с юго-запада

Fig. 11. KhMAO-Yugra. Kedrovaya 20 pitfall trap. Pit 7. Central section. View from the south-west

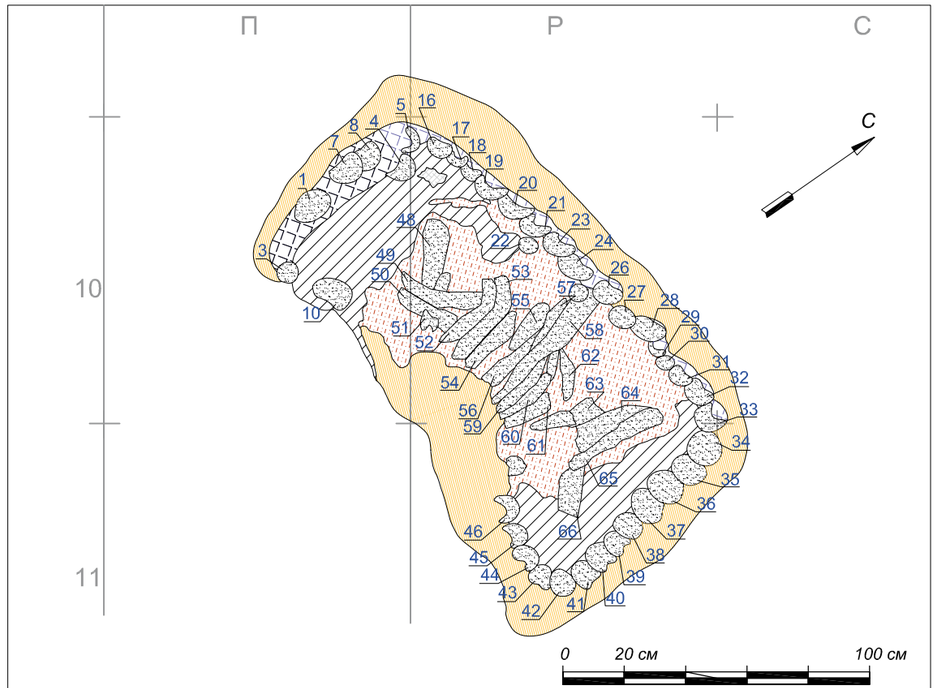


Рис. 12. ХМАО-Югра. Кедровая 20, ловчая яма. Яма 7. Уровень фиксации – 1,9 м

Fig. 12. KhMAO-Yugra. Kedrovaya 20 pitfall trap. Pit 7. Fixation level 1.9 m

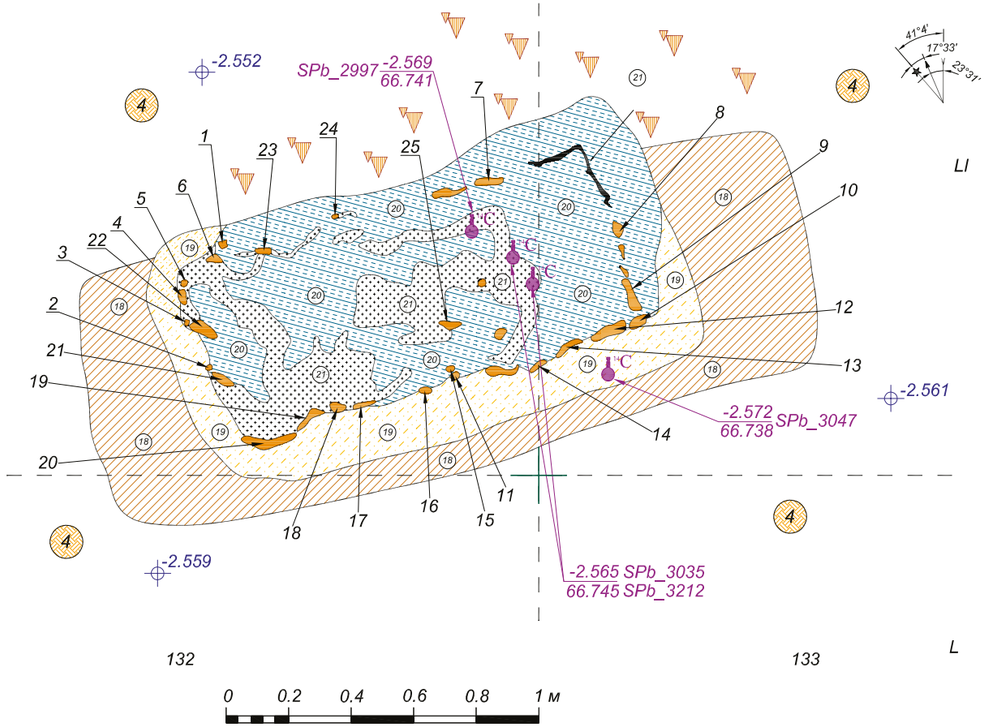


Рис. 13. ХМАО-Югра. Ловчая яма Самсоновское 12. Чертеж
Fig. 13. KhMAO-Yugra. Samsonovskoye 12 pitfall trap. Scheme.

Рис. 14. ХМАО-Югра. Ловчая яма Угутское 31. Фото Балуевой Ю. В., 2010 г.
Fig. 14. KhMAO-Yugra. Ugutskoye 31 pitfall trap. The picture made by Balyeva Yu., 2010

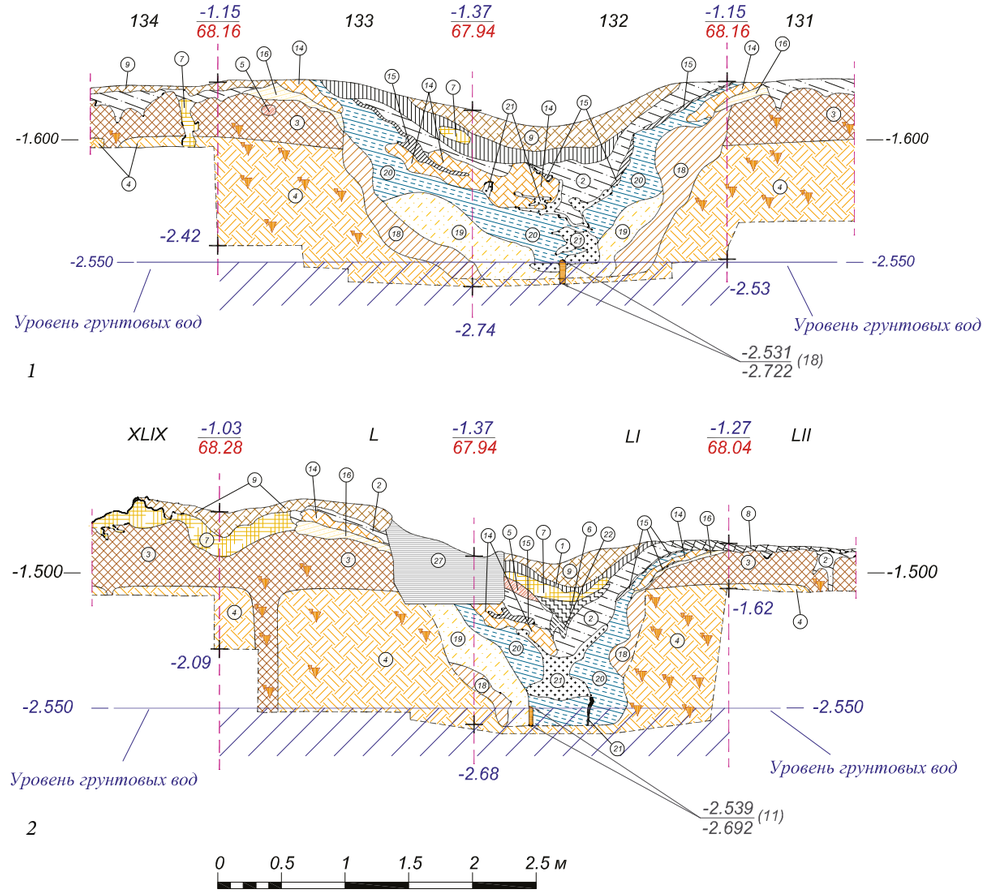


Рис. 15. ХМАО-Югра. Ловчие ямы, Самсоновское 12. *1, 2* – чертеж
Fig. 15. KhMAO-Yugra. Samsonovskoye 12 pitfall trap. *1, 2* - schemes.

Рис. 16. ХМАО-Югра. Ловчая яма Самсоновское 12. *1, 2* – фотографии некоторых сооружений.
Fig. 16. KhMAO-Yugra. Samsonovskoye 12 pitfall trap. *1, 2* –construction poles.

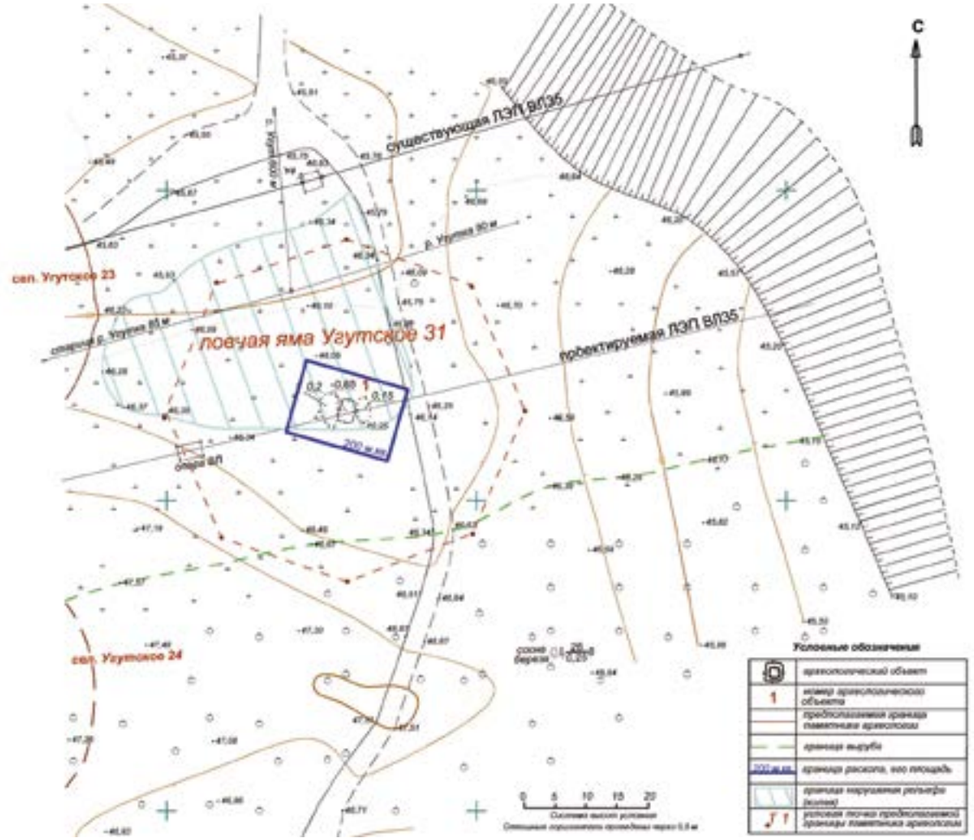


Рис. 17. ХМАО-Югра. Ловчая яма Угутское 31. План
Fig. 17. KhMAO-Yugra. Ugutskoye 31 pitfall trap. Plan

Рис. 18. ХМАО-Югра. Ловчая яма Угутское 31. Процесс раскопок
Fig. 18. KhMAO-Yugra. Ugutskoye 31 pitfall trap. Excavation process

Рис. 19. ХМАО-Югра. Ловчая яма Угутское 31. Процесс раскопок. Профиль ямы
Fig. 19. KhMAO-Yugra. Ugutskoye 31 pitfall trap. Excavation process. Stratigraphic section

Рис. 20. ХМАО-Югра. Ловчая яма Угутское 31. Процесс раскопок. Уровень фиксации 45,85 м
Fig. 20. KhMAO-Yugra. Ugutskoye 31 pitfall trap. Excavation process. Fixation level 45.85 m

Рис. 21. ХМАО-Югра. Ловчая яма Угутское 31. Процесс раскопок. Остатки кольев на дне ямы
Fig. 21. KhMAO-Yugra. Ugutskoye 31 pitfall trap. Excavation process. Remains of poles at the pitfall bottom

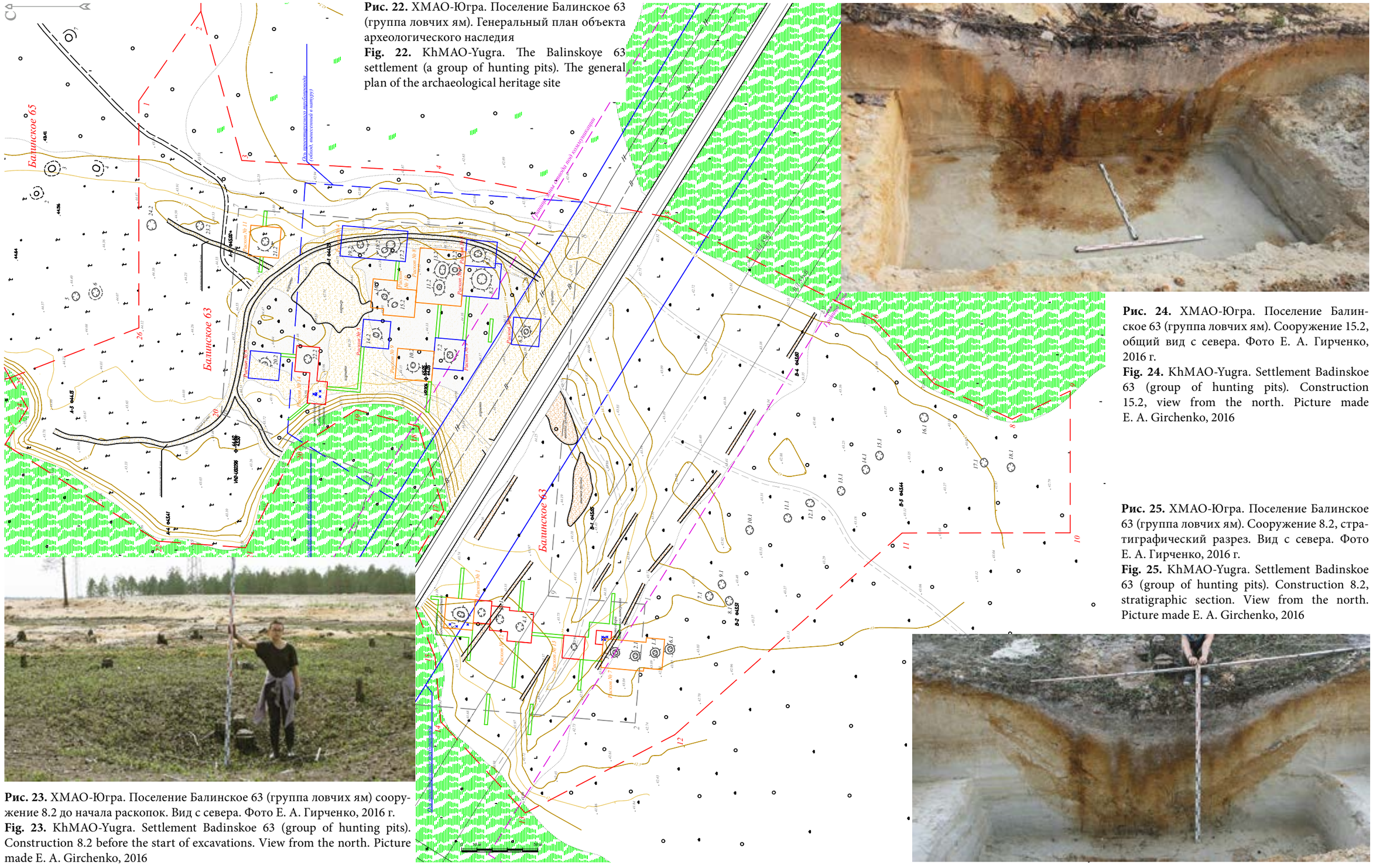


Рис. 22. ХМАО-Югра. Поселение Балинское 63 (группа ловчих ям). Генеральный план объекта археологического наследия

Fig. 22. KhMAO-Yugra. The Balinskoye 63 settlement (a group of hunting pits). The general plan of the archaeological heritage site

Рис. 23. ХМАО-Югра. Поселение Балинское 63 (группа ловчих ям) сооружение 8.2 до начала раскопок. Вид с севера. Фото Е. А. Гирченко, 2016 г.

Fig. 23. KhMAO-Yugra. Settlement Badinskoe 63 (group of hunting pits). Construction 8.2 before the start of excavations. View from the north. Picture made E. A. Girchenko, 2016

Рис. 24. ХМАО-Югра. Поселение Балинское 63 (группа ловчих ям). Сооружение 15.2, общий вид с севера. Фото Е. А. Гирченко, 2016 г.

Fig. 24. KhMAO-Yugra. Settlement Badinskoe 63 (group of hunting pits). Construction 15.2, view from the north. Picture made E. A. Girchenko, 2016

Рис. 25. ХМАО-Югра. Поселение Балинское 63 (группа ловчих ям). Сооружение 8.2, стратиграфический разрез. Вид с севера. Фото Е. А. Гирченко, 2016 г.

Fig. 25. KhMAO-Yugra. Settlement Badinskoe 63 (group of hunting pits). Construction 8.2, stratigraphic section. View from the north. Picture made E. A. Girchenko, 2016

Рис. 26. Создание ловчей ямы: *1* – вынос грунта; *2* – создание деревянных креплений для поддержания формы ямы; *3* – маскировка ямы-ловушки. Рисунки А. Кухтерина
Fig. 26. A pitfall trap development: *1* – soil removing; *2* – construction of wooden lining to hold the pitfall shape; *3* – pitfall trap camouflage. The drawings of A. Kuhterin

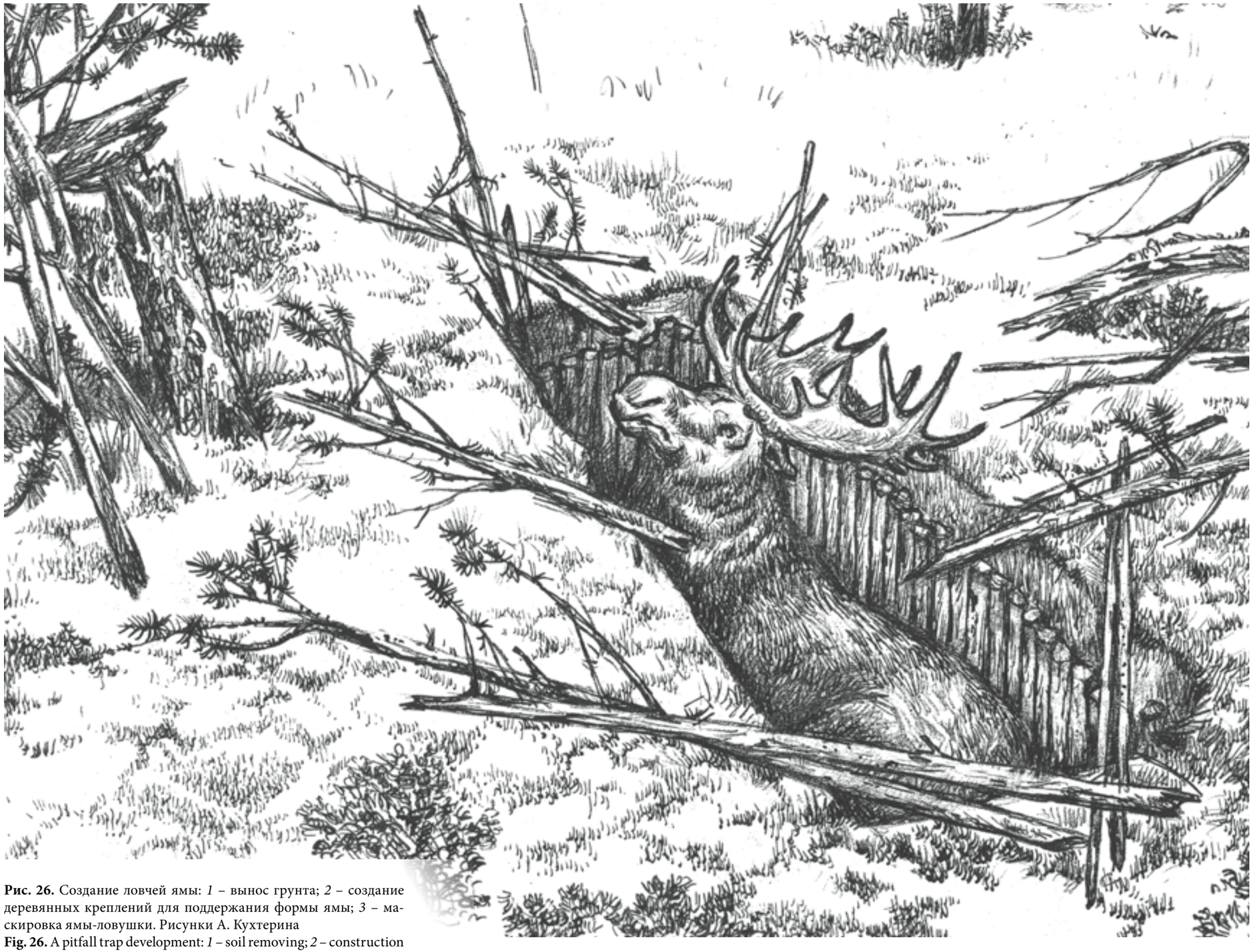


Рис. 27. Лось, попавший в ловчую яму. Рисунок А. Кухтерина
Fig. 27. Elk trapped into a pitfall trap. The drawing of A. Kuhterin

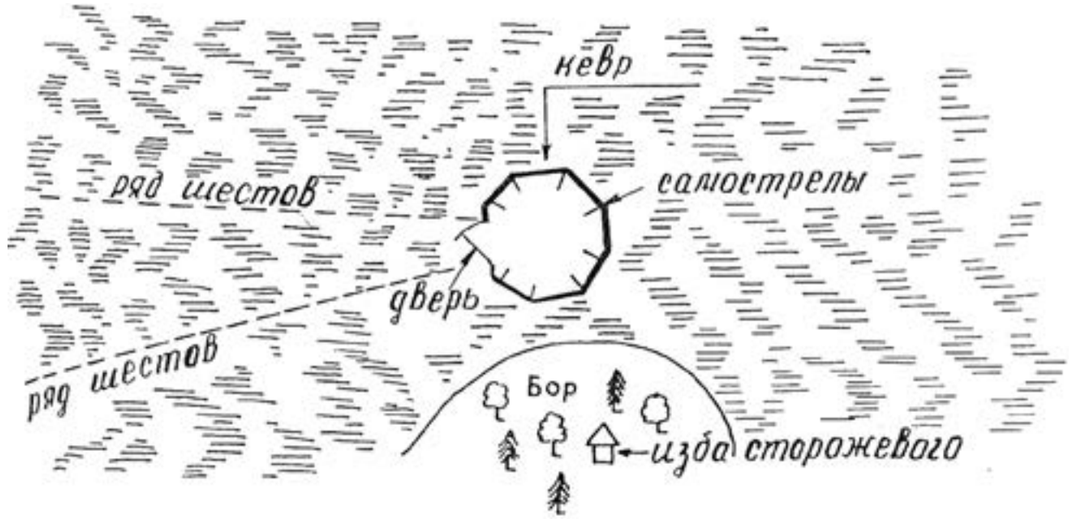


Рис. 28. Загон для оленей на р. Керву-Яган. Схема
Fig. 28. Deer paddock on the Kervu-Yagan river. Scheme

Рис. 29. Север Западной Сибири. Тундра. Фото О. В. Кардаша
Fig. 29. The North of the Western Siberia. Tundra. The picture was made by O. V. Kardash

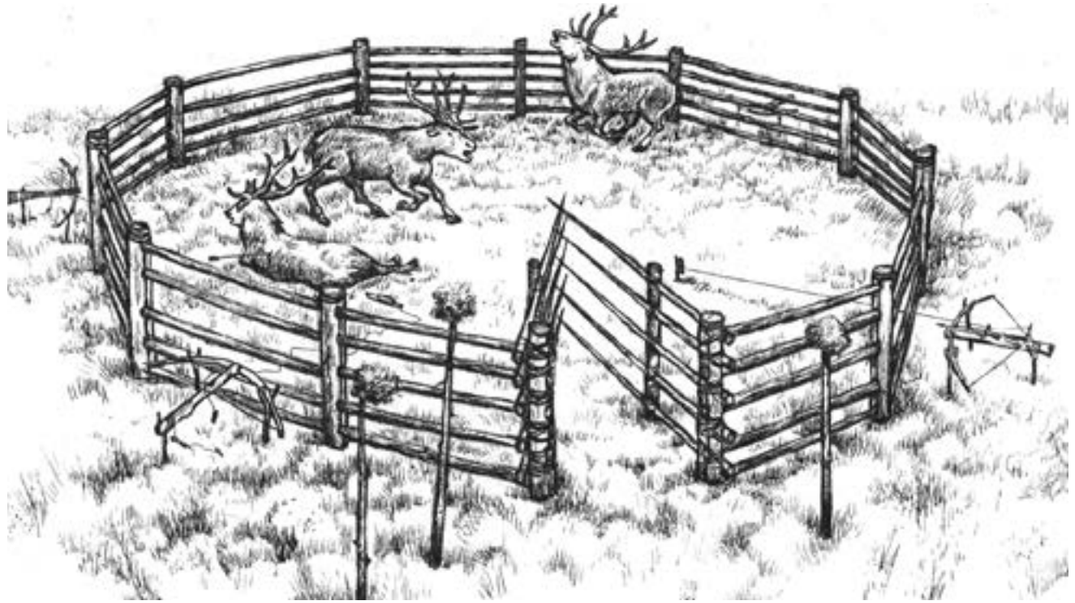


Рис. 30. Загонная охота с помощью арбалетов на путях естественной миграции северных оленей. Рисунок А. Кухтерина
Fig. 30. Corral hunting with the use of crossbows on the northern deer natural migration routes. The drawing by A. Kukhterin

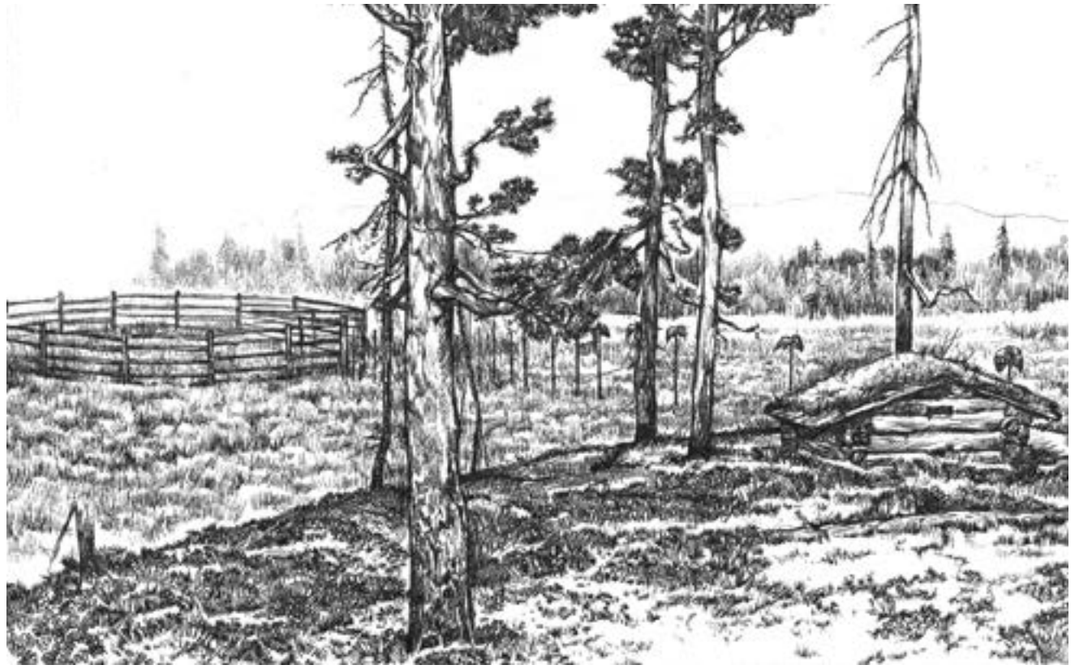


Рис. 31. Охотник наблюдает за оленями из хижины. Рисунок А. Кухтерина
Fig. 31. A hunter observing reindeers from the hut. The drawing of A. Kuhterin

УДК 902/904
DOI 10.31630/2949-3609-2023-1-40-65

А. А. Дудко[1], Ю. А. Васильева[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ПРОМЫСЛОВЫЙ КОМПЛЕКС КУЛУНИГЫЙ 66 В ПРОБЛЕМАТИКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ОХОТНИЧЬИХ ОБЩЕСТВ

Аннотация. Промысловый комплекс является специфическим типом объектов археологического наследия, широко распространенным в таежной и лесотундровой зоне Западной Сибири. В статье представлены результаты полностью исследованного археологическими раскопками в 2018 г. промыслового комплекса Кулунигый 66, которые демонстрируют важность изучения подобных объектов и их значимость как источника информации о хозяйственной и бытовой деятельности древнего человека.

Annotation. The hunting complex is a specific type of archaeological heritage objects, widespread in the taiga and forest-tundra zone of Western Siberia. The article presents the results of the Kulunigy 66 hunting complex fully investigated by archaeological excavations in 2018, which demonstrate the importance of studying such objects and their significance as a source of information about the economic and household activities of ancient man.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, река Большой Юган, объект археологического наследия, промысловый комплекс, ловчая яма, неолит

Keywords: the region of Ob river of Surgut, Bolshoy Yugan river, object of archaeological heritage, hunting complex, hunting pitfall trap, Neolithic Age

Введение. В присваивающем хозяйственном укладе древнего населения таежной зоны Сибири значительную часть занимала охота, в первую очередь на крупного зверя. Способов охоты и ловли было много: силки, ловушки, загоны, растяжки, различное ручное оружие и т. д. Ключевым из имеющихся достоверных источников, которые свидетельствуют об одном из способов охоты, являются промысловые комплексы, состоящие из одной или нескольких ловчих ям. Однако данный тип археологических объектов как объект исследования имеет ряд специфических черт, которые формируют определенный скепсис в умах ряда специалистов-археологов и чиновников государственных органов исполнительной власти РФ, отвечающих за охрану и сохранение объектов культурного наследия.

В статье представлены сведения о полностью исследованном археологическими раскопками в 2018 г. промысловом комплексе Кулунигый 66, который состоит из семи ям-ловушек. По результатам радиоуглеродного датирования промысловый комплекс Кулунигый 66 относится к периоду среднего неолита и является самым древним из изученных на сегодняшний день промысловых комплексов для всего Сургутского Приобья.

Краткий историографический обзор публикаций по теме исследования. Впервые промысловые комплексы в качестве объектов археологического наследия были выделены по результатам археологических разведок и раскопок 1980-х гг. в бассейне р. Конда (Геологическое I, II, XXI) и р. Казым (Амня III, IV) С. Ф. Кокшаровым в 1993 г. [*Кокшаров,* 1993], который определил их отличительные признаки:

– топографические: на возвышенных боровых террасах и гривах, на наиболее узких частях или в основании мысов, вдающихся в болота и заболоченные поймы рек, на звериных тропах;

– планиграфические: расположение объектов внутри комплекса имеет определенную линейную структуру в виде прямых или расположенных по дуге «рядов-цепочек» (параллельные коренной террасе, перпендикулярные коренной террасе и изредка – в ложбинах между двумя возвышенностями);

– количественные: от одной-двух ям-ловушек – до более двух десятков на протяжении до 800 м;

– морфологические: наиболее древние ямы-ловушки на современной дневной поверхности фиксируются в виде округлых ям с оплывшей «обваловкой» или без нее, а более поздние – в виде воронкообразных ям; впадины не имеют типичного для жилищного объекта входа/выхода;

– конструктивные: сооружения значительно углублены в грунт, округлая или овальная форма контура ямы-ловушки в плане на верхних уровнях, почти прямоугольная или квадратная форма контура – на нижних уровнях, выступы-выемки на месте укладки жердей маскирующего перекрытия, крутые стенки и плоское дно, канавка по периметру дна для закрепления деревянной обшивки;

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

– содержательные: в ряде ям-ловушек отмечены углистые остатки от элементов конструкций и перекрытий, отсутствие или единичные случаи обнаружения археологических предметов.

Следует отметить, что основными источниками информации о данном типе археологических объектов являются топографические, планиграфические и стратиграфические данные, получаемые в ходе полевых археологических работ. Несмотря на отсутствие археологических предметов в заполнении и на периферии ям-ловушек, эти сооружения созданы человеком, а значит, имеют историко-культурную ценность как источники информации.

В той же работе С. Ф. Кокшаровым приведена текстовая реконструкция промыслового комплекса: «Ямы-ловушки входили в системы изгородей, протяженность которых достигала 15 верст и более. Через определенные интервалы… около 40 м… в изгородях оставлялись проходы шириной в сажень (1,76 м). Здесь выкапывались продолговатые ямы… глубиной в сажень… В ямах находились заостренные колья. Сверху ловушки маскировались хворостом…» [*Кокшаров,* 1993].

К настоящему времени известно о широком распространении промысловых комплексов от таежной и лесотундровой зоны Западной Сибири до Фенноскандии [*Суоминен,* 2002]. Древнейшие из них на территории Сибири по результатам радиоуглеродного датирования отнесены к позднему мезолиту или концу бореального периода – началу атлантического периода голоцена (мезолит – Харампур 4 (7720 ± 50, 7810 ± 110, 8200 ± 150, 8200 ± 200)), а также раннему неолиту – середине атлантического периода голоцена (ранний неолит – Вора-яха 1 (6670 ± 90, 6000 ± 80)) [*Косинская,* 2009].

Обращаясь к зарубежному опыту исследования способов охоты, следует отметить обзор, подготовленный коллективом авторов [*Gehlen,* 2020] и посвященный ямам (pits) периода мезолита на территории современной Германии. В статье рассматриваются и интерпретируются различные варианты одиночных ям, в основном изученных при раскопках мезолитических поселений на песчаных почвах. В данной работе нас заинтересовал такой тип ям, как «щелевая яма» (schlitzgruben) или V-образные ямы, распространенные в Рейнском и Саксония-Анхальт районах, датированные двумя периодами – 6500–5500 л. до н. э. и 5000–4000 л. до н. э., которые интерпретируются как охотничьи ловушки на оленя. В ямах подобного типа не фиксируются археологические предметы. Топографической особенностью их расположения является нахождение за пределами поселений, либо на заброшенных поселениях. Хотя на территории Севера Западной Сибири ямы-ловушки встречаются на поселенческих комплексах, но вопрос их синхронности или асинхронности еще не рассматривался.

Похожие ямы (V- Y- UU- W-образные в поперечном профиле, но вытянутые до 4 м в длину, а также более схожие по морфометрическим характеристикам с западносибирскими ямами-ловушками, овальные и округлые в плане (диаметр около 1,5–3 м), с V-образным дном) с территорий Норвегии, Германии, Франции и Японии стали предметом обсуждения круглого стола, прошедшего в ноябре 2010 г. в Шалон-эн-Шампань «Chasse, culte ou artisanat? Les fosses «À profil en Y-V-W». Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour» [*Friederich,* 2013; *Nespoulous,* 2013; *Marcigny,* 2013; *Olsen,* 2013]. Топография расположения таких ям-ловушек на всех территориях схожа: на гривах, поперек террас, в ложбинах или вдоль парных сезонных ложбин стока, на террасе параллельно руслу реки, на выступах или склонах холмов – все сооружения располагаются по одной топографической кривой линии, хотя встречаются и одиночные ямы-ловушки, но они чаще всего удалены от поселений. Хронология бытования таких объектов – от среднего неолита до финального неолита – ранней бронзы. Но имеются и более поздние комплексы, например, в Норвегии.

Основная цель данной статьи – представить результаты исследования промыслового комплекса Кулунигый 66, полностью изученного археологическими раскопками.

Задачи:

1. Освещение топографических, планиграфических и стратиграфических, морфометрических характеристик промыслового комплекса в целом, и семи ям-ловушек в частности;

2. Описание некоторых конструктивных особенностей археологизированных сооружений, которые удалось проследить в ходе полевых исследований;

3. Анализ результатов радиоуглеродного датирования углистых остатков из заполнения ям-ловушек.

Хронологические и территориальные рамки исследования. Промысловый комплекс Кулунигый 66 расположен в левобережье Большого Югана (левый приток первого порядка Оби) на участке водораздельной равнины р. Пеу и р. Кулунигый. Левобережье Югана – это озерно-болотная долина с грядово-холмистым (гривовым) рельефом. Большая часть археологических памятников здесь приурочена к возвышенным коренным террасам самого Югана и его притоков. Русло Югана постоянно меандрирует, в связи с этим идет неоднократное освоение участков террас в зависимости от изменившихся ландшафтных условий. Территория, на которой расположен исследованный промысловый комплекс Кулунигый 66, представляет собой пологую волнистую равнинную поверхность обширного останца обтекания, сформировавшегося в результате смещения русла реки Большой Юган на восток. Останец ограничен с востока руслом и поймой реки Кулунигый, с юга – долиной безымянного водотока (левого притока р. Кулунигый), с запада – обширным верховым болотом, с севера – руслом и поймой р. Пеу, с северо-востока – старицей Большого Югана (рис. 1–3).

По культурно-хронологической региональной шкале промысловый комплекс Кулунигый 66 относится к периоду среднего неолита (рис. 11, 12).

Информация об источниках и объеме представляемого материала. Выявленный объект археологического наследия «Группа впадин Кулунигый 66» обнаружен в 2017 г. исследовательской группой ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством Е. И. Кочегова в ходе государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ по проекту «Обустройство кустов скважин №№ 25, 49 Среднеугутского месторождения» ПАО «НК «РОСНЕФТЬ». В 2018 г. Юганским отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А. А. Дудко и Ю. А. Васильевой были проведены стационарные археологические раскопки на объекте, в результате которых памятник был полностью изучен и установлен его тип.

Группа впадин Кулунигый 66 располагалась на левом берегу реки Кулунигый в 400–600 м от бровки террасы. Объект, состоящий из ряда семи впадин, вытянут на 360 м по подножию гривы в направлении север-северо-восток – юг-юго-запад и расположен на границе соснового леса и болота. Расстояние между впадинами – от 5 до 105 м. Сами впадины овальной формы со слабо выраженной обваловкой или без нее размерами от 4,3 до 13,5 м (рис. 1–3).

В результате археологических полевых работ раскопами 1–6 изучены семь археологизированных сооружений в виде ям-ловушек. Еще четыре раскопа закладывались на участках между впадинами для установления факта наличия или отсутствия культурного слоя и выявления объектов, не выраженных в рельефе. Общая площадь изученных десяти раскопов составила 1396 кв. м. Культурные отложения в пределах сооружений сняты на глубину 2,2–2,98 м, археологических предметов (артефактов) обнаружено не было.

Описание источников и материалов исследования

Ловчая яма 1 (рис. 5–9). Первым раскопом, площадью 196 кв. м, полностью изучены остатки ловчей ямы 1, которая до начала работ фиксировалась в современном рельефе в виде впадины приблизительно овальной формы размерами 6,52 × 7,14 м, вытянутой с северо-запада на юго-восток, глубиной до 0,3 м. Нивелировочные отметки современной дневной поверхности раскопа № 1 укладываются в диапазон 45,12–45,61 м по Балтийской системе высот[1]. На уровне 44,90 м в центральной части раскопа фиксируется пятно белесого песка (подзола) с контуром из рыже-коричневого песка, отсюда площадь раскопа сужается для выборки отложений в заполнении сооружения и площади вокруг него.

На уровне 43,70 м ловчая яма 1 в плане приобрела четкую форму прямоугольника со скругленными углами, ориентированного по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток размерами 1,6–1,8 × 1,05–1,22 м (рис. 5). В средней и нижней части заполнения ловчей ямы были зафиксированы углистые остатки, возможно, от деревянных жердей или кольев. Заполнение ловчей ямы – серо-желтый плотный за счет ожелезнения песок с рыжими пятнами и подтеками. На высотных отметках 43,10–43,20 м было выбрано дно ловчей ямы в условиях заполнения раскопа грунтовыми водами.

По стратиграфическим разрезам и планам реконструируются следующие конструктивные элементы ловчей ямы 1: обваловка и выкид из ямы не фиксируются, яма имеет конусовидную форму в верхней части и прямоугольную – в нижней, ровное дно, наклонные стенки (рис. 6–8).

В придонной части обнаружены углистые остатки, в том числе в виде субгоризонтально расположенной плахи на уровне 43,25–43,3 м, которые были отобраны в качестве образцов для радиоуглеродного датирования (рис. 7).

Ловчая яма 2 (рис. 10–14). Вторым раскопом, площадью 196 кв. м, полностью изучены остатки ловчей ямы 2, которая до начала работ фиксировалась в современном рельефе в виде впадины овальной формы размерами 4,88 × 6,24 м, вытянутой с севера на восток, глубиной до 0,3 м (рис. 12). Нивелировочные отметки современной дневной поверхности этого раскопа укладываются в диапазон 44,8–45,38 м. На уровне 44,60 м в центральной части раскопа фиксируется пятно белесого песка (подзола), с контурной прослойкой из темно-серого песка (рис. 10). С этого уровня площадь раскопа сужается для выборки отложений в заполнении сооружения и площади вокруг него.

На уровнях 44,00–44,40 м ловчая яма 2, ориентированная по линии запад – восток в плане имела почти овальную форму размерами 2,9–3,25 × 2,4–2,9 м. Кроме того, на уровне 44,20–44,40 м с северной, северо-западной и западной сторон отмечены выступы-выемки, вероятно, на месте укладки жердей маскирующего перекрытия. В средней и нижней части заполнения ловчей ямы были зафиксированы углистые остатки, возможно, от деревянных жердей или кольев. Разрезом по линии запад – восток зафиксированы углистые остатки субвертикально расположенной плахи (рис. 13). Заполнение ловчей ямы – серо-желтый плотный песок с рыжими пятнами и подтеками. На высотной отметке 43,00–43,20 м было выбрано дно ловчей ямы в условиях заполнения раскопа грунтовыми водами.

По стратиграфическим разрезам и планам реконструируются следующие конструктивные элементы ловчей ямы 2: обваловка и выкид из ямы не фиксируются, яма имеет конусовидную форму в верхней части и прямоугольную – в нижней, ровное дно, отвесные стенки в продольном сечении, наклонные стенки в поперечном сечении (рис. 11–14). Обнаруженные в нижней части заполнения ямы углистые остатки были отобраны в качестве образцов для радиоуглеродного датирования.

[1] Здесь и далее по тексту все высотные отметки приведены в Балтийской системе высот.

Ловчая яма 3 (рис. 15–19). Третьим раскопом, площадью 182 кв. м, вскрыты остатки ловчей ямы 3, которая до начала работ фиксировалась в современном рельефе в виде впадины почти овальной формы размерами 5,32 × 5,6 м, вытянутой с северо-северо-запада на юго-юго-восток, и глубиной до 0,35 м. Нивелировочные отметки современной дневной поверхности раскопа 3 укладываются в диапазон 44,93–45,45 м. На уровне 44,90 м в центральной части раскопа фиксируется пятно белесого песка (подзола) с контуром из рыже-коричневого песка (иллювий), с этого уровня площадь раскопа сужается для выборки отложений в заполнении сооружения и площади вокруг него (рис. 16, 17).

На уровне 44,20 ловчая яма 3 в плане приобрела четкую форму прямоугольника с сильно скругленными углами, ориентированного по линии северо-запад – юго-восток, размерами 1,8–2,0 × 1,6–1,7 м. На этом уровне с южной и восточной сторон отмечены шесть выступов-выемок. В средней и нижней части заполнения ловчей ямы были зафиксированы углистые остатки (рис. 18). При этом на уровне 43,70 м фиксировались углистые остатки субгоризонтально лежащей плахи. Заполнение ловчей ямы – серо-желтый плотный песок с рыжими пятнами и подтеками. На высотной отметке 43,00–43,10 м было выбрано дно ловчей ямы в условиях заполнения раскопа грунтовыми водами.

По стратиграфическим разрезам и планам реконструируются следующие конструктивные элементы ловчей ямы 3: обваловка и выкид из ямы не фиксируются, яма имеет колодцеобразную форму, ровное дно, отвесные стенки (рис. 17–19). Обнаруженные в нижней части заполнения ямы углистые остатки плахи были отобраны в качестве образцов для радиоуглеродного датирования.

Ловчая яма 4 (рис. 20–23). Четвертый раскоп, площадью 196 кв. м, вскрыл остатки ловчей ямы 4, которая до начала работ фиксировалась в современном рельефе в виде впадины практически овальной формы с обваловкой и размерами 11,31 × 13,23 м, вытянутой с севера на юг, глубиной до 0,35 м (рис. 22). Размеры центральной впадины составили 3,05 × 3,32 м. Ширина обваловки составила 3,9–6 м, высота – до 0,2 м. Нивелировочные отметки современной дневной поверхности раскопа укладываются в диапазон 44,85–45,59 м.

На уровне 44,90 м в центральной части раскопа фиксируется пятно белесого песка (подзола) с контуром из рыже-коричневого песка (иллювий) и светло-серого песка, с этого уровня площадь раскопа сужается для выборки отложений в заполнении сооружения и площади вокруг него (рис. 20).

На уровне 44,70 м ловчая яма 4 в плане приобрела форму прямоугольника со скругленными углами, ориентированного по линии север – юг размерами 2,3 × 2,8 м, на уровне 44,20 м – 2,0 × 2,3 м. На уровне 43,30 м ловчая яма 4 в плане ориентирована по линии запад – восток и имеет размеры 1,5 × 1,8 м. В средней и нижней частях заполнения ловчей ямы были зафиксированы углистые остатки, отобранные в качестве образцов для радиоуглеродного датирования. Заполнение ловчей ямы – серо-желтый плотный песок со светло-серыми и рыжими пятнами и подтеками, разделенный линиями ожелезнения. На высотной отметке 42,90–43,00 м было выбрано дно ловчей ямы в условиях заполнения раскопа грунтовыми водами.

По стратиграфическим разрезам и планам реконструируются следующие конструктивные элементы ловчей ямы 4: выкид из ямы не фиксируется, яма имеет конусовидную форму в верхней части и прямоугольную – в нижней, ровное дно, отвесные стенки в нижней части (рис. 21, 23). Вероятно, стенки ямы частично осыпались. Явно выраженные линзы ожелезнения могут говорить о продолжительном процессе археологизации ямы-ловушки.

Ловчая яма 5 (рис. 24–28). Пятый раскоп, площадью 350 кв. м, полностью показал остатки ловчих ям 5 и 6. До начала работ яма-ловушка 5 фиксировалась в современном рельефе в виде впадины почти овальной формы, размерами 4,29 × 4,43 м, вытянутой с севера на юг, глубиной около 0,15 м (рис. 27). Нивелировочные отметки современной дневной поверхности раскопа 5 укладываются в диапазон 45,29–45,86 м.

На частях 1–4 раскопа, на уровне 45,30 м, фиксируется пятно белесого песка (подзола) с контуром из рыже-коричневого (иллювий) и серого песка. С уровня 45,10 площадь частей 1–4 раскопа сужается для выборки отложений в заполнении сооружения и площади вокруг него.

На уровнях 44,10–44,50 ловчая яма 5 в плане имела форму овального пятна (рис. 24), ориентированного по линии северо-запад – юго-восток, размерами около 1,5–1,6 × 1,55–1,7 м, с двумя выступами-выемками с южной стороны. На уровне 43,90 ловчая яма 5 в плане приобрела форму прямоугольника со скругленными углами, ориентированного по линии северо-запад – юго-восток, размерами 1,45 × 1,2 м. Заполнение ловчей ямы – серо-желтый плотный за счет ожелезнения песок, со светло-серыми и рыжими пятнами и подтеками, в нижней части заполнения ловчей ямы были зафиксированы углистые остатки, отобранные в качестве образцов для радиоуглеродного датирования.

По стратиграфическим разрезам и планам реконструируются следующие конструктивные элементы ловчей ямы 5: обваловка и выкид из ямы не фиксируются, яма имеет округлую форму в верхней части и прямоугольную – в нижней, отвесные стенки (рис. 26, 28). Дно ямы ровное, зафиксировано на уровне 43,4 м, с северо-западной и юго-восточной сторон ограничено двумя небольшими канавками (рис. 25). Ширина канавок составила около 0,4 м, глубина – до 0,3 м. Функциональное назначение этих канавок неочевидное: так как

углистых остатков в них нет, возможно, они выполняли дренажную функцию.

Ловчая яма 6 (рис. 29–33). Ловчая яма 6 до начала работ фиксировалась в современном рельефе в виде впадины приблизительно овальной формы, размерами 13,36 × 13,43 м с обваловкой, вытянутой с северо-северо-запада на юго-юго-восток, глубиной до 0,4 м (рис. 31). Размеры центральной впадины составили 4,27 × 4,92 м. Ширина обваловки составила 4,25–4,6 м, высота – до 0,2 м. Нивелировочные отметки современной дневной поверхности раскопа 5 укладываются в диапазон 45,29–45,86 м.

На частях 5–8 раскопа на уровне 45,20 м фиксируется пятно белесого песка (подзола), оконтуренного рыже-коричневым песком (иллювий), и серого песка, с этого уровня площадь раскопа сужается для выборки отложений в заполнении сооружения и площади вокруг него.

На уровне 44,50 ловчая яма в плане имела форму овального пятна, ориентированного по линии северо-восток – юго-запад, размерами около 2,7 × 1,9 м. На уровне 43,70 ловчая яма в плане приобрела четкую форму прямоугольника со скругленными углами, ориентированного по линии запад – восток, размерами 2,4 × 1,7 м (рис. 29). В средней и нижней частях заполнения сооружения были зафиксированы углистые остатки, отобранные в качестве образцов для радиоуглеродного датирования. Заполнение ловчей ямы – серый плотный за счет ожелезнения песок со светло-серыми и рыжими пятнами и подтеками.

По стратиграфическим разрезам и планам воспроизводятся следующие конструктивные элементы ловчей ямы 6: выкид из ямы не фиксируется, яма имеет округлую форму в верхней части и прямоугольную – в нижней, отвесные стенки (рис. 30, 32). Дно ямы ровное, зафиксировано на уровне 43,20–43,30 м, с западной и восточной сторон ограничено двумя небольшими канавками (рис. 33) шириной около 0,5 м, глубина – до 0,35 м.

Ловчая яма 7 (рис. 34–39). Шестым раскопом, площадью 196 кв.м, полностью изучены (или исследованы) остатки ловчей ямы, которая до начала работ фиксировалась в современном рельефе в виде впадины почти овальной формы с обваловкой, размерами 9,58 × 10,96 м, вытянутой с севера на юг, глубина до 0,3 м. Размеры центральной впадины составили 3,33 × 3,45 м. Ширина обваловки составила 3,17–4 м, высота – до 0,1 м. Нивелировочные отметки современной дневной поверхности раскопа укладываются в диапазон 45,28–45,74 м.

На уровне 45,05 м в центральной части раскопа фиксируется пятно белесого песка (подзола) с контурами из рыже-коричневого (иллювий) и светло-серого песка, с этого уровня площадь раскопа сужается для выборки отложений в заполнении сооружения и площади вокруг него.

На уровне 44,80–44,70 м ловчая яма 7 в плане приобрела форму прямоугольника со скругленными углами, ориентированного по линии северо-запад – юго-восток, размерами 2,5 × 1,8 м, с двумя выступами-выемками с юго-западной и южной сторон. На уровне 43,50–43,75 м контур пятна ямы-ловушки приобрел четкую прямоугольную форму, с размерами 2,2 × 1,25 м (рис. 35). В средней и нижней части заполнения сооружения были зафиксированы углистые остатки, отобранные в качестве образцов для радиоуглеродного датирования. Заполнение ловчей ямы – серо-желтый плотный песок, со светло-серыми и рыжими пятнами и подтеками и линиями ожелезнения.

По стратиграфическим разрезам и планам реконструируются следующие конструктивные элементы ловчей ямы: выкид из ямы не фиксируются, яма имеет округлую форму в верхней части (рис. 34) и прямоугольную – в нижней (рис. 35), отвесные стенки (рис. 36–38). Дно ловчей ямы 7 – ровное, зафиксировано на уровне 43,00 м. Вдоль стенок по дну ямы-ловушки были прокопаны небольшие канавки (рис. 39). Ширина канавок вдоль северо-западной и юго-восточной стенок составила около 0,5 м, глубина – до 0,3 м. Ширина канавок вдоль северо-восточной и юго-западной стенок составила около 0,15 м, глубина – до 0,1 м.

Анализ и интерпретация материалов. Основные особенности промыслового комплекса Кулунигый 66:

Топографические. Промысловый комплекс Кулунигый 66, состоящий из семи ям-ловушек, располагается по краю обширного верхового болота и, вероятно, был создан для пассивной охоты на мигрирующих животных, в основном на северного оленя. Хотя промысловый комплекс также мог нести оградительную функцию обжитого пространства, создавая преграду для свободного перемещения диких опасных животных. В 400–600 м к востоку от промыслового комплекса располагаются селища Кулунигый 4 и 5, нижние культурные горизонты которых датированы средним неолитом[2].

Конструктивные. В разрезах ямы имеют округлую форму в верхней части и прямоугольную – в нижней, при этом на плановых зачистках форма пятна ловчей ямы меняет свой контур с овального на прямоугольный со скругленными углами на глубине 1–1,5 м от уровня современной дневной поверхности, стенки ям наклонные и отвесные, дно ровное.

В ряде случаев фиксировались выступы-выемки в верхних частях сооружений, необходимые для укладки жердей маскирующего перекрытия.

Размеры изученных ям на уровне дна варьируются от 1,05 × 2,3 м до 1,5 × 3,0 м, глубина от современной дневной поверхности 2,2–2,98 м.

На дне сооружений 5, 6 и 7 зафиксированы прокопанные канавки, однако функциональное назначение этих канавок неочевидное: так как углистых остатков в них нет, возможно, они выполняли дренажную функцию (рис. 8–*4*; 9–*4*; 10–*4*). Подобные канавки зафиксированы на ряде объектов таежной зоны Западной Сибири, а именно: Кетпава 2 в бассейне Конды, на комплексе ловчих ям Кушниково 1–6 в Сургутском Приобье и Вора-Яха 1 в бассейне р. Пур.

[2] Устное сообщение авторов раскопок А. Ю. Скоробогатовой, М. В. Коноваленко, Ю. В. Балуевой.

Содержательные. В нижних частях заполнений ям-ловушек обязательно фиксировались углистые остатки, иногда в виде вертикально или горизонтально расположенных плах, но зачастую разрозненными скоплениями. Наиболее вероятно, что это остатки деревянных жердей перекрытия, элементы конструкции укрепления стен или кольев. Более конкретно ответить на вопрос об их функциональном назначении, а также по какой причине они углефицированы, на сегодняшний день невозможно.

Ни в заполнении ям-ловушек, ни на периферии раскопов археологических предметов обнаружено не было.

Обсуждение полученных научных результатов. По результатам радиоуглеродного датирования, проведенного на УНУ «Ускорительный масс-спектрометр Института ядерной физики СО РАН», и после перевода радиоуглеродного возраста в календарный с использованием калибровочной кривой IntCal13 программы OxCal, ловчие ямы 2–7 датируются в диапазоне 5841–5301 лет до н. э. (середина VI тыс. до н. э.), ловчая яма 1 – самая поздняя – датируется в диапазоне 5321–4817 лет до н. э. (конец VI – начало V тыс. до н. э.)[3] (рис. 11, 12). Подробные результаты датирования приведены в табл. 1.

Таблица 1

Промысловый комплекс Кулунигый 66. Радиоуглеродные даты и их калиброванные значения
Table 1. Hunting complex Kulunigyi 66. Radiocarbon dates and their calibrated values

Ловчая яма, №	Лабораторный код	Материал	^{14}C дата, л.н.	Калиброванный возраст, лет до н. э. (±2σ)
1	BINP_NSU_1529	уголь	6145 ± 108	5321–4801
2	BINP_NSU_1530	уголь	6476 ± 87	5616–5302
3	BINP_NSU_1531	уголь	6709 ± 89	5753–5480
4	BINP_NSU_1532	уголь	6497 ± 95	5624–5307
5	BINP_NSU_1533	уголь	6744 ± 89	5804–5491
6	BINP_NSU_1534	уголь	6756 ± 95	5841–5493
7	BINP_NSU_1535	уголь	6478 ± 91	5619–5301

Заключение. В статье рассмотрены основные результаты археологических раскопок промыслового комплекса Кулунигый 66, дана характеристика археологизированных сооружений – ловчих ям с описанием их морфолого-метрических данных, приведены особенности ландшафтно-топографического расположения, даны сведения о полученных радиоуглеродных датах углистых остатков, отобранных из нижних частей заполнения ловчих ям, в том числе конструктивных элементов.

Весь комплекс данных, полученный в ходе работ, свидетельствует о том, что промысловый комплекс Кулунигый 66 является достоверным источником информации о способах охоты неолитического населения в бассейне р. Большой Юган и является самым древним промысловым комплексом из всех изученных на сегодняшний день в Сургутском Приобье.

И явный скепсис некоторых исследователей и государственных служащих о данном типе объектов археологического наследия не оправдан. Одной из причин, которая вызывает недоверие со стороны чиновников, является отсутствие юридической базы. К сожалению, в статье 3 Федерального закона № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. нет таких терминов, как «промысловый комплекс», «ловчая яма», «яма-ловушка», «звероловная яма» и т. д., хотя термин «остатки древних производств» существует. Но ведь добыча зверя – тоже производство, только присваивающее.

Другая причина незаинтересованности состоит в том, что в заполнении ловчих ям и на периферии очень редко встречаются археологические предметы (находки), культурный слой как таковой отсутствует. Но заполнение ловчей ямы, а также выкид из нее и есть культурный слой, просто не содержащий археологических предметов, а созданный в результате деятельности человека.

Поэтому не стоит отбрасывать такой важнейший источник хозяйственной деятельности древнего человека, как промысловые комплексы. Наоборот, необходимо учитывать мировой опыт, изучать и сохранять данные объекты, которые, без сомнения, раскрывают нам тайны о жизни людей в древности, показывают особенности быта и хозяйства населения этого богатого своими природными ресурсами края – Югры.

[3] Авторы статьи выражают искреннюю благодарность научно-исследовательскому коллективу ИЯФ СО РАН: руководитель работ – академик РАН, д.ф.-м.н., г.н.с. ИЯФ СО РАН В. В. Пархомчук; ответственные исполнители – к.х.н., с.н.с. НГУ Е. В. Пархомчук, к.ф.-м.н., с.н.с. ИЯФ СО РАН С. А. Растигеев.

Литература и источники

1. ***Кокшаров С. Ф.*** Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и Средневековье. Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. С. 162–169.

2. ***Косинская Л. Л.*** О некоторых параллелях в археологии севера Западной Сибири и северо-запада Европы: ловчие ямы каменного века // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы : мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Н. Н. Гуриной. СПб. : ИИМК РАН / МАЭ РАН, 2009. С. 181–183.

3. ***Суоминен Э.*** Ловчие ямы в свете данных по провинции Кайнуу в Финляндии // Вестник Карельского краеведческого музея. 2002. Вып. 4. С. 114–133.

4. ***Friederich S.*** Schlitzgruben: ein Tierfallensystem // Chasse, culte ou artisanat? Les fosses – «À profil en Y-V-W». Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour. Dijon: ARTEHIS Editions, 2013. P. 229–243.

5. ***Gehlen B., Eckmeier E., Gerken K., Schön W., Zander A.*** Mesolithic pits in Germany – a first compilation // From the Early Preboreal to the Subboreal period – Current Mesolithic research in Europe. Studies in honour of Bernhard Gramsch. Vom frühen Präboreal – bis zum Subboreal – Aktuelle Forschungen zum Mesolithikum in Europa. Studien zu Ehren von Bernhard Gramsch. Kerpen-Loogh: Welt und Erde, 2020. P. 243–313.

6. ***Marcigny C.*** Les Schlitzgruben en Normandie // Chasse, culte ou artisanat? Les fosses – «À profil en Y-V-W». Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour. Dijon: ARTEHIS Editions, 2013. P. 191–201.

7. ***Nespoulous L.*** Les fosses-pièges du site de Tama New Town au Japon : une approche du «Jōmon des forêts» // Chasse, culte ou artisanat? Les fosses «À profil en Y-V-W». Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour. Dijon : ARTEHIS Editions, 2013. P. 28–293.

8. ***Olsen J.*** Hunting using permanent trapping systems in the northern section of the mountains of Southern Norway: focus on wild reindeer // Chasse, culte ou artisanat? Les fosses – «À profil en Y-V-W». Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour. Dijon : ARTEHIS Editions, 2013. P. 261–281.

Информация об авторах

Дудко Александр Андреевич – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Васильева Юлия Александровна – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.
E-mail: jvsl@mail.ru

A. A. Dudko[1], Y. A. Vasilyeva[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

THE HUNTING COMPLEX KULUNIGYI 66, CHALLENGES OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF ANCIENT HUNTERS SOCIETY

Summary

The article represents the archaeological study of hunting complex Kulunigyi 66, comprehensively researched through the archaeological study in 2018. The site is situated on the left bank of the river Bolshoy Jugan, on the territory of the watershed flatland of the river Pey and the river Kulunigyi, where as yet more than 25 objects of archaeological heritage have been discovered. The hunting complex was stretched out over 360 meters along the footing of the meander scar from the north-north-east to south-south-west in the border of pine forest and marsh. The complex consisted of seven excavated constructions represented as depressions, which had been hunting pitfall traps.

Spatial profile of the hunting pitfall trap shape changed from oval to rectangular with rounded edges at the depth of 1–1,5 meters from the modern day surface. During the excavation the construction features of the hunting pitfall traps were described. There are bulges and hollows at the upper part of constructions, grooves along the perimeter of the bottom of the pit, carbonic remains of poles of floors, reinforcement of walls and stakes were described. The radiocarbon analysis of the carbonic remains of the filling of the hunting pitfall traps was carried out. It dated the hunting complex from the Middle Neolithic Age, the hunting pitfall trap №1 was dated to the end of the 6th - the beginning of the 5th century; the hunting pitfall traps № 2–7 were dated to the middle of 6th century.

Because of the inadequacy of the legal system the terms hunting complex hunting pitfall trap are not captured in legislation, as a consequence the problems with registration and protection such objects exist. Nevertheless the data obtained through the study point to the fact that hunting complex Kulunigyi 66 is a reliable source of information about hunting methods of Neolithic population on the basin of the Bolshoy Yugan river, among studied complexes it is the most ancient of hunting complex at the moment at the Ob river region in Surgut territory.

The study was a part of research project of the Institute Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences FWZG-2022-0007 Geochronology of the cultural and historical processes in the Pleistocene and Holocene Age of the Northern Asia based on the complex research of the geoarchaeological objects.

Information about authors

Dudko Aleksandr A. – researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Vasilyeva Yuliya A. – researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
E-mail: jvsl@mail.ru

Referenses

1. ***Koksharov S. F.*** Okhotnich'i iamy-lovushki na severo-zapade Sibiri // Znaniia i navyki ural'skogo naseleniia v drevnosti i srednevekov'e. Ekaterinburg : UIF "Nauka", 1993. S. 162–169.

2. ***Kosinskaia L. L.*** O nekotorykh paralleliakh v arkheologii severa Zapadnoi Sibiri i severo-zapada Evropy: lovchie iamy kamennogo veka // Vzaimodeistvie i khronologiia kul'tur mezolita i neolita Vostochnoi Evropy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu N. N. Gurinoi. SPb. : IIMK RAN / MAE RAN, 2009. S. 181–183.

3. ***Suominen E.*** Lovchie iamy v svete dannykh po provintsii Kainuu v Finliandii // Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeia. 2002. Vyp. 4. S. 114–133.

4. ***Friederich S.*** Schlitzgruben: ein Tierfallensystem // Chasse, culte ou artisanat? Les fosses "À profil en Y-V-W". Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour. Dijon : ARTEHIS Editions, 2013. P. 229–243.

5. ***Gehlen B., Eckmeier E., Gerken K., Schön W., Zander A.*** Mesolithic pits in Germany – a first compilation // From the Early Preboreal to the Subboreal period – Current Mesolithic research in Europe. Studies in honour of Bernhard Gramsch. Vom frühen Präboreal – bis zum Subboreal – Aktuelle Forschungen zum Mesolithikum in Europa. Studien zu Ehren von Bernhard Gramsch. Kerpen-Loogh : Welt und Erde, 2020. P. 243–313.

6. ***Marcigny C.*** Les Schlitzgruben en Normandie // Chasse, culte ou artisanat? Les fosses "À profil en Y-V-W". Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour. Dijon : ARTEHIS Editions, 2013. P. 191–201.

7. ***Nespoulous L.*** Les fosses-pièges du site de Tama New Town au Japon : une approche du "Jōmon des forêts" // Chasse, culte ou artisanat? Les fosses "À profil en Y-V-W". Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour. Dijon : ARTEHIS Editions, 2013. P. 28–293.

8. ***Olsen J.*** Hunting using permanent trapping systems in the northern section of the mountains of Southern Norway: focus on wild reindeer // Chasse, culte ou artisanat? Les fosses "À profil en Y-V-W". Structures énigmatiques et récurrentes du Néolithique aux âges des Métaux en France et alentour. Dijon : ARTEHIS Editions, 2013. P. 261–281.

Рис. 1. ХМАО-Югра. Сургутский район. Среднеугутское месторождение. Левобережье р. Большой Юган, р. Кулунигый. Место расположения промыслового комплекса Кулунигый 66
Fig. 1. KhMAO-Yugra. Surgut district. Srednesurgut mine. The left bank of the Bolshoy Yugan river, the Kulunigyi river. The site of the hunting complex Kulunigyi 66

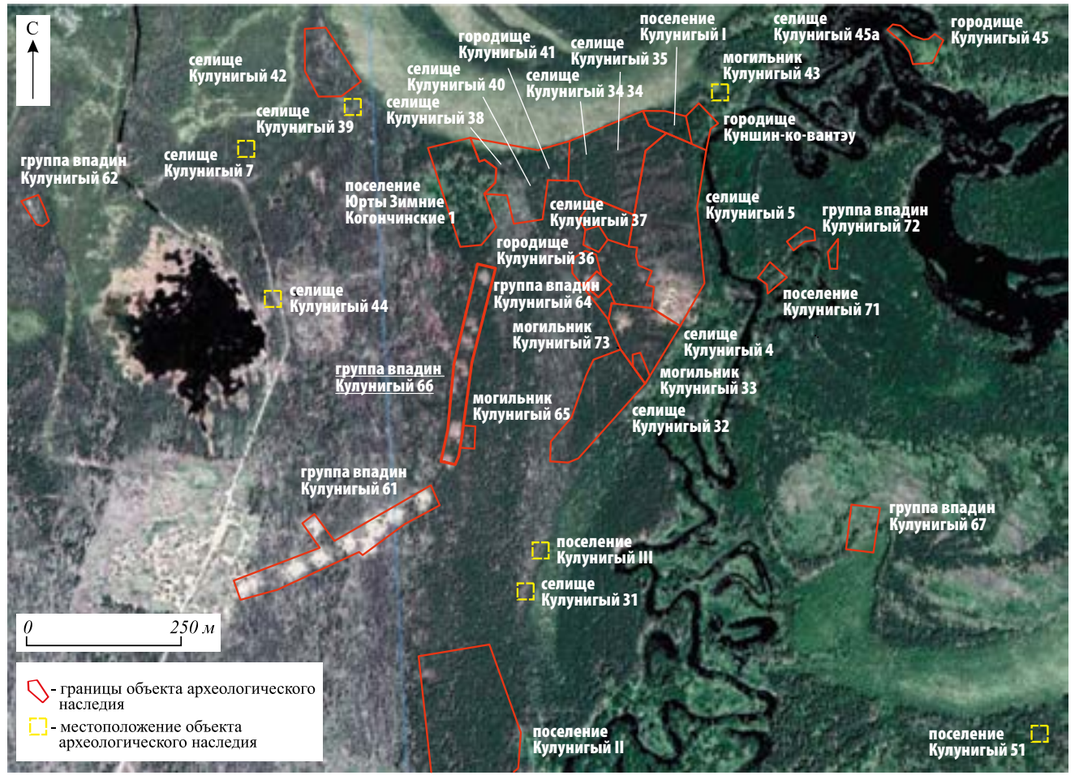


Рис. 2. ХМАО-Югра. Среднеугутское месторождение. Левобережье р. Большой Юган. Спутниковый снимок с обозначением месторасположения объектов археологического наследия в нижнем течении р. Кулунигый
Fig. 2. KhMAO-Yugra. Srednesurgut mine. The left bank of the Bolshoy Yugan river. The satellite image, the sites of archaeological heritage at the lower part of the Kulunigyi river

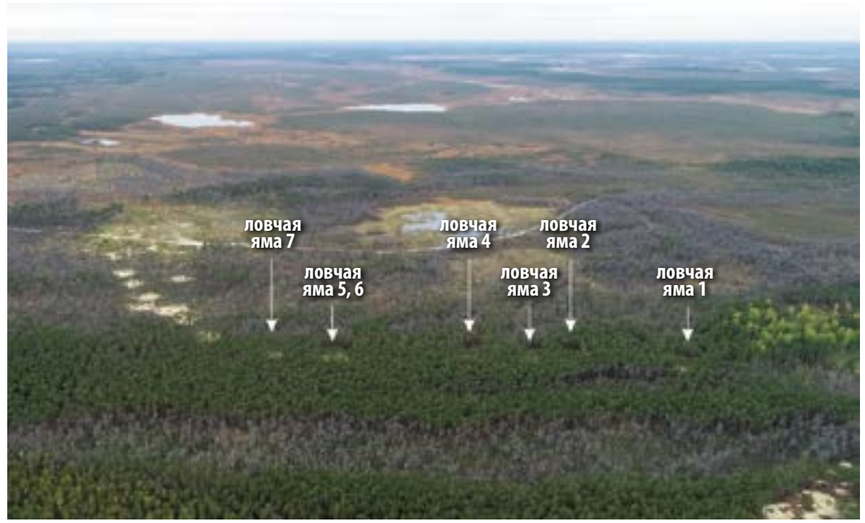


Рис. 3. ХМАО-Югра. Общий вид с востока на промысловый комплекс Кулунигый 66, месторасположение ловчих ям
Fig. 3. KhMAO-Yugra. The general view from the east to the hunting complex Kulunigyi 66, the situation of the hunting pitfall traps

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:							
	дерново-почвенный горизонт		серо-рыжий плотный песок		серо-желтый неоднородный песок		очень плотный ожелезненный песок
	белесый сероватый плотный песок		светло-серый песок с железистыми включениями		белесо-желтый однородный песок		угли
	серо-коричневый ожелезненный плотный песок		серо-рыжий неоднородный слоистый суглинок с прослоями песка		выворотни деревьев		корни деревьев

Рис. 4. Условные обозначения для разрезов здесь и далее
Fig. 4. Map symbols for sections here and hereinafter

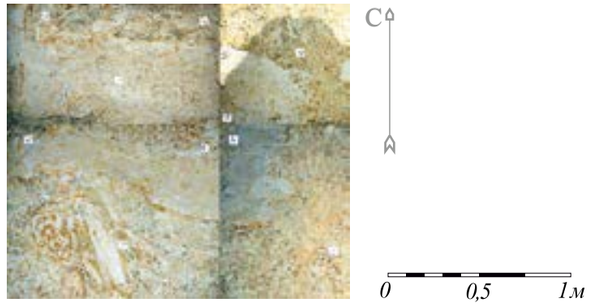


Рис. 5. Ловчая яма 1: ортофотоплан центральной части раскопа 1 на уровне 43,45 м
Fig. 5. The hunting pitfall trap № 1: the orthophotoplan of the central part of excavation №1 at the level 43.45 m

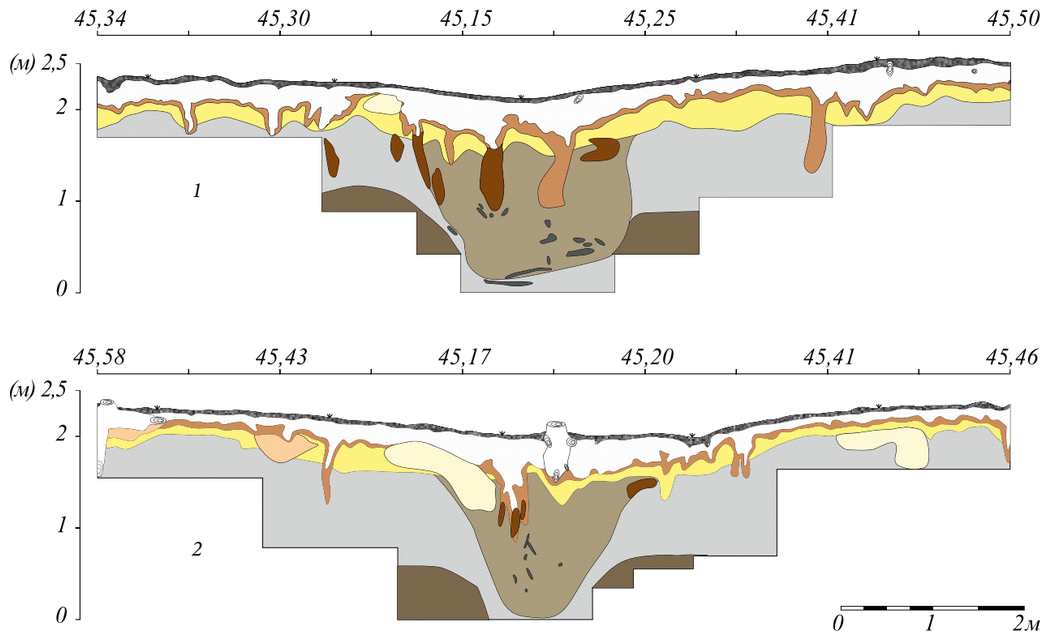


Рис. 6. Ловчая яма 1: *1* – схема северного центрального разреза; *2* – схема западного центрального разреза
Fig. 6. The hunting pitfall trap № 1: *1* – the scheme of the northern central section; *2* – the scheme of the western central section

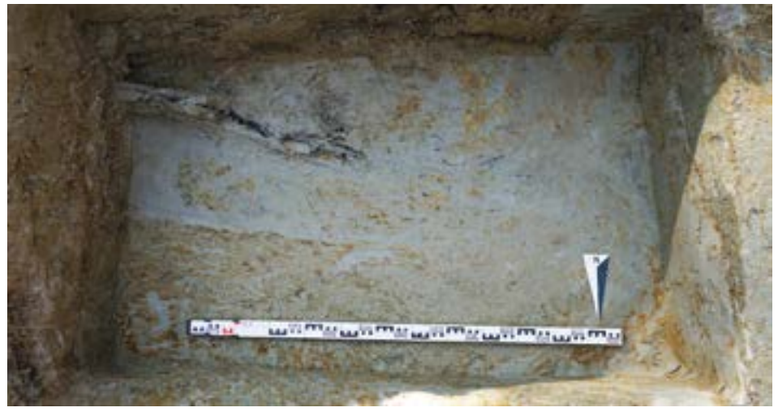


Рис. 7. Ловчая яма 1: углистые остатки на уровне 43,25 м
Fig. 7. The hunting pitfall trap № 1: carbonate remains at the level 43.25 m

Рис. 8. Ловчая яма 1: восточная часть северной стенки
Fig. 8. The hunting pitfall trap № 1: the eastern part of the northern wall

Рис. 9. Ловчая яма 1: северная часть западной стенки
Fig. 9. The hunting pitfall trap № 1: the northern part of the western wall

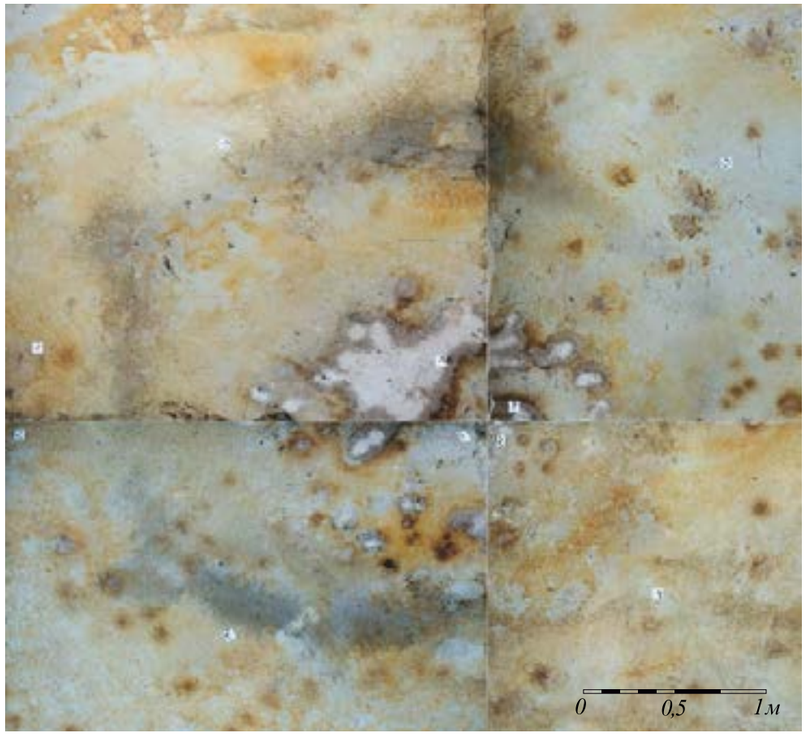


Рис. 10. Ловчая яма 2: ортофотоплан центральной части раскопа 2 на уровне 44,40 м
Fig. 10. The hunting pitfall trap № 2: the orthophotoplan of the south part of the excavation № 2 at the level 44.40 m

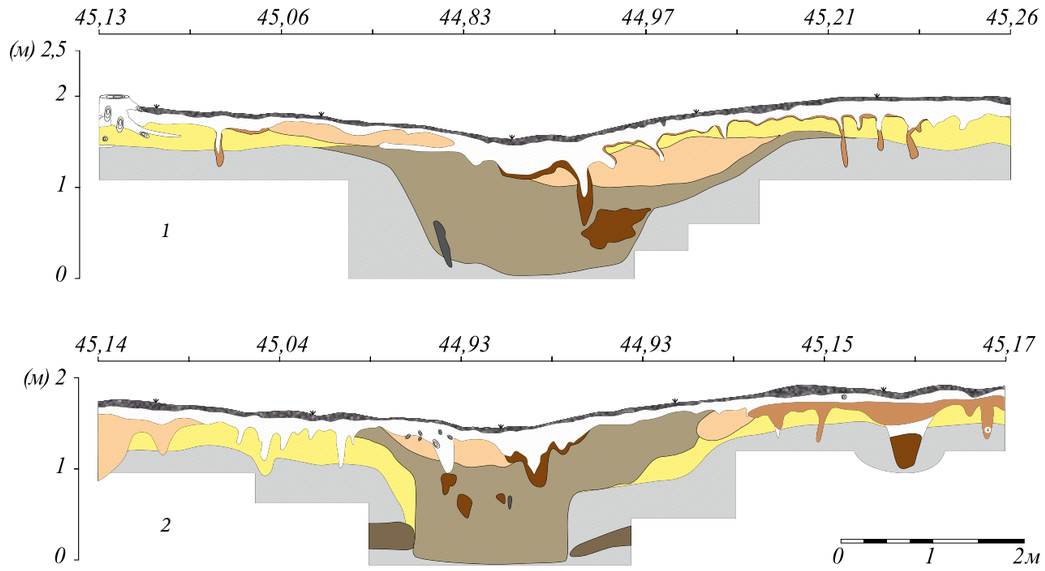


Рис. 11. Ловчая яма 2: *1* – схема северного центрального разреза; *2* – схема западного центрального разреза
Fig. 11. The hunting pitfall trap № 2: *1* – the scheme of the northern central section; *2* – the scheme of the western central section

Рис. 12. Ловчая яма 2: общий вид с юга до начала работ
Fig. 12. The hunting pitfall trap № 2: general view before the beginning of the work from the south

Рис. 13. Ловчая яма 2: углистые остатки на уровне 43,30 м, вид с юга
Fig. 13. The hunting pitfall trap № 2: carbonate remains at the level 43.30 m; the view from the south

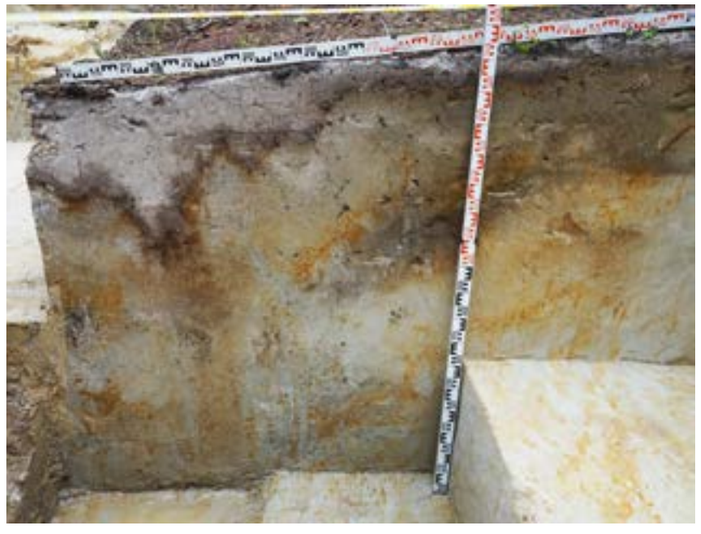


Рис. 14. Ловчая яма 2: северная часть западной стенки
Fig. 14. The hunting pitfall trap № 2: the northern part of the western wall

Рис. 15. Ловчая яма 3: ортофотоплан центральной части раскопа 3 на уровне 44,20 м
Fig. 15. The hunting pitfall trap № 3: the orthophotoplan of the central part of the excavation №3 at the level 44.20 m

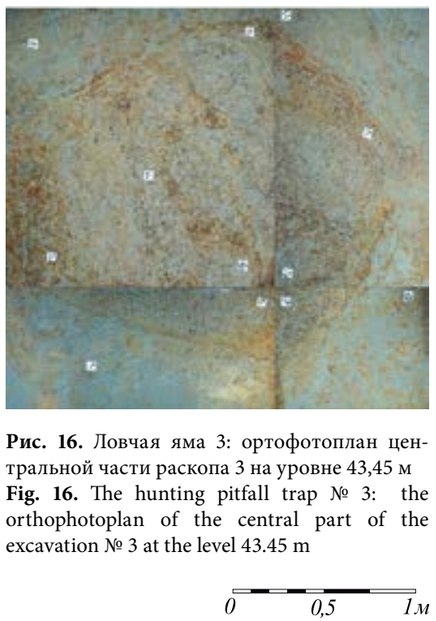


Рис. 16. Ловчая яма 3: ортофотоплан центральной части раскопа 3 на уровне 43,45 м
Fig. 16. The hunting pitfall trap № 3: the orthophotoplan of the central part of the excavation № 3 at the level 43.45 m

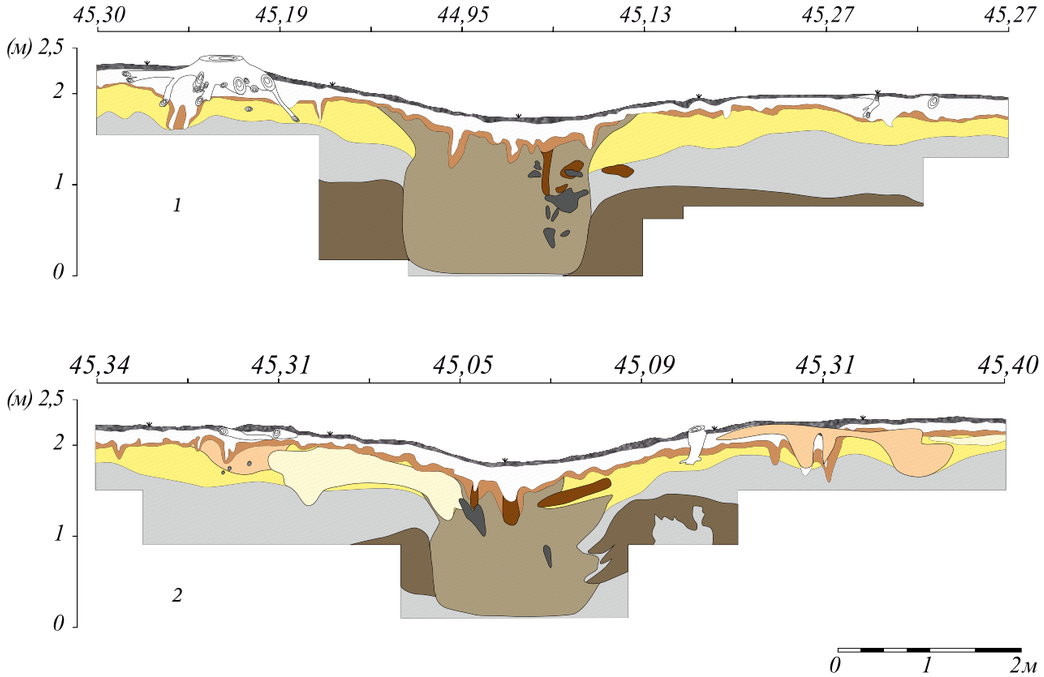


Рис. 17. Ловчая яма 3: *1* – схема северного центрального разреза; *2* – схема западного центрального разреза
Fig. 17. The hunting pitfall trap № 3: *1* – the scheme of the northern central section; *2* – the scheme of the western central section

Рис. 18. Ловчая яма 3: углистые остатки на уровне 43,70 м
Fig. 18. The hunting pitfall trap № 3: carbonate remains at the level 43.70 m; the view from the south

Рис. 19. Ловчая яма 3: восточная часть северной стенки
Fig. 19. The hunting pitfall trap № 3: the eastern part of the northern wall

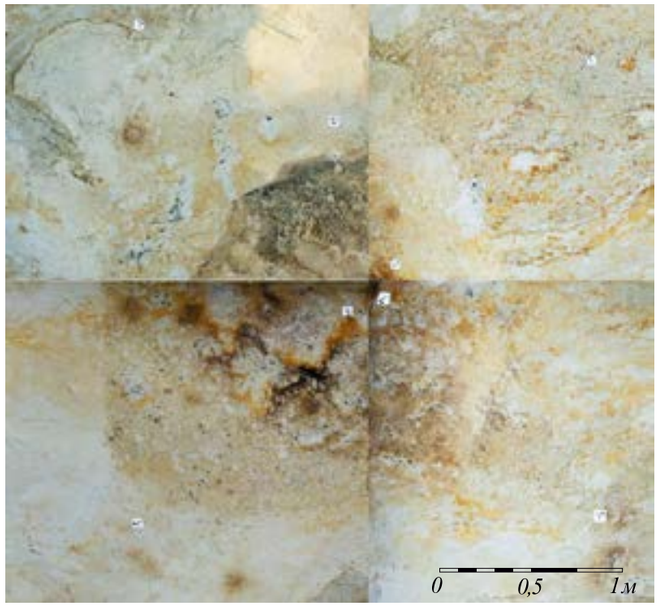


Рис. 20. Ловчая яма 4: ортофотоплан центральной части раскопа 4 на уровне 44,20 м
Fig. 20. The hunting pitfall trap № 4: the orthophotoplan of the south part of the excavation №4 at the level 44.20 m

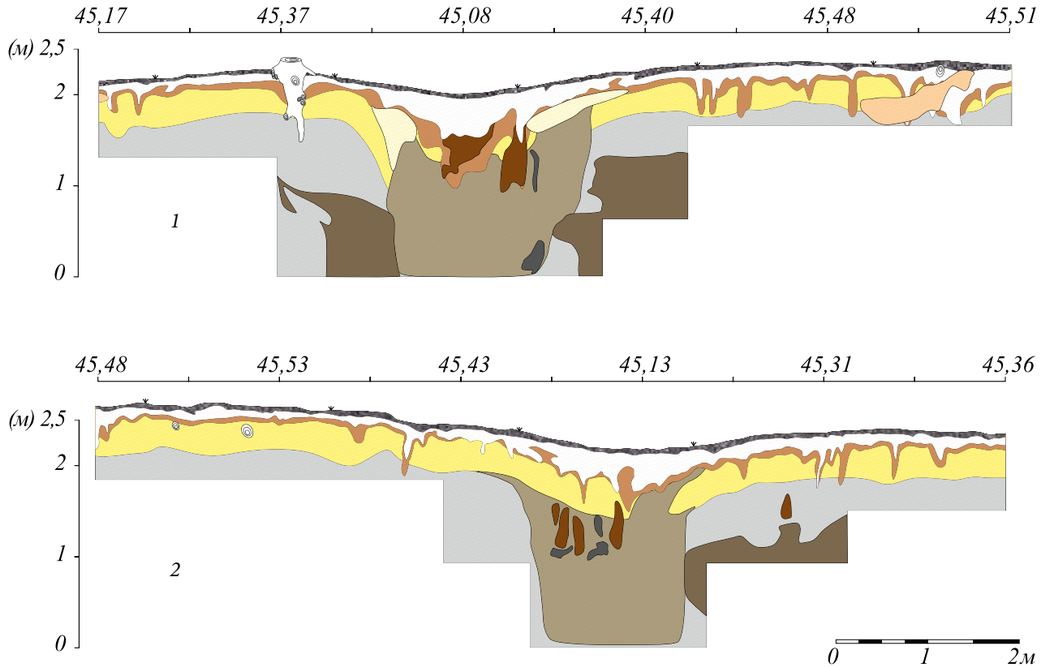


Рис. 21. Ловчая яма 4: *1* – схема северного центрального разреза; *2* – схема западного центрального разреза
Fig. 21. The hunting pitfall trap № 4: *1* – the scheme of the northern central section; *2* – the scheme of the western central section

Рис. 22. Ловчая яма 4: общий вид с юга до начала работ
Fig. 22. The hunting pitfall trap № 4: general view before the beginning of the work from the south

Рис. 23. Ловчая яма 4: центральная часть западной стенки
Fig. 23. The hunting pitfall trap № 4: the central part of the western wall

Рис. 24. Ловчая яма 5: ортофотоплан южной центральной части раскопа 5 на уровне 44,30 м
Fig. 24. The hunting pitfall trap № 5: the orthophotoplan of the south central part of the excavation №5 at the level 44.30 m

Рис. 25. Ловчая яма 5: ортофотоплан южной центральной части раскопа 5 на уровне 43,30 м, канавки на дне ловчей ямы
Fig. 25. The hunting pitfall trap № 5: the orthophotoplan of the south central part of the excavation №5 at the level 43.30 m, the grooves at the bottom of the pitfall

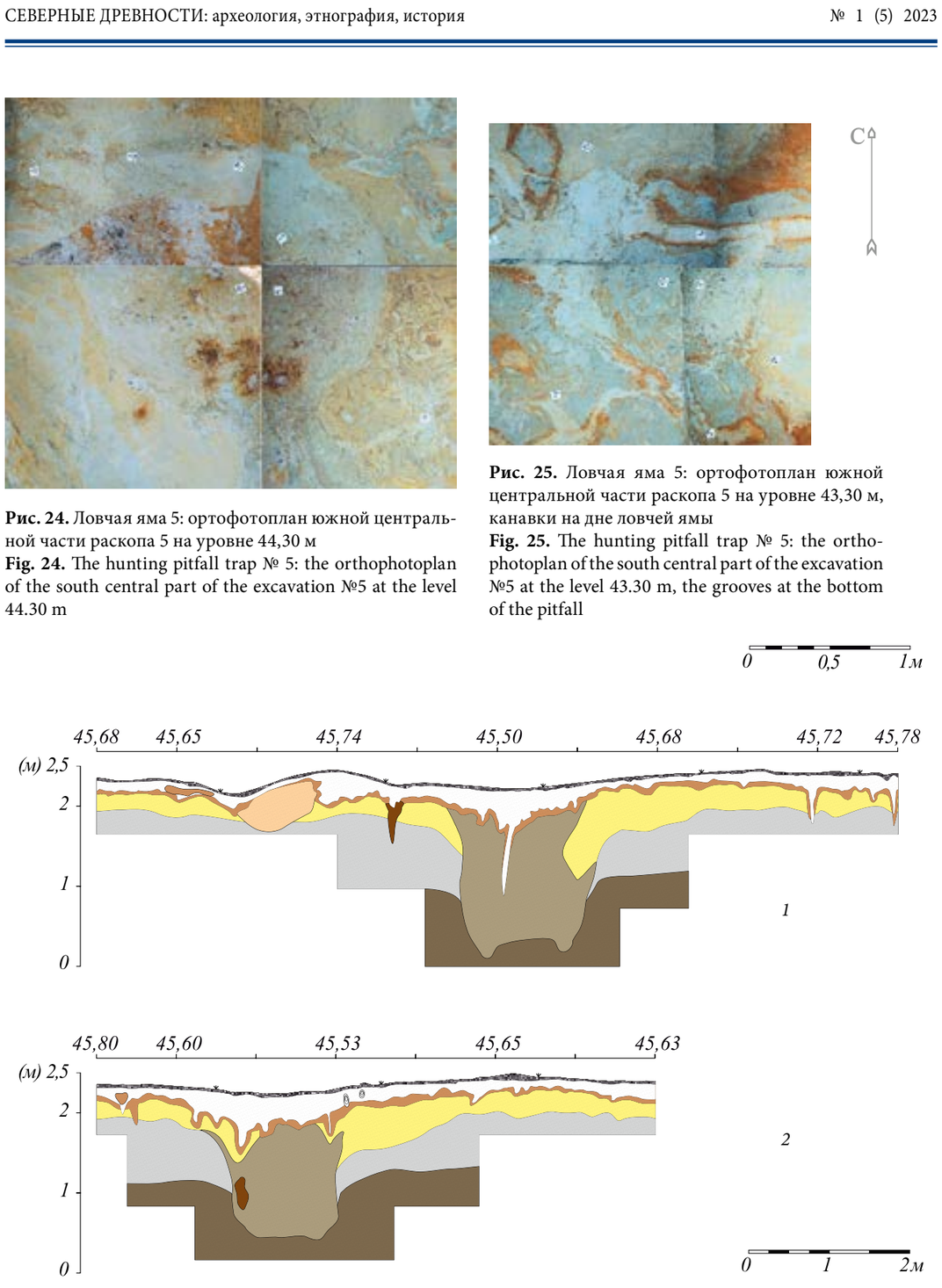


Рис. 26. Ловчая яма 5: *1* – схема северного центрального разреза; *2* – схема западного центрального разреза
Fig. 26. The hunting pitfall trap № 5: *1* – the scheme of the northern central section; *2* – the scheme of the western central section

Рис. 27. Ловчая яма 5: общий вид с юга до начала работ
Fig. 27. The hunting pitfall trap № 5: general view before the beginning of the work from the south

Рис. 28. Ловчая яма 5: центральная часть северной стенки
Fig. 28. The hunting pitfall trap № 5: the central part of the northern wall

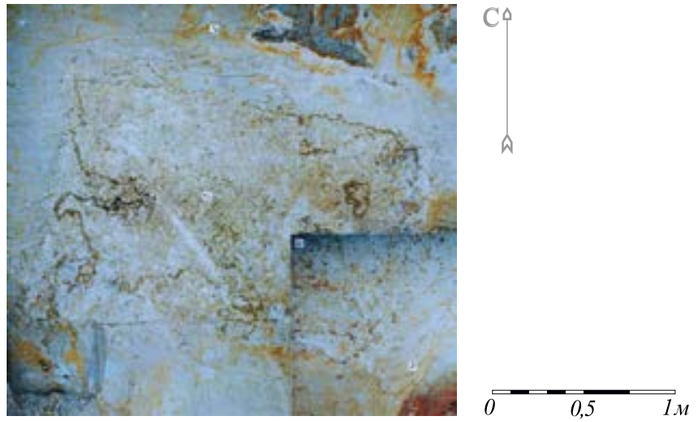


Рис. 29. Ловчая яма 6: ортофотоплан северной центральной части раскопа 5 на уровне 43,60 м, подпрямоугольные очертания ловчей ямы
Fig. 29. The hunting pitfall trap № 6: the orthophotoplan of the north part of the excavation № 5 at the level 43.60 m, subrectangular profile of the hunting pitfall trap

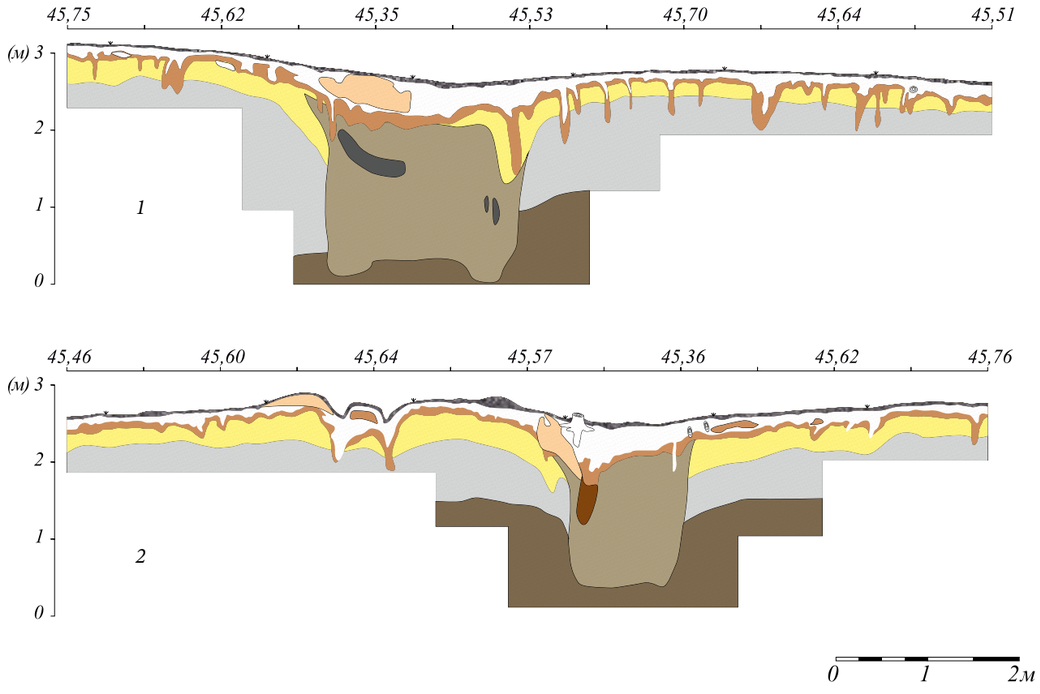


Рис. 30. Ловчая яма 6: *1* – схема северного центрального разреза; *2* – схема западного центрального разреза
Fig. 30. The hunting pitfall trap № 6: *1* – the scheme of the northern central section; *2* – the scheme of the western central section

Рис. 31. Ловчая яма 6: общий вид с юга до начала работ
Fig. 31. The hunting pitfall trap № 6: general view before the beginning of the work from the south

Рис. 32. Ловчая яма 6: *2* – центральная часть северной стенки
Fig. 32. The hunting pitfall trap № 6: *2* – the central part of the northern wall

Рис. 33. Ловчая яма 6: план южной центральной части раскопа 5 на уровне 43,20 м, канавки на дне ловчей ямы
Fig. 33. The hunting pitfall trap № 6: the othophotoplan of the southern part of the excavation №5 at the level 43.20 m

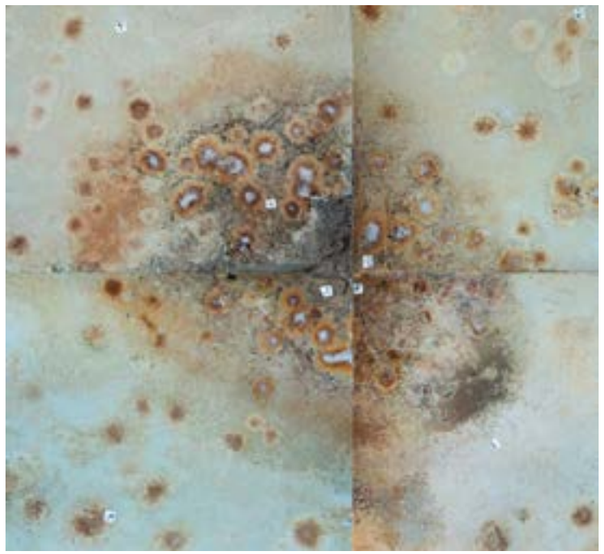


Рис. 34. Ловчая яма 7: ортофотоплан центральной части раскопа 6 на уровне 44,70 м
Fig. 34. The hunting pitfall trap № 7: the orthophotoplan of the central part of the excavation № 6 at the level 44.70 m

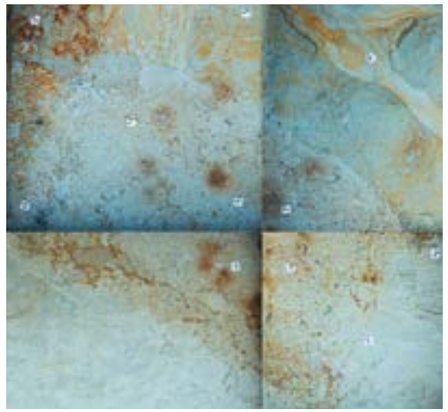
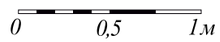


Рис. 35. Ловчая яма 7: ортофотоплан центральной части раскопа 6 на уровне 43,50 м
Fig. 35. The hunting pitfall trap № 7: othophotoplan of the central part of the excavation №6 at the level 43.50 m



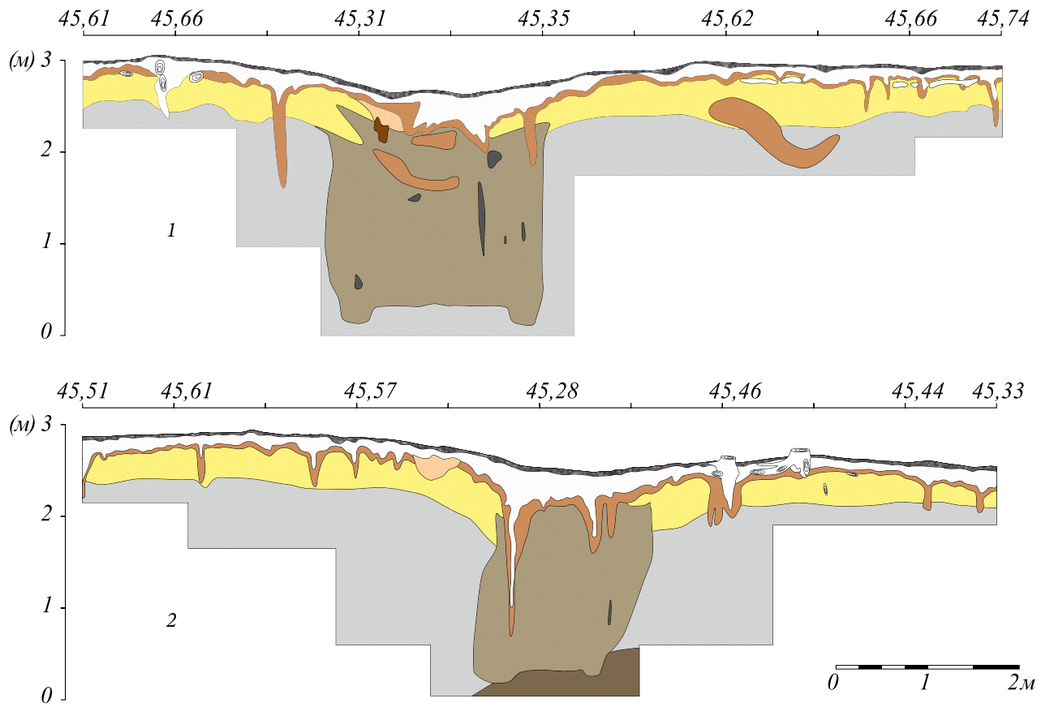


Рис. 36. Ловчая яма 7: *1* – схема северного центрального разреза; *2* – схема западного центрального разреза
Fig. 36. The hunting pitfall trap № 7: *1* – the scheme of the northern central section; *2* – the scheme of the western central section

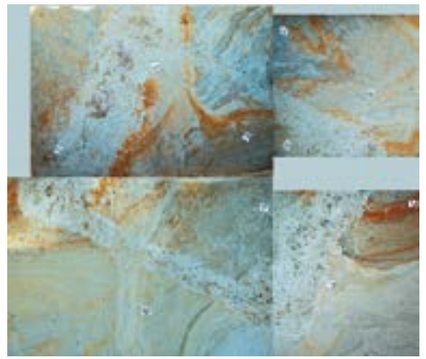


Рис. 37. Ловчая яма 7: ортофотоплан центральной части раскопа 6 на уровне 43,00 м, канавки на дне ловчей ямы
Fig. 37. The hunting pitfall trap № 7: the orthophotoplan of the central part of the excavation №6 at the level 43.00 m, the grooves at the bottom of the hunting pitfall trap

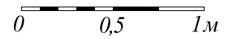
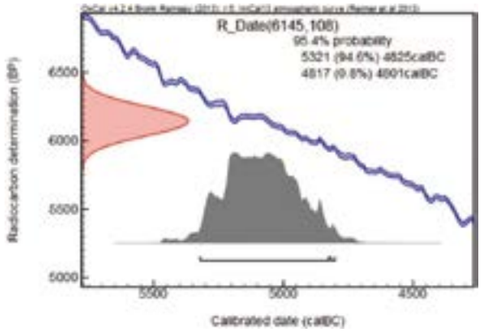


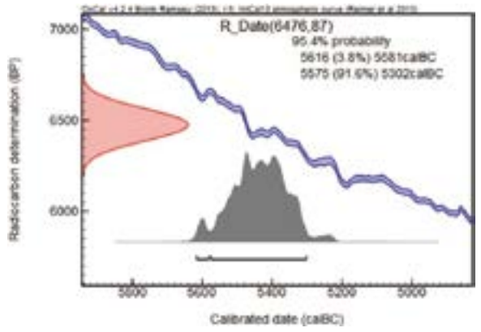
Рис. 38. Ловчая яма 7: восточная часть северной стенки
Fig. 38. The hunting pitfall trap № 7: the eastern part of the northern wall

Рис. 39. Ловчая яма 7: северная часть западной стенки
Fig. 39. The hunting pitfall trap № 7: the northern part of the western wall

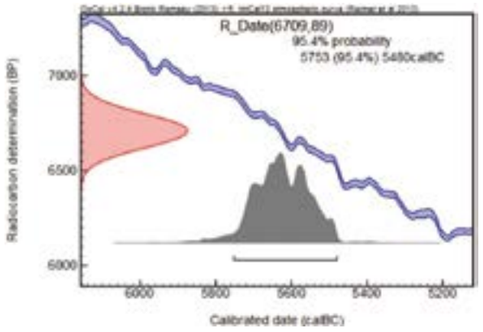
Ловчая яма 1. К-66/1. Углистые остатки в грунте № 2141
Код образца: BINP_NSU_1529
Радиоуглеродный возраст: 6145 ± 108 лет
Календарный возраст:



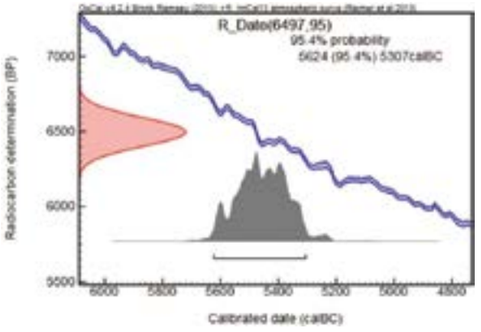
Ловчая яма 2. К-66/2. Углистые остатки в грунте № 2142
Код образца: BINP_NSU_1530
Радиоуглеродный возраст: 6476 ± 87 лет
Календарный возраст:



Ловчая яма 3. К-66/3. Углистые остатки в грунте № 2143
Код образца: BINP_NSU_1531
Радиоуглеродный возраст: 6709 ± 89 лет
Календарный возраст:



Ловчая яма 4. К-66/4. Углистые остатки в грунте № 2144
Код образца: BINP_NSU_1532
Радиоуглеродный возраст: 6497 ± 95 лет
Календарный возраст:



Ловчая яма 5. К-66/5/4. Углистые остатки в грунте № 2145
Код образца: BINP_NSU_1533
Радиоуглеродный возраст: 6744 ± 89 лет
Календарный возраст:

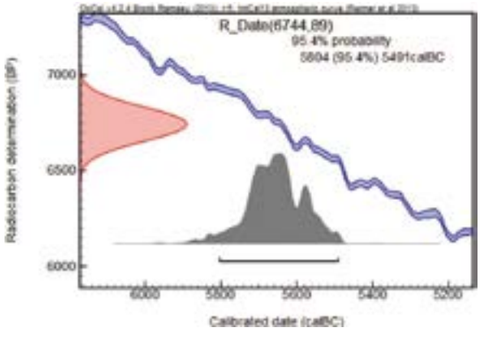
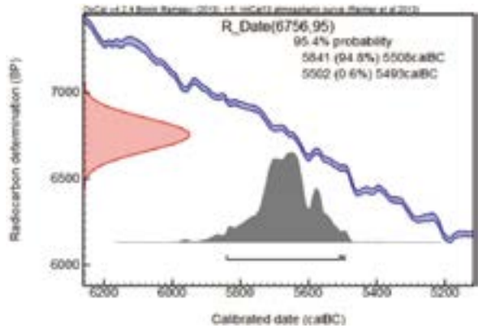
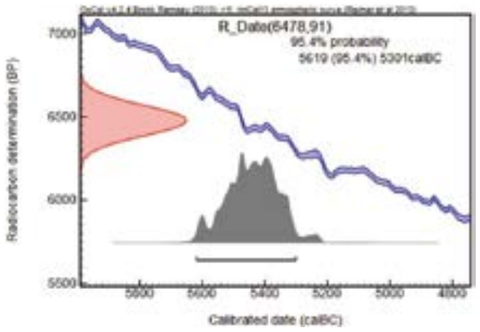


Рис. 40. Результаты радиоуглеродного датирования углистых остатков из заполнения ловчих ям промыслового комплекса Кулунигый 66
Fig. 40. The result of the radiocarbon analysis of the carbon remains from the filling of the pitfall traps of the hunting complex Kulunigyi 66

Ловчая яма 6. К-66/5/7. Углистые остатки в грунте № 2146
Код образца: BINP_NSU_1534
Радиоуглеродный возраст: 6756 ± 95 лет
Календарный возраст:



Ловчая яма 7. К-66/6. Углистые остатки в грунте № 2147
Код образца: BINP_NSU_1535
Радиоуглеродный возраст: 6478 ± 91 лет
Календарный возраст:



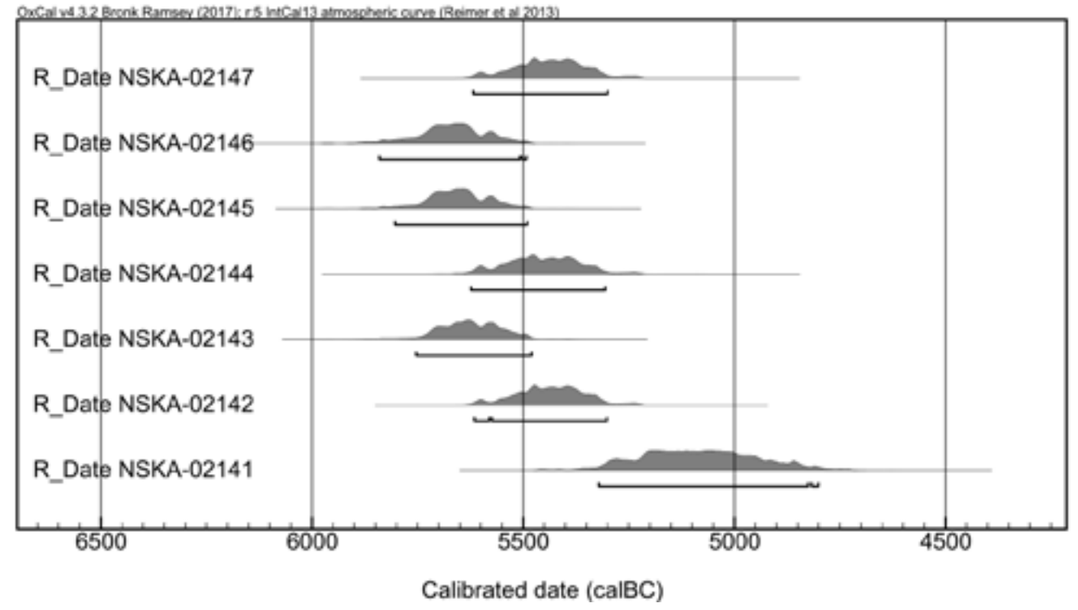


Рис. 41. Калиброванные даты углистых остатков из заполнения ловчих ям промыслового комплекса Кулунигый 66
Fig. 41. Calibrated dates of the carbon remains from the filling of the pitfall traps of the hunting complex Kulunigyi 66

УДК 902/904, 569.735.3
DOI 10.31630/2949-3609-2023-1-66-89

А. А. Лукиных[1], Е. И. Кочегов[1], И. В. Балаба[2]

[1] ООО «НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск, Россия
[2] АНО «Институт археологии Севера», Нефтеюганск, Россия

ЛОВЧИЕ ЯМЫ X ВЕКА БАЛИНСКОЕ 42
(РЕЗУЛЬТАТЫ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ РАСКОПОК 2012 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ ПРИОБСКОГО НЕФТЯНОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ)

Аннотация. Летом 2012 г. были проведены стационарные археологические раскопки группы ям-ловушек Балинское 42 на территории Приобского нефтяного месторождения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. В ходе работ были изучены два сооружения – остатки звероловных ям. Материалы полевых исследований позволяют достаточно достоверно воссоздать форму и размеры объектов, а по остаткам сгоревших деревянных конструкций удалось определить возраст сооружений (первая треть – конец X в.) и соотнести их с вожпайским периодом кинтусовской археологической культуры.

Annotation: Stationary archaeological excavations of the Balinskoye 42 pitfall traps were carried out in the Khanty-Mansiysk region of the KhMAO-Yugra on the territory of the Priobskoye oil field in the summer of 2012. As a result, two structures were studied, presumably the remains of two pitfall traps. The materials of the excavations made it possible to sufficiently credible reconstruction of the shape of the traps, and through the remains of wooden structure the possibility emerged to determine the age of the structures dating back to the first third – the end of the 10th century and correlate them with vozhpayskayy period of kintusovskaya archeological culture.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, река Обь, река Балинская, группа ям-ловушек, Средневековье, кинтусовская, вожпайская археологические культуры

Keywords: North of Western Siberia, Ob River, Balinskaya River, Group of pit-traps, Middle Ages, Kintusovskaya, Vozhpayskaya archaeological cultures

Введение. В археологии Обь-Иртышского региона к малоизученным вопросам относится проблема воссоздания экономики древнего населения Севера Западной Сибири, в том числе в эпоху Средневековья. В подзолистых песчаных почвах данной местности крайне плохо сохраняются костные остатки животных, а также редко обнаруживаются орудия промыслов и охотничье вооружение. Именно поэтому любые археологические объекты, в том числе звероловные ямы (ямы-ловушки, ловчие ямы), становятся одним из немногих, а иногда и единственным значимым источником, на основе которого возможно реконструировать структуру и особенности хозяйства населения древней Югры в разные исторические периоды.

В сравнении с общим числом публикаций, посвященных исследованиям поселенческих комплексов, материалы об археологическом изучении хозяйственно-промысловых объектов встречаются крайне редко. Основная масса тезисов и статей затрагивает только лишь те ямы и впадины, где обнаружены остатки деревянных конструкций. Подобные археологические памятники на территории Западной Сибири описывают и анализируют в своих работах С. Ф. Кокшаров, Ю. В. Балуева, М. В. Коноваленко, Е. Н. Дубовцева, А. А. Ковригин, В. М. Морозов, А. А. Погодин, А. С. Сергеев, М. А. Рудковская [*Кокшаров,* 1993; *Балуева, Коноваленко,* 2016; *Дубовцева, Ковригин,* 2009; *Ковригин и др.,* 2004; *Погодин,* 2006; *Рудковская,* 2016]. В 2020 г. в журнале «Северный регион» опубликованы материалы изучения звероловных ям в среднем течении р. Самсоновской в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, датированные по остаткам деревянных конструкций II–XIII вв. [*Лукиных,* 2020]. Тема изучения хозяйственно-промысловых объектов настолько актуальна, что стала предметом обсуждения на Методическом семинаре «Сохранение объектов археологического наследия Российской Азии: проблемы экспертизы земель и разработки мероприятий», проходившем 4–5 марта 2021 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). Руководитель Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры А. Н. Кондрашев выступил с докладом «Неочевидные объекты археологического наследия: проблемы государственного учета и охраны (на примере ХМАО–Югры)», а директор ООО «НПО «Северная археология – 1» Г. П. Визгалов в своем выступлении затронул тему «Особенности выявления, сохранения и археологического изучения промысловых объектов (ям-ловушек) в таежной зоне Западной Сибири».

Актуальность данной публикации состоит в уникальности публикуемых данных, так как по сохранившимся остаткам деревянных конструкций радиоуглеродным методом был установлен возраст археологического объекта, что является редкостью для подобных построек.

Целью данной публикации является введение в научный оборот результатов аварийно-спасательных раскопок группы ям-ловушек Балинское 42[1]. В ее **задачи** входит анализ результатов полевых исследований и на его основе всестороннее и полное описание изученных сооружений, рассмотрение их хронологии и назначения, реконструкция, а также соотнесение с археологическими культурами.

Краткая история археологического изучения Приобского месторождения нефти. Территория среднего течения Оби, которую занимает Приобское месторождение нефти, в силу ландшафтно-топографических особенностей была освоена и заселена человеком с древности. Археологические памятники на этой территории располагаются как группами, так и обособленными объектами. Сведения об имеющихся здесь древностях начали поступать с конца XIX в. Согласно изданному в 1895 г. выпуску «Статистики Российской империи» существовали с. Селияровское и юрты Балинские [Волости и населенные места…, 1895]. Упоминания об археологических памятниках и случайных находках керамических сосудов в окрестностях с. Селиярово встречаются в работах И. А. Талицкой [*Талицкая,* 1953]. В 1956 г. в районе с. Селиярово проведены разведки Ханты-Мансийским краеведческим музеем совместно с Ленинградским отделением Института археологии АН СССР [*Воробьева,* 1956]. В 1966 г. Л. П. Хлобыстин выявил и зафиксировал в районе с. Селиярово ряд археологических памятников [*Хлобыстин,* 1966].

С середины 90-х годов XX в. производственное объединение «Юганскнефтегаз» активизирует изыскательские работы по освоению и развитию Приобского месторождения нефти, что привело к резкому увеличению количества полевых археологических исследований. Разведочные работы в 1995–2000 гг., организованные Комитетом по охране и использованию культурного наследия администрации Нефтеюганского района ХМАО-Югры (в 1998 г. реорганизован в МУ «Центр историко-культурного наследия»), проводились в урочищах Микишкин Бор, Селияровский Бор, Васькин Бор; всего было выявлено 25 новых памятников, а также для территории Приобского месторождения выполнено историко-культурное зонирование [*Карачаров,* 2000]. С 2003 г. археологические работы на Приобском месторождении нефти организует и проводит ООО «НПО «Северная археология – 1». Ежегодно ведутся историко-культурные исследования под объекты обустройства, а с 2010 г. – историко-культурная экспертиза. На протяжении 25 лет непрерывной работы было выявлено более 150 объектов культурного наследия. Большие скопления памятников объединены в археологические комплексы: «Селияровский Бор», «Микишкин Бор», «Балинский Бор», на территории которых проведены масштабные археолого-геодезические работы [*Кардаш,* 2004б].

На археологических памятниках, которые могли быть разрушены при строительных работах на объектах нефтедобычи, своевременно проводились аварийно-спасательные раскопки. В ходе работ частично или полностью изучены: поселение Балинское 12 [*Кардаш,* 2004а], поселение Балинское 1, городище Балинское 2 [*Баранов,* 2006], поселение Балинское 20 [*Баранов,* 2007], поселение Кедровая 1 [*Баранов,* 2012], городище Балинское 7, комплекс ям-ловушек Балинское 15, поселение Кедровая 1 [*Баранов,* 2008], поселение Балинское 36 [*Кузьмина, Круземент,* 2008], городище Кедровая 3 [*Баранов,* 2010], поселение Балинское 53 [*Баранов,* 2013] поселение Балинское 54 [*Чарусова,* 2013], поселения Кедровая 5, Кедровая 4 [*Рудковская,* 2013], ловчие ямы Кедровая 20 [*Богданова,* 2014], поселение Балинское 73 [*Пономарева,* 2015].

Раскопки группы ям-ловушек Балинское 42. Памятник находится в 20 км к северо-северо-востоку от с. Селиярово, в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры, на краю правого коренного берега р. Балинской (правый приток обской протоки Лабытвор), в 800 м к западу от ее русла. Терраса заросла молодым сосновым лесом с редкой примесью березы высотой 5–10 м. Нижний ярус представлен лишайниками (ягель) и кустарничковыми (брусника, багульник). Вдоль подошвы террасы лежит заболоченная пойма р. Балинской. Группа ям-ловушек Балинское 42 состоит из трех сооружений, выраженных в современном рельефе и имеющих следующие характеристики (табл. 1).

По географическому районированию группа ям-ловушек Балинское 42 расположена в центральной части Западно-Сибирской равнины на правобережной террасе среднего течения Оби. Территория представляет собой относительно плоскую, сильно изрезанную водными артериями равнину. Формирование современного ландшафта связано с ледниковой деятельностью в эпоху плейстоцена и более поздними болотообразовательными процессами (рис. 1, 2).

Памятник выявлен в 2011 г. разведочной группой ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством А. С. Андреева, он частично расположен в створе проектируемого коридора, испрашиваемого по проекту «ДНС с УПСВ в районе куста № 354 Приобского месторождения» [*Андреев,* 2012]. По западной окраине памятника проходит грунтовая автодорога (зимник), с запада

[1] Группа ям-ловушек Балинское 42 – объект археологического наследия, внесенный в список выявленных объектов культурного наследия ХМАО–Югры, границы которого утверждены приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры №4-нп от 31.03.2021 «Об утверждении границ территорий и установлении особого режима использования земельных участков в границах территорий выявленных объектов культурного наследия, являющихся объектами археологического наследия, расположенных в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры» [https://nasledie.admhmao.ru/statisticheskaya-informatsiya-/903870/spisok-obektov-kulturnogo-naslediya-khmao-yugry-vyyavlennykh-obektov-kulturnogo-naslediya-granitsy-t/].

на восток группу ям-ловушек пересекала просека шириной около 60 м, вдоль северной стороны которой была прорыта траншея шириной около 3 м, подходившая вплотную к одному из сооружений. Впадина 2 расположена в 32 м к западу от сооружения 1. Впадина 3 расположена в 23 м к северу от объекта 2 (рис. 3).

Таблица 1

Характеристики визуально выраженных в рельефе археологических сооружений группы ям-ловушек Балинское 42
Table 1. Characteristics of the archeological structures visually expressed in the relief of the group of pit-traps Balinskoe 42

№ п.п.	Вид сооружения	Форма*	Ориентация	Размер, (м)	Глубина, (м)	Валообразная насыпь, (м)
1	Впадина	Овальная	З – В	3,7 × 2,9	0,7	3,1–4,6/0,2
2	Впадина	Круглая	СВ – ЮЗ	d – 3,9	0,7	0,9–3,3/0,1
3	Впадина	Овальная	СЗ – ЮВ	4,4 × 3,1	0,8	до 1,6/0,15

* – форма сооружений условная

В 2012 г. отрядом археологической экспедиции ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством Е. И. Кочегова, совместно с С. А. Мызниковым[2] были проведены раскопки остатков хозяйственно-промыслового комплекса. Из трех зафиксированных в современном рельефе сооружений было исследовано два, поскольку впадина 3 не входила в зону проектируемого строительства. На территории группы ям-ловушек Балинское 42 было заложено два раскопа (общей площадью 386 кв. м) и пять траншей (214 кв. м), общая площадь аварийно-спасательных работ составила 600 кв. м [*Кочегов,* 2013] (рис. 5, 6).

Раскоп 1. Сооружение 1. Сооружение 1 до начала раскопок выглядело как овальная впадина размером 3,7 × 2,9 м, глубиной до 0,7 м, ориентированная по направлению запад – восток. Впадина была окружена валообразной насыпью шириной 3,1–4,6 м высотой до 0,2 м. Над сооружением был заложен раскоп площадью 192 кв. м. Размеры, форма и характер заполнения сооружения однозначно свидетельствуют в пользу его антропогенного происхождения. Особенности строения, зафиксированные в планиграфии и стратиграфии раскопа 1, позволяют нам интерпретировать его как звероловную яму. Во время раскопок и на камеральном этапе исследований проведен ряд измерений, представленный в таблице 2 (табл. 2, рис. 7).

В ходе аварийно-спасательных археологических работ было выполнено 12 фиксаций очертаний слоев в плане. После снятия дерна и контрольных зачисток уровней[3] 42,65–42,50 м четко зафиксирован материковый выкид вокруг впадины, который имел вид подковообразной полосы темно-серого или темно-желтого мешаного песка шириной от 0,25 до 2,5 м. В стратиграфии мощность данного слоя в южной части раскопа составляла 0,26 м, в северной – 0,1 м. На уровнях фиксации 42,30–42,10 м с северо-западной стороны от объекта зафиксированы остатки материкового выкида шириной от 0,6 до 1,9 м. Яма имела овальную форму, размеры от 3,56 × 3,04 до 3,20 × 2,52 м, ее заполнение от материка отделяла полоска светло-серого подзола – погребенная поверхность, по периметру прослеживался коричневый ожелезненный песок (рис. 4, 8–10).

На горизонтах 41,90–41,70 м очертания ямы сохраняют овальную форму, размеры 2,96 × 2,26 м. Северный, западный и южный края ямы были заполнены светло-желтым песком, в центре оставался небольшой участок дерна, окруженный полосой светло-серого современного подзола, который был окаймлен углистой прослойкой. При дальнейшем понижении яма уменьшалась в размерах от 2,76 × 1,88 м до 2,60 × 1,80 м. В северо-восточной ее части появилась темно-серая углистая полоса, протянувшаяся с запада на восток на 0,93 м шириной до 0,1 м. Кроме того, темно-серый слой с углями зафиксирован в юго-западной части сооружения. Данные прослойки могут быть идентифицированы как остатки деревянной конструкции, которой были укреплены стенки сооружения. В центре объекта залегал слой коричневого песка, по краям более светлый.

На уровне фиксации 41,10–40,90 м яма приняла форму прямоугольника с неровными краями с размерами от 2,60 × 1,76 м до 2,52 × 1,56 м. Яма оконтурена слоем коричневого песка с северной, восточной и южной сторон. В западной и центральной частях преобладает светло-серый песок. В западной части проявилось пятно с углями 0,6 × 0,1 м. В восточной части ямы-ловушки преобладают серый, темно-серый слои и угли. Вероятнее всего, подобные прослойки маркируют остатки рухнувшего верхнего перекрытия, которое оказалось погребенным в процессе руинирования (рис. 4, 11).

[2] Авторский коллектив выражает глубочайшую благодарность Сергею Анатольевичу Мызникову за помощь в проведении полевых работ, камеральной обработке результатов и составлении научного отчета.

[3] Здесь и далее уровень фиксации измеряется по Балтийской системе высот. Балтийская система высот (БСВ) – система абсолютных высот, отсчет которых ведется от нуля Кронштадтского футштока.

Таблица 2

Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 1. Сооружение 1. Горизонты фиксации и метрические характеристики
Table 2. Group of pit-traps Balinskoe 42. Excavation 1, structure 1. Fixation horizons and metric characteristics

Уровень фиксации, м	Форма*	Ориентация	Размер, м
42,65	овальная	ЗСЗ – ВЮВ	8,40 × 6,68
42,50	овальная	ЗСЗ – ВЮВ	4,80 × 3,88
42,30	овальная	З – В	3,56 × 3,04
42,10	овальная	З – В	3,20 × 2,52
41,90	овальная	ЗСЗ – ВЮВ	3,0 × 2,32
41,70	овальная	ЗСЗ – ВЮВ	2,96 × 2,26
41,50	овальная	СЗ – ЮВ	2,76 × 1,88
41,30	овальная	СЗ – ЮВ	2,60 × 1,80
41,10	овальная	СЗ – ЮВ	2,60 × 1,76
40,90	прямоугольная	ЗСЗ – ВЮВ	2,52 × 1,56
40,70	прямоугольная	ЗСЗ – ВЮВ	2,24 × 1,36
40,50	прямоугольная	ЗСЗ – ВЮВ	2,36 × 1,08

* – форма сооружений условная

На уровне 40,70–40,50 м зафиксировано дно объекта. Размеры ямы сократились до 2,36 × 1,08 м. В центре располагалось прямоугольное пятно темно-серого песка размером 1,64 × 0,8 м, его центр был заполнен светло-коричневым слоем. Западная и северо-западная части ямы заполнены светло-серым, а северо-восточная, восточная и южная – коричневым песком (рис. 4, 12).

Форма ямы может быть реконструирована как комбинированная: конусовидная, переходящая в прямоугольную с относительно плоским дном. Мощность конусовидной части составляет 1,55 м, в верхней части ее размеры не превышают 4,80 × 3,88 м, в нижней – 2,60 × 1,80 м. Начиная с горизонта фиксации 41,10 м контур ямы приобретает форму прямоугольника, размеры варьируются от 2,60 × 1,76 до 2,36 × 1,08 м, глубина около 0,6 м. В профиле стенки ямы сильно деформированы в процессе археологизации, тем не менее при реконструкции становится очевидной их относительная вертикальность и геометрическая правильность, что свидетельствует о явно искусственном происхождении объекта. На ее дне каких бы то ни было кольев или деревянных конструкций не обнаружено. В целом глубина ямы составила 2,15 м от уровня современной поверхности.

Раскоп 2. Сооружение 2. Раскоп 2 площадью 194 кв. м был заложен в западной части памятника над сооружением 2 и прилегающей территории. На момент начала раскопок на поверхности фиксировалась овальная впадина диаметром 3,9 м и глубиной 0,7 м. Впадину окружала валообразная насыпь шириной 0,9–3,3 м и высотой до 0,1 м. Южный край впадины был частично перекрыт отвалом из траншеи, проходящей вдоль границы леса по линии ВСВ – ЗЮЗ. Реконструированная форма сооружения 2 по своим размерам и геометрии очень близка к характеристикам первой впадины. Оба объекта, вероятно, использовались в древности в качестве ям-ловушек. Метрические характеристики представлены в таблице 3 (табл. 3, рис. 13):

Таблица 3

Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 2. Сооружение 2. Горизонты фиксации и метрические характеристики
Table 3. Group of pit-traps Balinskoe 42. Excavation 2, structure 2. Fixation horizons and metric characteristics

Уровень фиксации, м	Форма ямы*	Ориентация	Размер, м
43,40	овальная	З – В	6,0 × 4,80
43,20	овальная	СЗ – ЮВ	4,20 × 3,68
43,0	овальная	СЗ – ЮВ	3,36 × 2,56
42,80	овальная	СЗ – ЮВ	2,96 × 2,68

Уровень фиксации, м	Форма ямы*	Ориентация	Размер, м
42,60	овальная	СЗ – ЮВ	3,40 × 2,28
42,40	овальная	СЗ – ЮВ	3,24 × 2,20
42,20	овальная	СЗ – ЮВ	3,12 × 2,16
42,00	овальная	СЗ – ЮВ	2,96 × 2,12
41,80	овальная	СЗ – ЮВ	2,80 × 1,92
41,60	прямоугольная	СЗ – ЮВ	2,68 × 1,64
41,40	прямоугольная	СЗ – ЮВ	2,68 × 1,32
41,20	прямоугольная	СЗ – ЮВ	2,40 × 1,24

* – форма сооружений условная

В процессе раскопок выполнено 13 фиксаций очертаний слоев в плане. На первом уровне фиксации 43,60 м яма-ловушка с учетом валообразной насыпи имела внешний размер 7,7 × 7,2 м, внутренний диаметр около 4,2 × 3,7 м. На горизонтах 43,40–43,20 м зафиксированы контуры материкового выкида, формирующего валообразную насыпь по внешнему краю ямы, – подковообразная прослойка темно-желтого мешаного песка. Объект овальной формы, внешний размер – от 6,0 × 4,80 до 4,20 × 3,68 м, внутренний – до 3,20 × 2,50 м (рис. 4, 14, 15).

На уровнях фиксации 43,0–42,80 м сооружение сохраняет овальную форму. В южной части ямы современный подзол отделен темно-серой углистой полосой от прослойки желто-коричневого песка. В центре зафиксирован погребенный подзол с включением линз темно-серого углистого и желто-коричневого песка. По внешнему контуру залегала прослойка переотложенного желто-коричневого песка. Со всех сторон яму окружал желтый материковый слой. По мере понижения раскопа до глубины 42,40 м размеры ямы уменьшаются с 3,36 × 2,56 до 3,24 × 2,20 м, в ее северной части появляется линза красно-коричневого ожелезненного песка, в центре зафиксирован погребенный подзол. На горизонтах 42,20–42,0 м яма уменьшилась до размеров 2,96 × 2,12 м, форма – овальная. В заполнении фиксировались серые углистые прослойки, окруженные подзолом, в центре – пятно погребенного подзола размерами 0,45 × 0,33 м, которое окружено серым углистым слоем. Вдоль юго-западной стенки залегает углистая серо-коричневая полоса 1,35 × 0,13 м. В северной части сохраняется аморфное красно-коричневое пятно, которое слегка уменьшилось в размерах.

При контрольных зачистках планиграфии на глубине 41,80–41,60 м яма уменьшилась до размеров 2,68 × 1,64 м, форма прямоугольная, ориентация по линии СЗ – ЮВ. Во внутренней части объекта зафиксировано коричневое ожелезненное пятно прямоугольной формы 2,25 × 1,0 м, лучше всего сохранился южный край постройки, вдоль юго-западной и юго-восточной стенки. По краям сооружения залегает коричневый слой с примесью угля. В заполнении ямы встречаются пятна бело-желтого, коричневого и желто-коричневого мешаного песка. Особенности планиграфии сооружения на глубине от 42,20 до 41,60 м могут косвенно свидетельствовать о том, что стенки ямы были укреплены деревянным каркасом, состоящим из жердей или досок. На уровнях фиксации 41,40–41,20 м яма уменьшилась в размерах до 2,40–1,24 м. Дно объекта коричневого цвета, сильно ожелезненное. В южной части хорошо прослеживается пятно 1,60 × 1,65 м, которое окаймляет дно ямы, – светло-желтая прослойка, ограниченная белой полосой шириной 0,04 м (рис. 4, 16, 17).

Таким образом, форма ямы является комбинированной – конусовидная, переходящая в прямоугольную. В верхней части конус имеет размеры 6,0 × 4,80 м, в нижней – 2,80 × 1,92 м, мощность – 1,60 м. Нижняя часть сооружения прямоугольная, имеет размеры от 2,68 × 1,64 м до 2,40 × 1,24 м в плане, глубина около 0,6 м. В профиле яма-ловушка имела трапециевидную форму и плоское дно. Первоначально стенки ямы были правильной геометрической формы, но в процессе археологизации оплыли и деформировались. Подобные характеристики стенок свидетельствуют об искусственном происхождении сооружения. В придонной части каких бы то ни было признаков деревянных конструкций не обнаружено. Глубина ямы от современной поверхности достигает 2,20 м.

Хронология. В раскопе 1 было взято три пробы угля на радиокарбонный анализ. Все образцы собраны из заполнения сооружения 1 на разных уровнях фиксации. Исследование проводилось в лаборатории изотопных исследований РГПУ имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Опираясь на полученные результаты, можно сделать вывод, что исследованная звероловная яма функционировала в первой трети – конце X в. (табл. 4, рис. 18).

Из трех сооружений на территории группы ямловушек Балинское 42 полностью исследованы две, археологических предметов в раскопах не найдено. Территориальная близость расположения ям, схожесть их строения на поверхности, а также идентичность реконструированных форм и размеров позволяет сделать вывод, что памятник является единым охотничье-промысловым комплексом. Следовательно, становится очевидным, что все ловчие ямы функционировали в одном хронологическом промежутке – в первой трети – конце X в.

Таблица 4

Результаты радиоуглеродного датирования
Table 4. Results of radiocarbon dating

№ пробы	Глубина взятия пробы от поверхности (м)	Индекс	Некалиброванная дата	Калиброванная дата
1	1,1–1,2	Spb-687	1090 ± 30	940–990
2	1,3–1,4	Spb-688	1120 ± 30	910–975
3	1,4–1,5	Spb-689	1146 ± 30	860–970

Звероловные ямы находятся на краю береговой террасы с остатками валообразной насыпи по внешнему краю. Отдельно отметим, что все сооружения ориентированы длинной стороной по линии СЗ – ЮВ, что соответствует общему направлению берега р. Балинская. Судя по всему, животные могли проходить к охотничье-промысловому комплексу по звериной тропе, идущей вдоль водоема. Заметим, что общее количество извлеченного грунта, зафиксированного в раскопах в виде материкового выкида, залегающего по внешнему краю ямы на верхних горизонтах фиксации, не соответствует внутреннему объему сооружения, даже при учете факторов археологизации, эрозии и подзолообразования с течением времени.

Таким образом, мы предполагаем, что грунт во время строительства ям-ловушек был частично удален с поверхности террасы. Минимальное присутствие следов материкового выкида свидетельствует о необходимости маскировки ям. Поскольку в зимний период ловушки скрывались бы естественным образом благодаря снегу, можно сделать вывод об их использовании в весенне-осенний период. В промежутках между ямами, предположительно, могла быть установлена изгородь, чтобы зверь передвигался в определенном направлении, однако признаков ее наличия в раскопах не зафиксировано.

Соотнеся габариты представителей местной фауны, метрические и морфологические характеристики исследованных сооружений, следует заключить, что подобные звероловные ямы предназначалась в первую очередь для добычи северного оленя, так как самец имеет тело длиной 200–220 см, высоту в холке – 110–140 см, вес 100–220 кг, а самка чуть меньших размеров. Взрослый самец лося в длину около 300 см, высота в холке 225–235 см, вес до 570 кг, размах рогов до 150 см [*Гептнер и др.,* 1961].

Заключение. В ходе аварийно-спасательных исследований было полностью изучено два сооружения группы ям-ловушек Балинское 42, которые имели антропогенное происхождение, схожую морфологию и размеры. В целом памятник представляет единый комплекс звероловных ям.

Вероятнее всего, ловушки были рассчитаны на северного оленя, который мигрировал с севера на юг (из поймы Оби в глубину террасы) или наоборот, в противоположном направлении. По существующей периодизации [*Зыков,* 2012; *Чемякин,* 2002] время функционирования группы ям-ловушек совпадает вожпайским периодом кинтусовской культуры, который датируется IX–XI вв. На настоящий момент в бассейне р. Балинской выявлено более 100 археологических объектов, но не все из них имеют достоверную культурно-хронологическую принадлежность. Задача будущих исследований – попытаться соотнести данный памятник с поселенческими комплексами, содержащими артефакты вожпайского периода кинтусовской археологической культуры.

В перспективе при формировании базы данных по охотничье-промысловым объектам, обнаруженным на территории Обь-Иртышья, возможно будет проведение статистико-математического анализа большого массива данных, необходимого для определения места коллективной охоты в структуре хозяйства разных археологических культур. В настоящее время необходима планомерная фиксация всех объектов подобного типа и введение сведений о них в научный оборот.

Литература и источники

1. ***Балуева Ю. В., Коноваленко М. В.*** Археологический комплекс на р. Большой Салым (по материалам исследований 2014 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 232–258.

2. ***Гептнер В. Г., Насимович А. А., Банников А. Г.*** Млекопитающие Советского Союза. Т. 1. Парнокопытные и непарнокопытные. М. : Изд-во «Высшая школа», 1961. С. 302–324.

3. ***Дубовцева Е. Н., Ковригин А. А.*** Раскопки объектов охотничье-промыслового назначения в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 260–270.

4. ***Зыков А. П.*** Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург : Изд-во «Уральский рабочий», 2012. С. 44–97.

5. ***Ковригин А. А., Морозов В. М., Погодин А. А., Сергеев А. С.*** Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 302–317.

6. ***Кокшаров С. Ф.*** Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки Уральского населения в древности. Екатеринбург, 1993. УИФ «Наука». С. 162–168.

7. ***Лукиных А. А.*** Звероловные ямы II–XIII вв. в среднем течении реки Самсоновской (по материалам комплексных археологических исследований в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут-Нефтеюганск : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2020. С. 5–28.

8. ***Погодин А. А.*** Исследование историко-культурного комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 111–113.

9. ***Рудковская М. А.*** Ловчие звероловные ямы на р. Кедровой (Ханты-Мансийский район ХМАО-Югры) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 304–316.

10. ***Талицкая И. А.*** Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. Материалы и исследования по археологии СССР. // МИА, № 35. М., 1953.

11. ***Чемякин Ю. П., Карачаров К.Г.*** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) : науч.-истор. очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во «Тезис», 2002. С. 6–73.

Источники

12. Волости и населенные места 1893 года. Тобольская губерния, вып. 10 // Статистика Российской империи. Т. XXIX. СПб. : Издание центрального статистического комитета Мин. внутренних дел, 1895.

13. ***Андреев А. С.*** Отчет о НИР. Историко-культурные изыскания участков Приобского месторождения, испрашиваемых ООО «РН-Юганскнефтегаз» в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры в 2011 г. (натурное обследование). Нефтеюганск, 2012.

14. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР. Археологические раскопки памятников археологии поселения Балинское 1 и городища Балинское 2 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2005 г. Нефтеюганск, 2006.

15. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки поселения Балинское 20 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2006 г. Нефтеюганск, 2007.

16. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки городища Балинское 7, группы ямловушек Балинское 15, поселения Кедровая 1 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2007 году. В 2 т. Т. 1. Текст, текстовые и фотоприложения. Нефтеюганск, 2008.

17. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки городища Кедровая 3 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2009 г. Нефтеюганск, 2010.

18. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки поселения Кедровая 1 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2011 г. Нефтеюганск, 2012.

19. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки поселения Балинское 53 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2012 г. Т. 1. Текст, фото, графические приложения. Нефтеюганск, 2013.

20. ***Богданова А. А.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки поселения Кедровая 4 и Кедровая 20, ловчие ямы на территории приобского месторождения в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры в 2014 г. Нефтеюганск, 2014.

21. ***Воробьева Т. П.*** Отчет: О Казымской экспедиции 1956 г. Ханты-Мансийск, 1956. Архив Музея природы и человека (Ханты-Мансийск) ОФ ХМ № 832/185. 113 л.

22. ***Карачаров К. Г.*** Отчет о НИР. ИКЭ исходной документации территории Приобского месторождения ОАО «Юганскнефтегаз» (этап предварительной экспертизы) № 97.30-12. Нефтеюганск, 2000.

23. ***Кардаш О. В.*** Отчет о НИР. Аварийные раскопки поселения Балинское 12 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры летом 2004 г. Нефтеюганск, 2004а.

24. ***Кардаш О. В.*** Отчет о НИР. Археолого-геодезические исследования комплексов археологических объектов: «Селияровский Бор», «Микишкин Бор», «Балинский Бор» правобережная часть Приобского месторождения, Ханты-Мансийский район, ХМАО, осень 2003 г. (проектные работы). Книга 3. Комплекс археологических объектов «Балинский Бор». Нефтеюганск, 2004б.

25. ***Кочегов Е. И.*** Отчет о НИР. Аварийные раскопки археологического памятника «Группа ям-ловушек Балинское 42» в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2012 году. Нефтеюганск, 2013.

26. ***Кузьмина А. С., Круземент С. А.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки поселения Балинское 36 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2007 году. Нефтеюганск, 2008.

27. ***Пономарева Т. М.*** Технический отчет. «Археологические работы по сохранению объекта культурного наследия Балинское 73» в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры в 2015 году. Нефтеюганск, 2015.

28. ***Рудковская М. А.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки поселения Кедровая 4 и поселения Кедровая 5 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры в 2012 г. Нефтеюганск, 2013.

29. ***Хлобыстин Л. П.*** Отчет о работе Заполярного отряда Ленингр. отд. ин-та археологии в 1966 г. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 3339.

30. ***Чарусова И. С.*** Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки поселения Балинское 54 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области в 2012 г. Нефтеюганск, 2013.

Информация об авторах

Лукиных Андрей Александрович – археолог, ООО «НПО «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск
E-mail: lukinyh_andrei@list.ru

Кочегов Евгений Иванович – археолог, ООО «НПО «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск
E-mail: kochegov@gmail.com

Балаба Инна Вячеславовна – лаборант, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск
E-mail: froggyatworkk@gmail.com

A. A. Lukinyh[1], E. I. Kochegov[1], I. V. Balaba[2]

[1] "Scientific Production Association "Northern Archaeology–1" LLC, Nefteyugansk, Russia
[2] ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk, Russia

PITFALL TRAPS OF THE 10TH CENTURY BALINSKOYE 42 (RESULTS OF RESCUE EXCAVATIONS IN 2012 ON THE TERRITORY OF THE PRIOBSKOYE OIL FIELD)

Summary

In the regional history of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, there is a problem of recreating the economy of the ancient population of the North of Western Siberia, in particular in the Middle Ages, to which the topic of this study belongs. During the excavations of archaeological sites, it is possible to collect very few artifacts, on the basis of which the economic basis of ancient cultures could be recreated. In this regard, any objects, including pitfall traps, become one of the few, and sometimes the only significant sources on the basis of which we can recreate the economy of the population of ancient Yugra in different historical periods. The article introduces into scientific circulation the previously unpublished results of excavations of the Balinskoye 42 group of pit-traps in the Khanty-Mansiysk region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra on the territory of the Priobskoye oil field. As a result of excavations carried out in the summer of 2012 by "SPA "Northern Archeology – 1" LLC, two structures were studied, presumably the remains of two pitfall traps.

The excavation materials make it possible to reliably recreate their shape, and the age of the structures was determined from the remains of burnt wooden structures. The shape of the pitfall traps was reconstructed as a combined, conical, turning into a rectangle. The diameter in the upper part of the cones was 4.8 × 3.88 m for pitfall trap 1, 6 × 4.8 m for pitfall trap 2 and in the lower part – 2.6 × 1.8 m and 2.8 × 1.92 m for structures 1 and 2, respectively. The depth of the cone of pitfall trap 1 – 1.55 m, pitfall trap 2 – 1.6 m. In terms of rectangles measure at the base of the structures from 2.6 × 1.76 m to 2.36 × 1.8 m for pitfall trap 1, from 2.68 × 1.64 m to 2.4 × 1.24 m for pitfall trap 2. In depth, the rectangles are 0.6 for both structures. Both pitfall traps were obviously of artificial origin. The dimensions of the studied structures allow us to interpret them as pitfall traps for deer, since their size corresponds to the dimensions of this animal.

The obtained data of radiocarbon analysis made it possible to date one of the objects of the 10th-11th centuries, and to correlate the archaeological object of the Balinskoye 42 group of pit-traps with vozhpayskyy period of kintusovskaya archaeological culture, the chronology of which intersects in this period.

The scientific data provided in the article emphasize the prospects of such studies. On the territory of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, the number of unexplored objects that can shed light on the life of the peoples inhabiting this area in the future is in the hundreds.

Information about the authors

Lukinyh Andrei A. – archeologist, "Scientific Production Association "Northern Archaeology – 1" LLC, Nefteyugansk
E-mail: lukinyh_andrei@list.ru

Kochegov Evgeniy I. – archeologist, "Scientific Production Association "Northern Archaeology – 1" LLC, Nefteyugansk
E-mail: kochegov@gmail.com
Balaba Inna V. – laboratory assistant, ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk
E-mail: froggyatworkk@gmail.com

References

Literature

1. ***Balueva Yu. V., Konovalenko M. V.*** Arheologicheskij kompleks na r. Bol'shoj Salym (po materialam issledovanij 2014 g.) // Khanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2016. Vyp. 14. S. 232–258.
2. ***Geptner V. G., Nasimovich A. A., Bannikov A. G.*** Mlekopitayushchie Sovetskogo Soyuza. Tom 1. Parnokopytnye i neparnokopytnye. M. : Izd-vo "Vysshaya shkola", 1961. 776 s.
3. ***Dubovceva E. N., Kovrigin A. A.*** Raskopki ob'ektov ohotnich'e-promyslovogo naznacheniya v Surgutskom rajone KhMAO-Yugry // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2009. Vyp. 7. S. 260–270.
4. ***Zykov A. P.*** Barsova Gora : ocherki arheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekov'e i Novoe vremya. Ekaterinburg : Izd-vo "Ural'skij rabochij", 2012. 232 s.
5. ***Kovrigin A. A., Morozov V. M., Pogodin A. A., Sergeev A. S.*** Issledovanie istoriko-arheologicheskogo kompleksa Kushnikovo v Surgutskom rajone KhMAO // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2004. Vyp. 2. S. 302–317.
6. ***Koksharov S. F.*** Ohotnich'i yamy-lovushki na Severo-Zapade Sibiri // Znaniya i navyki Ural'skogo naseleniya v drevnosti. Ekaterinburg, 1993. UIF "Nauka". S. 162–168.
7. ***Lukinyh A. A.*** Zverolovnye yamy II–XIII vv. v srednem techenii reki Samsonovskoj (po materialam kompleksnyh arheologicheskih issledovanij v Nefteyuganskom rajone Khanty-Mansijskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry). // Severnyi region: nauka, obrazovaniye, kultura. Surgut-Nefteyugansk : Izd-vo ANO "Institut arheologii Severa", 2020. S. 5–28.
8. ***Pogodin A. A.*** Issledovanie istoriko-kul'turnogo kompleksa Kushnikovo v Surgutskom rajone KhMAO // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2006. Vyp. 3. S. 111–113.
9. ***Rudkovskaya M. A.*** Lovchie zverolovnye yamy na r. Kedrovoj (Khanty-Mansijskij rajon KhMAO-Yugry) // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2016. Vyp. 14. S. 304–316.
10. ***Talickaya I. A.*** Materialy k arheologicheskoj karte Nizhnego i Srednego Priob'ya // Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. // MIA, № 35. M., 1953.
11. ***Chemyakin Yu. P., Karacharov K. G.*** Drevnyaya istoriya Surgutskogo Priob'ya // Ocherki istorii tradicionnogo zemlepol'zovaniya hantov (materialy k atlasu) : nauch.-istor. ocherki. 2-e izd., ispr. i dop. Ekaterinburg: Izd-vo "Tezis", 2002. S. 6–73.

Archive sources

12. Volosti i naselennye mesta 1893 goda. Tobol'skaya guberniya, vyp. 10 // Statistika Rossijskoj imperii. T. XXIX. SPb. : Izdanie central'nogo statisticheskogo komiteta Min. vnutrennih del, 1895.
13. ***Andreev A. S.*** Otchet o NIR. Istoriko-kul'turnye izyskaniya uchastkov Priobskogo mestorozhdeniya, isprashivaemyh OOO "RN-Yuganskneftegaz" v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry v 2011 g. (naturnoe obsledovanie). Nefteyugansk, 2012.
14. ***Baranov M. Yu.*** Otchet o NIR. Arheologicheskie raskopki pamyatnikov arheologii poseleniya Balinskoe 1 i gorodishcha Balinskoe 2 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2005 g. Nefteyugansk, 2006.
15. ***Baranov M. Yu.*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki poseleniya Balinskoe 20 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2006 g. Nefteyugansk, 2007.
16. ***Baranov M. Yu.*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki gorodishcha Balinskoe 7, gruppy yam-lovushek Balinskoe 15, poseleniya Kedrovaya 1 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2007 godu. V 2 tomah. Tom 1. Tekst, tekstovye i fotoprilozheniya. Nefteyugansk, 2008.
17. ***Baranov M. Yu.*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki gorodishcha Kedrovaya 3 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2009 g. Nefteyugansk, 2010.
18. ***Baranov M. Yu.*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki poseleniya Kedrovaya 1 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2011 g. Nefteyugansk, 2012.
19. ***Baranov M. Yu.*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki poseleniya Balinskoe 53 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2012 g. Tom 1. Tekst, foto, graficheskie prilozheniya. Nefteyugansk, 2013.
20. ***Bogdanova A. A.*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki poseleniya Kedrovaya 4 i Kedrovaya 20, lovchie yamy na territorii priobskogo mestorozhdeniya v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry v 2014 g. Nefteyugansk, 2014.

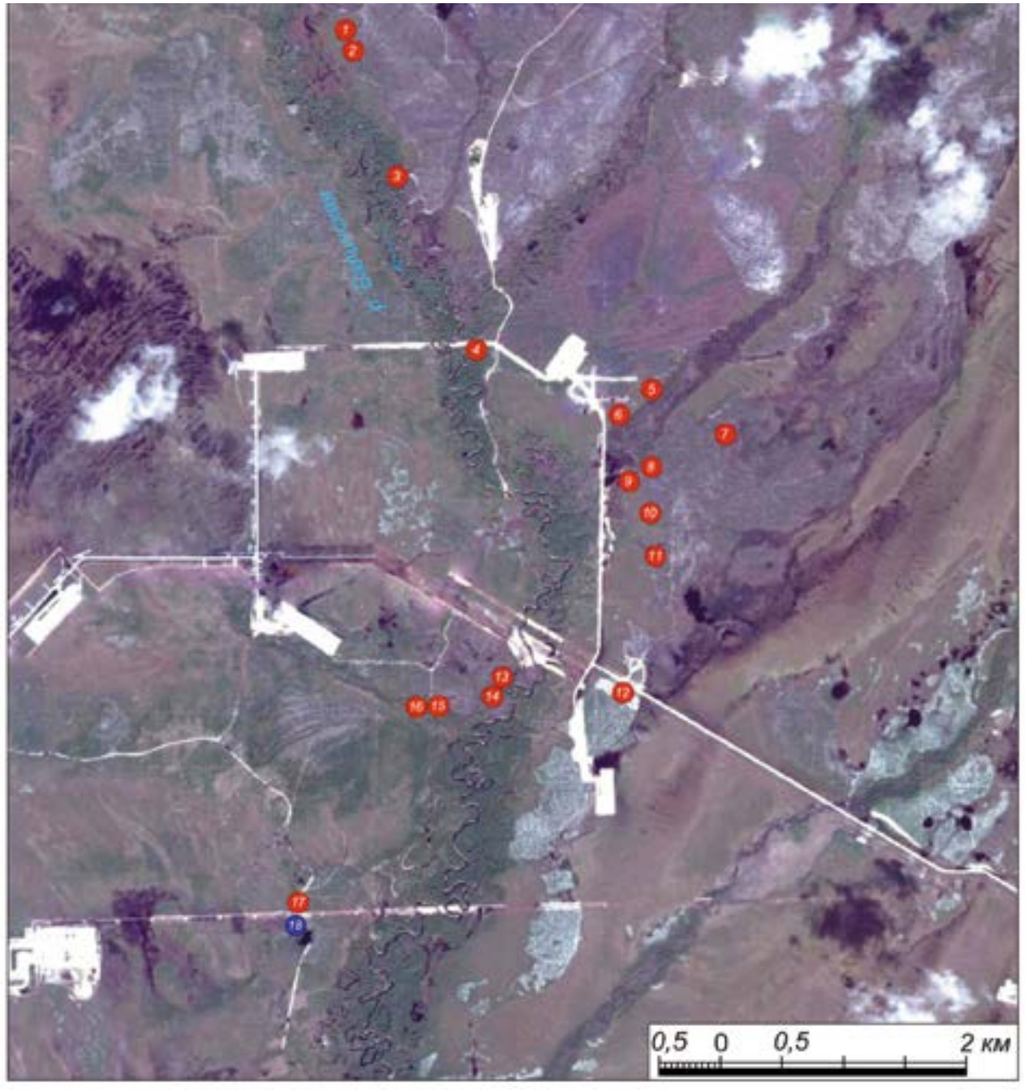
21. ***Vorob'eva T. P.*** Otchet: O Kazymskoj ekspedicii 1956 g. Khanty-Mansijsk, 1956. Arhiv Muzeya prirody i cheloveka (Khanty-Mansijsk) OF HM №832/185. 113 l.
22. ***Karacharov K. G.*** Otchet o NIR. IKE iskhodnoj dokumentacii territorii Priobskogo mestorozhdeniya OAO "Yuganskneftegaz" (etap predvaritel'noj ekspertizy) №97.30-12. Nefteyugansk, 2000.
23. ***Kardash O. V.*** Otchet o NIR. Avarijnye raskopki poseleniya Balinskoe 12 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry letom 2004 g. Nefteyugansk, 2004a.
24. ***Kardash O. V.*** Otchet o NIR. Arheologo-geodezicheskie issledovaniya kompleksov arheologicheskih ob'ektov: "Seliyarovskij bor", "Mikishkin bor", "Balinskij bor" pravoberezhnaya chast' Priobskogo mestorozhdeniya, Khanty-Mansijskij rajon, KhMAO, osen' 2003 g. (proektnye raboty). Kniga 3. Kompleks arheologicheskih ob'ektov "Balinskij bor". Nefteyugansk, 2004b.
25. ***Kochegov E. I.*** Otchet o NIR. Avarijnye raskopki arheologicheskogo pamyatnika "Gruppa yam-lovushek Balinskoe 42" v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2012 godu. Nefteyugansk, 2013.
26. ***Kuz'mina A. S., Kruzement S. A.,*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki poseleniya Balinskoe 36 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2007 godu. Nefteyugansk, 2008.
27. ***Ponomareva T. M.*** Tekhnicheskij otchet. "Arheologicheskie raboty po sohraneniyu ob'ekta kul'turnogo naslediya Balinskoe 73" v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry v 2015 godu. Nefteyugansk, 2015.
28. ***Rudkovskaya M. A.*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki poseleniya Kedrovaya 4 i poseleniya Kedrovaya 5 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry v 2012 g. Nefteyugansk, 2013.
29. ***Hlobystin L. P.*** Otchet o rabote Zapolyarnogo otryada LOIA v 1966 g. Arhiv IA RAN.F. R-1. D. 3339.
30. ***Charusova I. S.*** Otchet o NIR. Avarijnye arheologicheskie raskopki poseleniya Balinskoe 54 v Khanty-Mansijskom rajone KhMAO-Yugry Tyumenskoj oblasti v 2012 g. Nefteyugansk, 2013.

1

2

Рис. 1. Карты-схемы. Балинское 42: *1* – карта-схема административного деления Уральского федерального округа; *2* – обзорная схема расположения памятника в границах ХМАО-Югры. М 1 : 10000000

Fig. 1. Maps-schemes. Balinskoye 42: *1* – map-scheme of the administrative division of the Ural Federal District; *2* – an overview diagram of the location of the site within the boundaries of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. S 1 : 10000000



1	*поселение Балинское 76*	10	*поселение Балинское 67*
2	*поселение Балинское 75*	11	*поселение Балинское 66*
3	*поселение Балинское 74*	12	*поселение Балинское 63*
4	*поселение Балинское 73*	13	*поселение Балинское 62*
5	*городище Балинское 72*	14	*поселение Балинское 61*
6	*поселение Балинское 71*	15	*поселение Балинское 60*
7	*поселение Балинское 70*	16	*поселение Балинское 59*
8	*поселение Балинское 69*	17	*группа ям-ловушек Балинское 43*
9	*городище Балинское 68*	18	*группа ям-ловушек Балинское 42*

Рис. 2. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Схема расположения археологических памятников в среднем течении р. Балинская. Группа ям-ловушек Балинская 42. М 1 : 50000

Fig. 2. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Scheme of the location of archaeological sites in the middle reaches of the river Balinskaya. Group of pitfall traps Balinskaya 42. S 1 : 50000

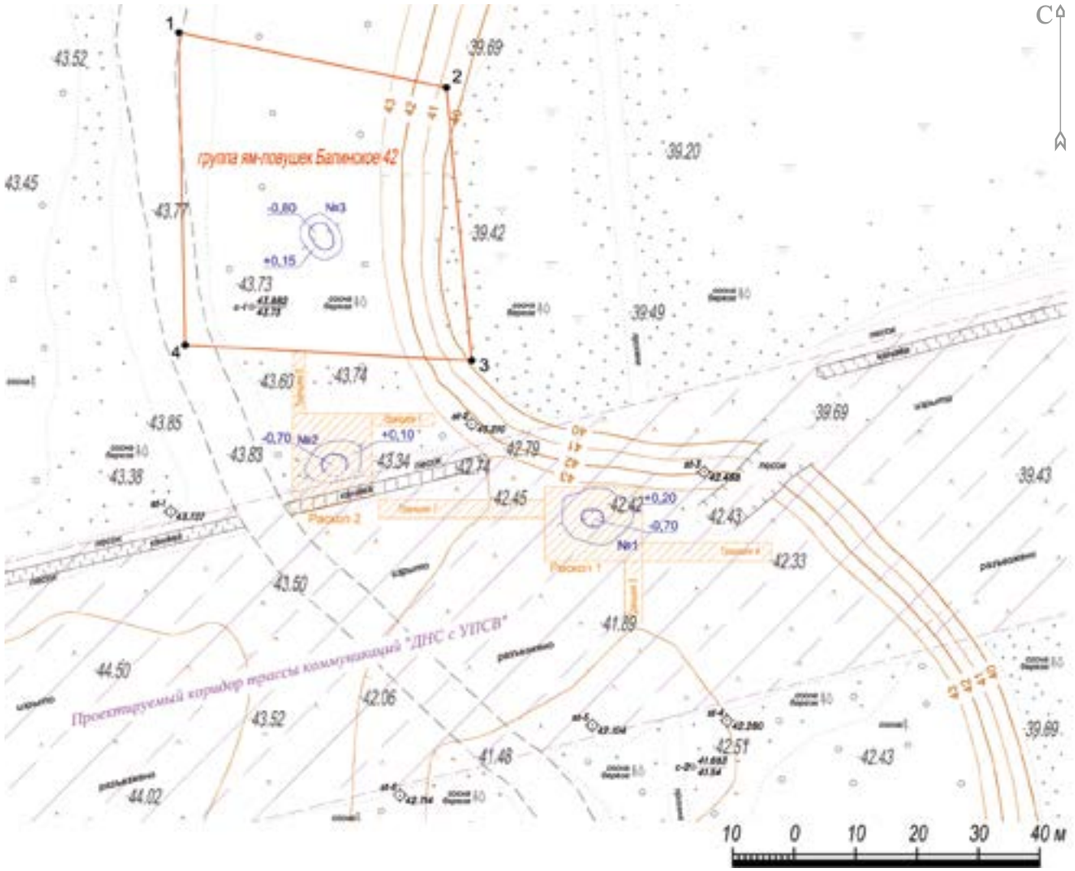


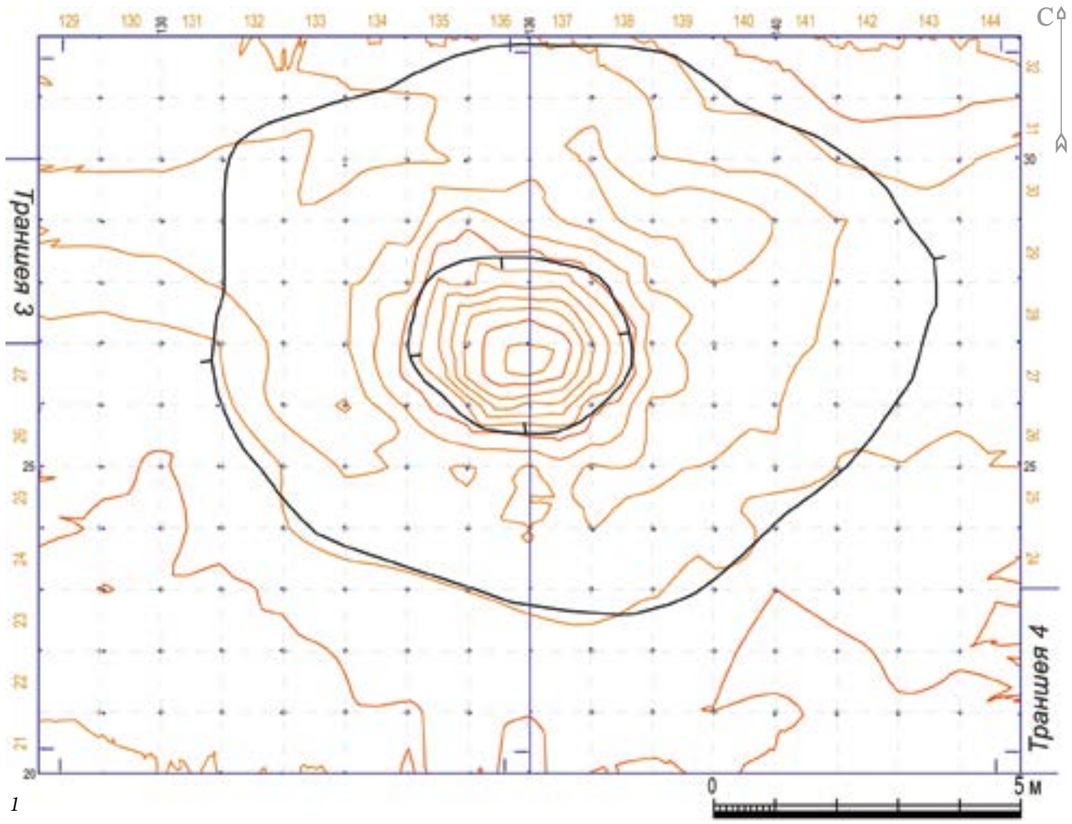
Рис. 3. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Топографический план памятника. М 1 : 500
Fig. 3. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. A group of pitfall traps Balinskoye 42. Topographical plan of the site. S 1 : 500

1	Дерн	5а	Бело-желтый	7а	Темно-серый	9	Ожелезненный
1а	Древесная труха	5б	Серо-желтый	7б	Желто-серый	10	Уголь или примесь угля
2	Светло-серый (подзол)	6	Коричневый	8	Очажно бурый	11	Белесый материковый песок
3	Утрамбованный транспортом	6а	Желто-коричневый	8а	Буроватый	- углистая прослойка	
4	Переотложенный	6б	Серо-коричневый	8б	Коричневый прокал	- остатки деревянных конструкций	
5	Желтый	7	Серый	8в	Белый прокаленный материк	- линии профилей	

Рис. 4. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Условные обозначения и стратиграфическая колонка к приведенным в публикации чертежам
Fig. 4. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42. Legends and stratigraphic column for the drawings given in the publication

Рис. 5. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Общий вид на памятник до начала раскопок. Вид с юго-востока
Fig. 5. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. A group of pitfall traps Balinskoye 42. General view of the site before the start of excavations. View from the south-east

Рис. 6. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Общий вид на памятник до начала раскопок. Вид с юго-запада
Fig. 6. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. A group of pitfall traps Balinskoye 42. General view of the site before the start of excavations. View from the south-west

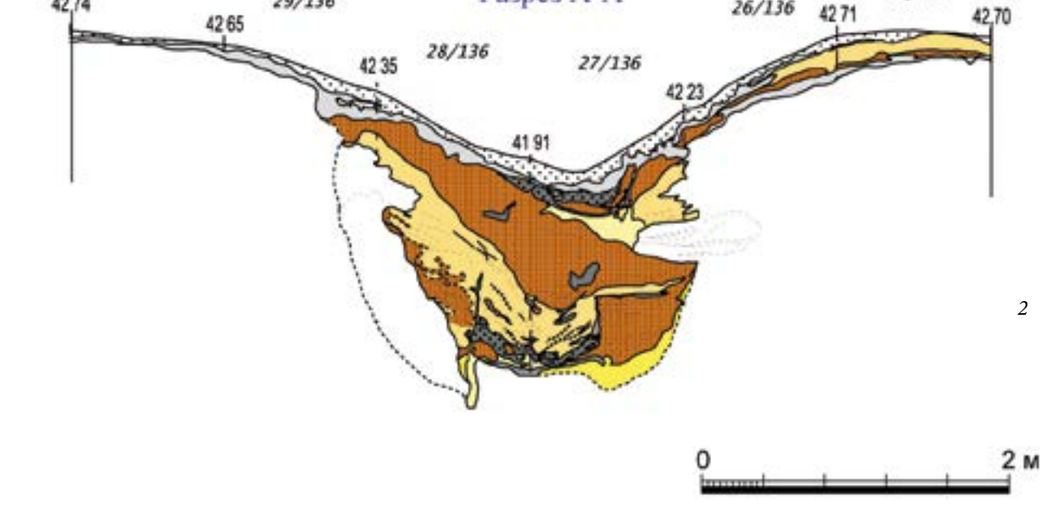


1

2

Рис. 7. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42, сооружение 1: *1* – нивелировочный план раскопа 1. Чертеж. М 1 : 100; *2* – вид на сооружение 1 до начала раскопок. Вид с запада
Fig. 7. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42, structure 1: *1* – leveling plan of excavation 1. Drawing. S 1 : 100 *2* – view of structure 1 before the start of excavations. View from the west

1



2

Рис. 8. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 1: *1* – план сооружения 1, уровень фиксации – 42,30 м; *2* – разрез сооружения 1, восточная стенка, линия 136. Разрез А-А'. Чертеж. М 1 : 40
Fig. 8. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. A group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 1: *1* – plan of structure 1, fixation level – 42.30 m; *2* – section of structure 1, eastern wall, line 136. Section A-A'. Drawing. S 1 : 40

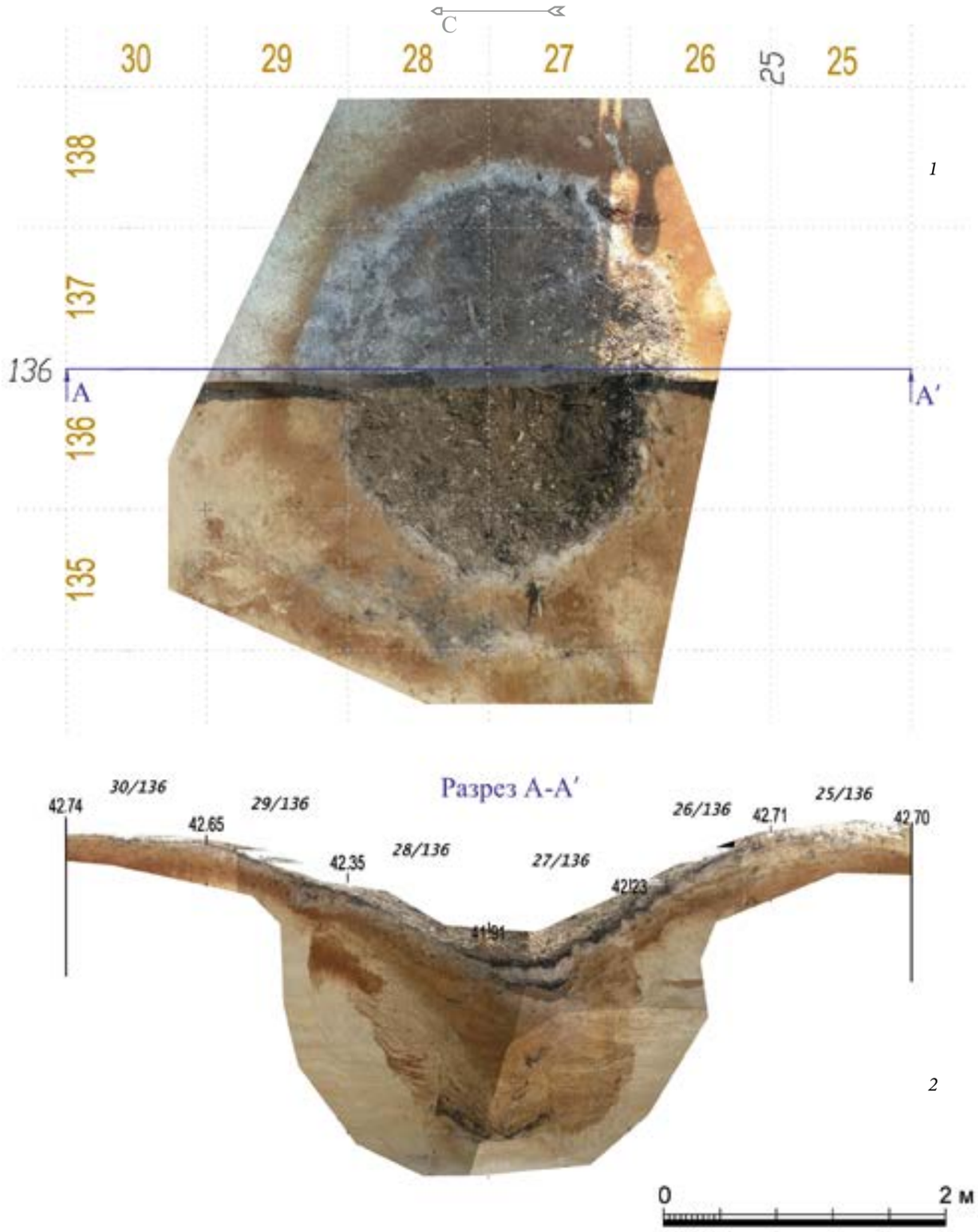


Рис. 9. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 1: *1* – фотоплан сооружения 1, уровень фиксации – 42,30 м; *2* – фоторазрез сооружения 1, восточная стенка, линия 136. Разрез А-А'. Чертеж. М 1 : 40

Fig. 9. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 1: *1* – photo plan of structure 1, fixation level – 42.30 m; *2* – photosection of structure 1, eastern wall, line 136. Section A-A'. Drawing. S 1 : 40

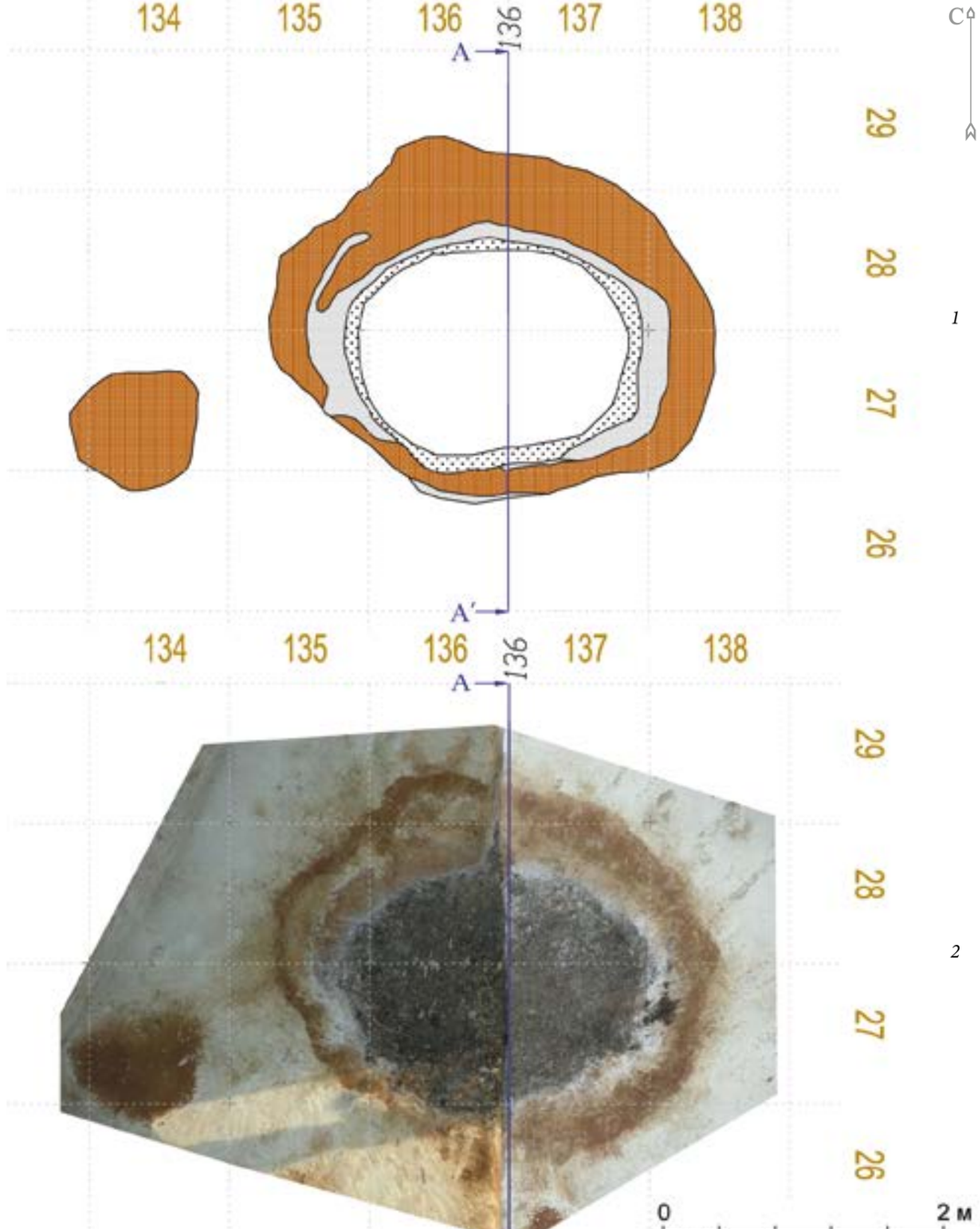


Рис. 10. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 1: *1* – план сооружения 1, уровень фиксации – 42,10 м; *2* – фотоплан сооружения 1, уровень фиксации 42,10 м. Разрез А-А'. Чертеж. М 1 : 40

Fig. 10. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. A group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 1: *1* – plan of structure 1, fixation level – 42.10 m; *2* – photo plan of structure 1, fixation level 42.10 m. Section A-A'. Drawing. S 1 : 40

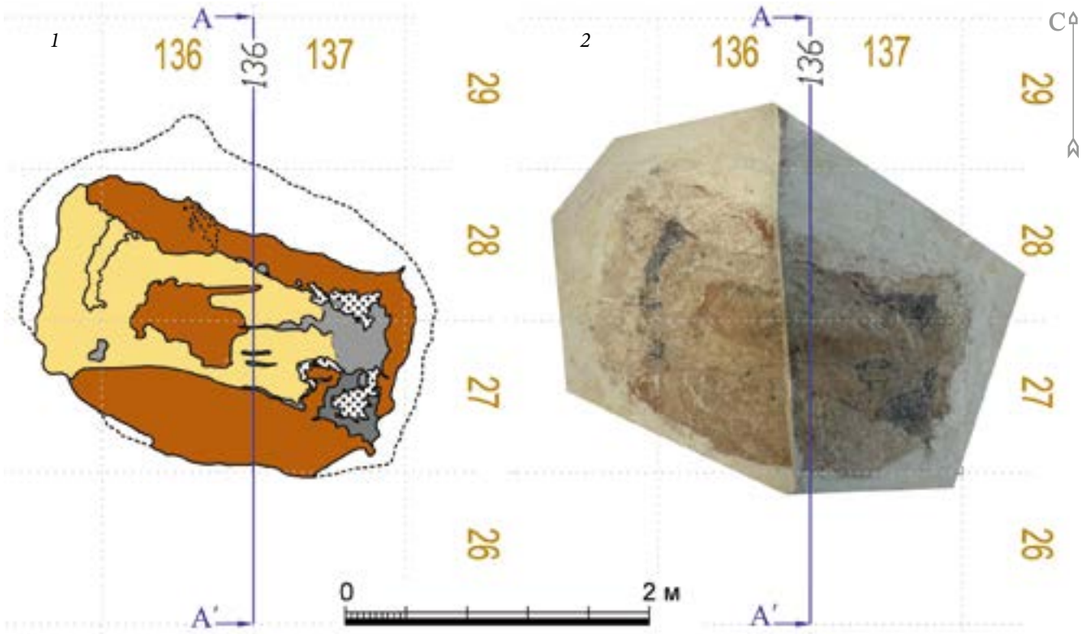


Рис. 11. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 1: *1* – план сооружения 1, уровень фиксации – 40,90 м; *2* – фотоплан сооружения 1, уровень фиксации 40,90 м. Разрез А-А'. Чертеж. М 1 : 40
Fig. 11. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 1: *1* – plan of structure 1, fixation level – 40.90 m; *2* – photo plan of structure 1, fixation level 40.90 m. Section A-A'. Drawing. S 1 : 40

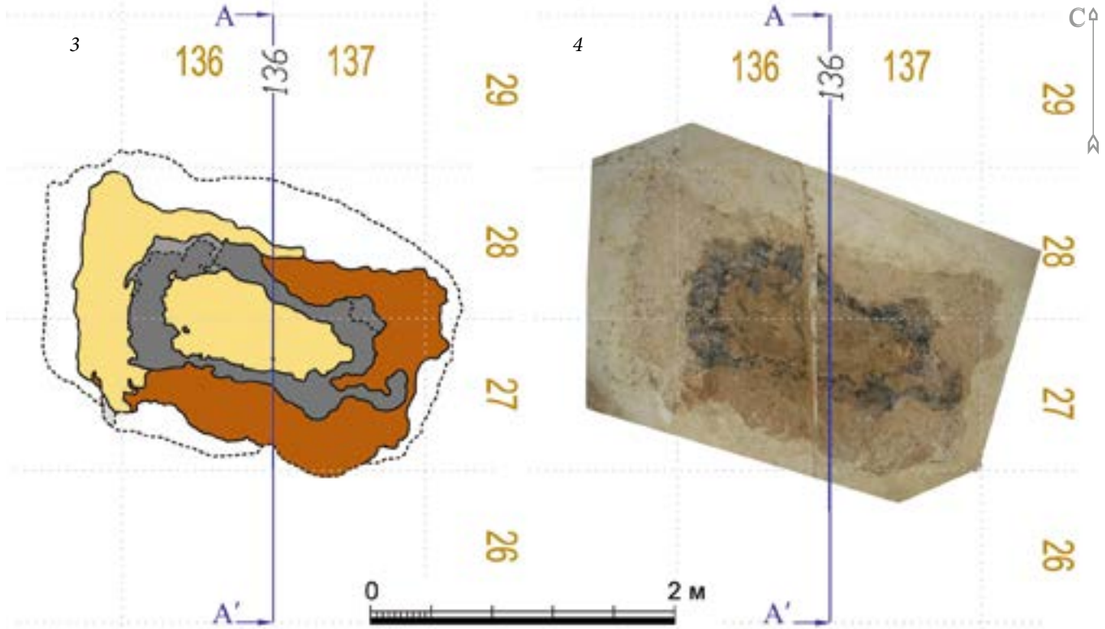
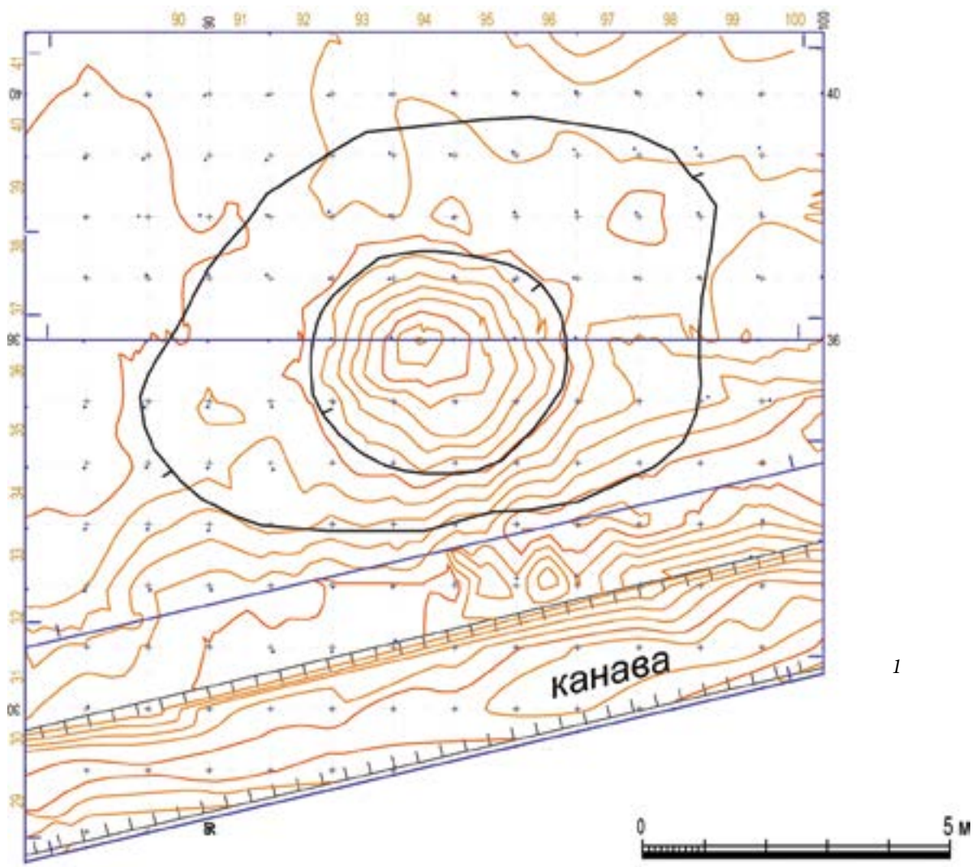


Рис. 12. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 1: *1* – план сооружения 1, уровень фиксации – 40,70 м; *2* – фотоплан сооружения 1, уровень фиксации 40,70 м. Разрез А-А'. Чертеж. М 1 : 40
Fig. 12. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 1: *1* – plan of structure 1, fixation level – 40.70 m; *2* – photo plan of structure 1, fixation level 40.70 m. Section A-A'. Drawing. S 1 : 40



1

2

Рис. 13. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42, сооружение 2: *1* – нивелировочный план раскопа 2. Чертеж. М 1 : 100; *2* – вид на сооружение 2 до начала раскопок. Вид с востока
Fig. 13. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42, structure 2: *1* – leveling plan of the excavation 2. Drawing. S 1 : 100; *2* – view of structure 2 before the start of excavations. View from the east

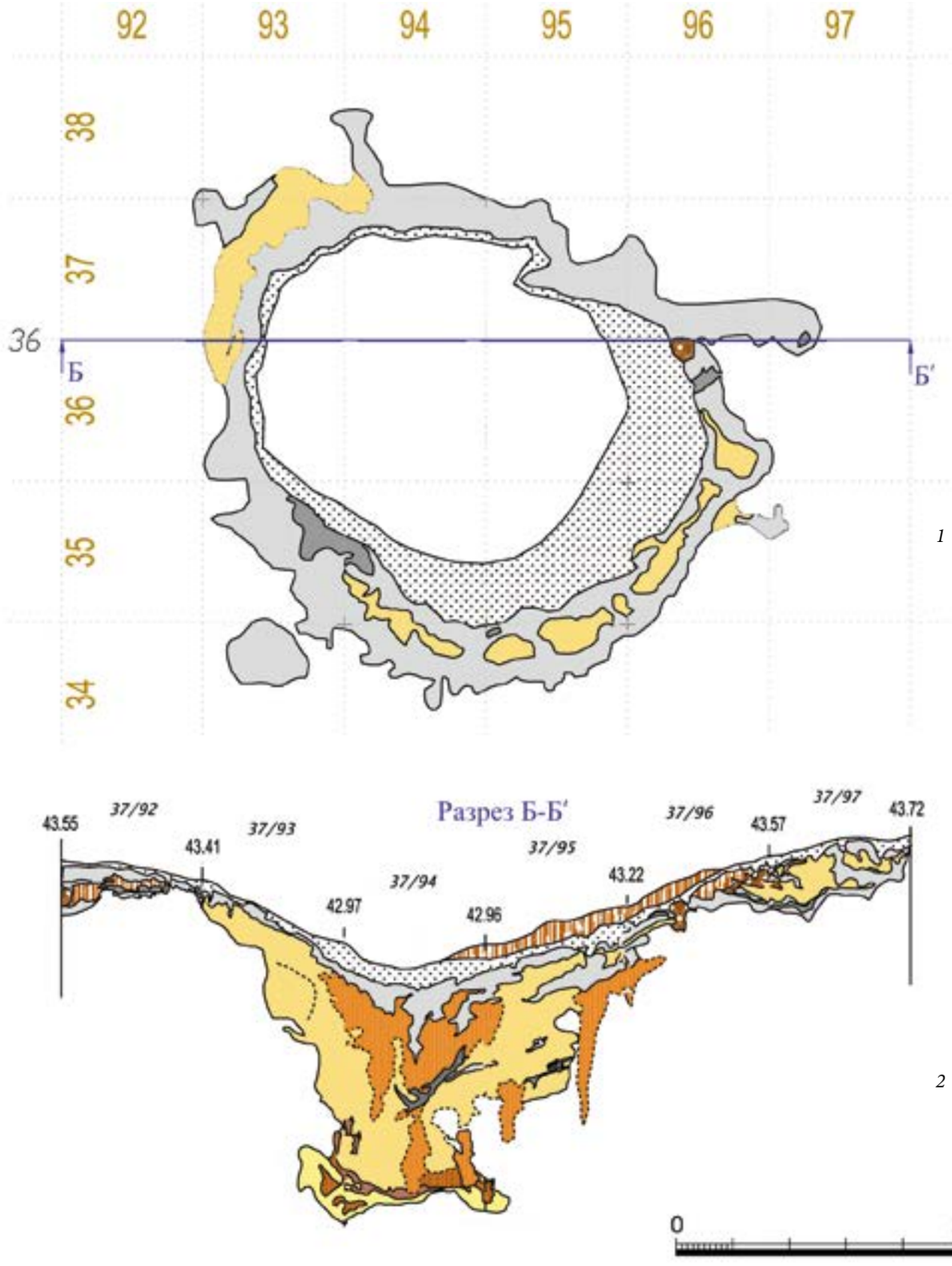


Рис. 14. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 2: *1* – план сооружения 2, уровень фиксации – 43,20 м; *2* – разрез сооружения 2, южная стенка, линия 37. Разрез Б-Б'. Чертеж. М 1 : 40
Fig. 14. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. A group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 2: *1* – plan of structure 2, fixation level – 43.20 m; *2* – section of structure 2, southern wall, line 37. Section Б-Б'. Drawing. S 1 : 40

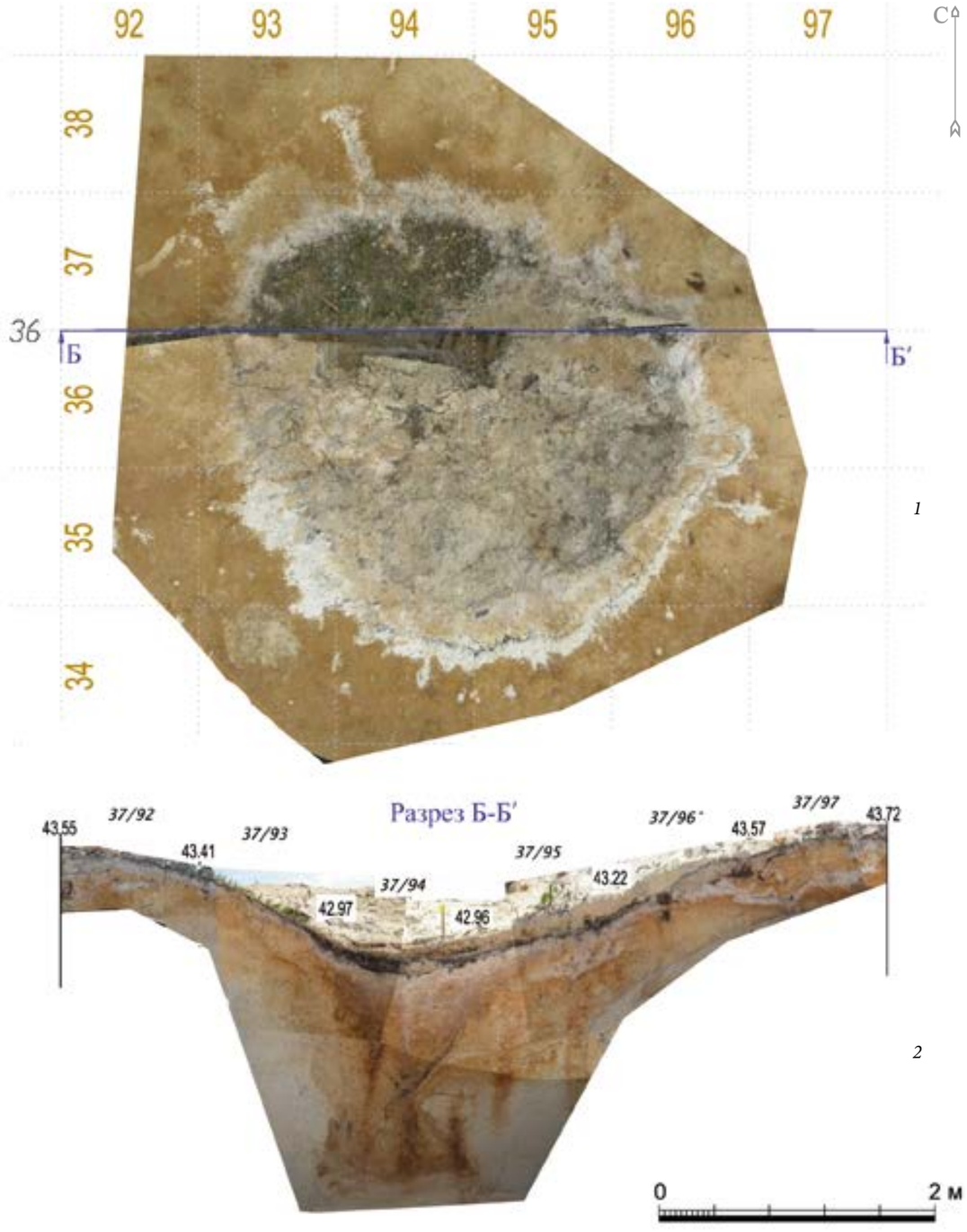


Рис. 15. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 2: *1* – фотоплан сооружения 2, уровень фиксации – 43,20 м; *2* – фоторазрез сооружения 2, южная стенка, линия 37. Разрез Б-Б'. Чертеж. М 1 : 40
Fig. 15. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 2: *1* – photo plan of structure 2, fixation level – 43.20 m; *2* – photosection of structure 2, southern wall, line 37. Section Б-Б'. Drawing. S 1 : 40

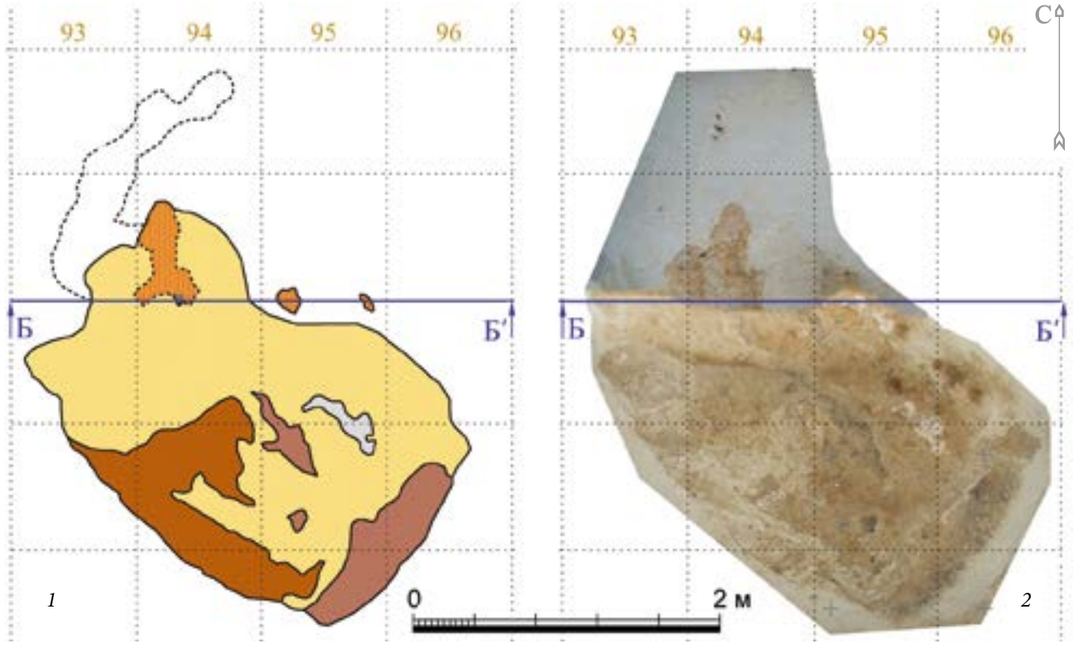


Рис. 16. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 2: *1* – план сооружения 2, уровень фиксации – 41,80 м; *2* – фотоплан сооружения 2, уровень фиксации 41,80 м. Разрез Б-Б'. Чертеж. М 1 : 40
Fig. 16. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. A group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 2: *1* – plan of structure 2, fixation level – 41.80 m; *2* – photo plan of structure 2, fixation level 41.80 m. Section Б-Б'. Drawing. S 1 : 40

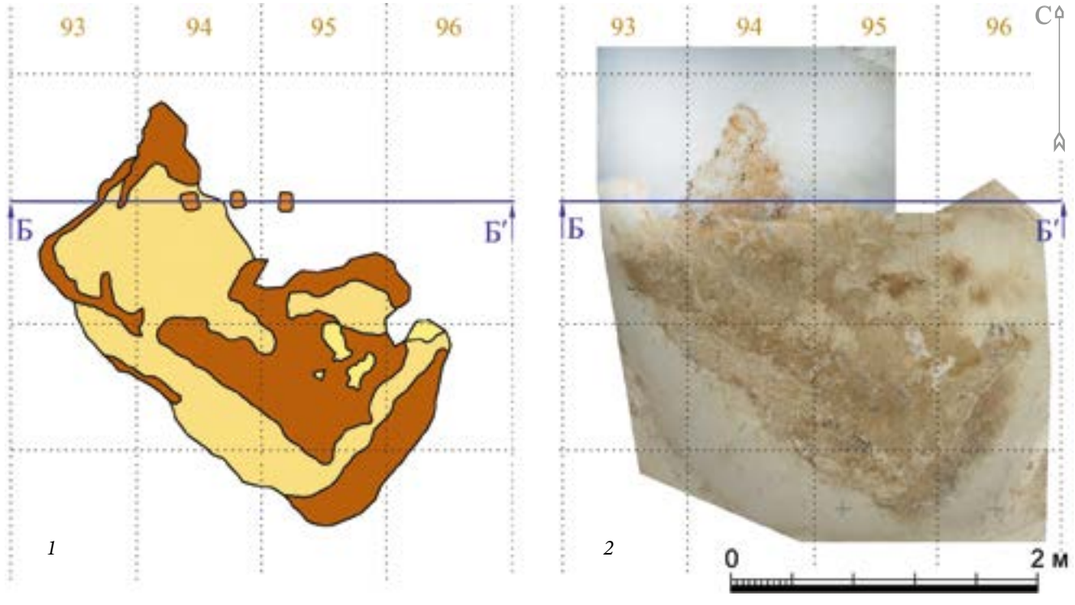


Рис. 17. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Раскоп 2: *1* – план сооружения 2, уровень фиксации – 41,60 м; *2* – фотоплан сооружения 2, уровень фиксации 41,60 м. Разрез Б-Б'. Чертеж. М 1 : 40
Fig. 17. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42. Excavation 2: *1* – plan of structure 2, fixation level – 41.60 m; *2* – photo plan of structure 2, fixation level 41.60 m. Section Б-Б'. Drawing. S 1 : 40

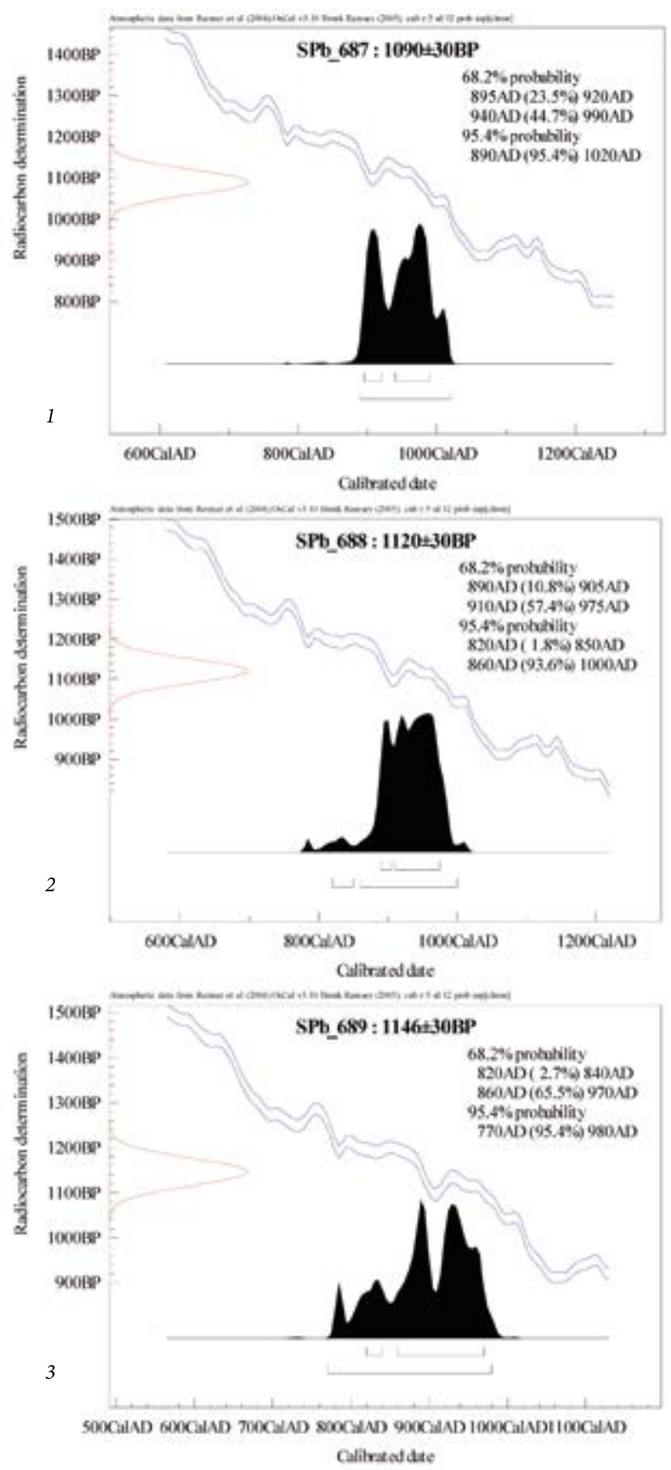


Рис. 18. ХМАО-Югра. Ханты-Мансийский район. Группа ям-ловушек Балинское 42. Графики радиоуглеродного анализа проб угля из раскопа 1, заполнения придонной части ямы 1: *1* – SPb-687, гл. 1,1–1,2 от поверхности, проба 1; *2* – SPb-688, гл. 1,3–1,4 от поверхности, проба 2; *3* – SPb-687, гл. 1,4–1,5 от поверхности, проба 3
Fig. 18. KhMAO-Yugra. Khanty-Mansiysk district. Group of pitfall traps Balinskoye 42. Graphs of radiocarbon analysis of coal samples from excavation 1, filling of the bottom part of pit 1: *1* – SPb-687, ch. 1.1–1.2 from the surface, sample 1; *2* – SPb-688, ch. 1.3–1.4 from the surface, sample 2; *3* – SPb-687, ch. 1.4–1.5 from surface, sample 3

УДК: 902.2 (571.122)
DOI 10.31630/2949-3609-2023-1-90-109

Н. Е. Трунова[1], С. А. Круземент[1], В. О. Гнатив[1]

[1] ООО НЦ «Топос», Екатеринбург, Россия

ГРУППА ВПАДИН КРИВАЯ 3 ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2017 ГОДА НАЗЕМНОГО НЕЖИЛОГО СООРУЖЕНИЯ В ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ОБИ)

Аннотация. В статье представлены результаты раскопок одного из сооружений объекта культурного наследия «Группа впадин Кривая 3», расположенного в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры. Несмотря на отсутствие археологических предметов, сооружение предположительно отнесено к категории промыслово-хозяйственных построек эпохи Средневековья. Авторы поднимают проблему создания четкой методики исследования археологических объектов, сложно поддающихся идентификации, и предлагают свою систему доказательств антропогенного происхождения и назначения сооружения.

Annotation. The article presents the results of excavation of a structure of the object of cultural heritage – the group of depressions Krivaya 3, which is situated in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nefteyugansky district. Despite the fact that no archaeological items were found during the excavation, the structure was identified as a hunting construction. It is dated back to the Medieval Ages. The authors of the article raise the problem of creating a clear method of investigation of the archaeological structures, which is hard to identify. They offer their own system of evidence of anthropogenic origin of the structure and of its function.

Ключевые слова: ХМАО-Югра, Нефтеюганский район, протока Кривая, археологическое сооружение, идентификация археологических объектов, впадина

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Nefteyugansky district, the channel Krivaya, excavations, archaeological structure, identification of archaeological objects, depression

Введение. Широкомасштабные раскопки последних лет на Севере Западной Сибири подняли проблему постановки на учет объектов культурного наследия на стадии археологического выявления. На учет могут поставить выраженные на поверхности впадины, которые впоследствии оказываются провалившейся норой животного, ямой от вывороченного с корнем дерева или муравейником. Единственным бесспорным идентификатором археологического объекта на данный момент являются археологические предметы. Но в таких промысловых объектах, как ловчие ямы, археологические предметы находят крайне редко. Кроме того, существуют и другие виды сооружений, внутри и рядом с которыми археологические предметы отсутствуют. Именно такое сооружение было изучено в 2017 г. на объекте культурного наследия «Группа впадин Кривая 3» в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры. По данным планиграфии и стратиграфии оно не является ни ловчей ямой, ни остатками жилища или производственной площадки.

Актуальность публикации. Результаты раскопок объекта культурного наследия «Группа впадин Кривая 3» ранее нигде не публиковались и впервые предлагаются научному сообществу. Поэтому *цель данной публикации* – ввести в научный оборот результаты спасательных археологических раскопок группы впадин Кривая 3, что позволит продвинуться в решении проблемы идентификации археологических сооружений со слабо выраженными характеристиками, а также выделить признаки, по которым можно будет идентифицировать объект как археологический.

Хронологические и территориальные рамки исследования. Объект культурного наследия «Группа впадин Кривая 3» располагается на территории урочища Городской остров, которое в XVIII–XIX вв. входило в состав Юганской Подгородной инородческой волости Сургутского уезда Тобольского наместничества (губернии). В это время на данной территории существовали юрты Подкривские, стоявшие на протоке Кривой (точное место неизвестно). К настоящему моменту на территории урочища выявлено несколько археологических памятников. н

Первые археологические памятники на урочище Городской остров были выявлены в 1993 г. разведочными группами предприятия АВ КОМ (г. Екатеринбург) [*Ивасько,* 1994]. Сейчас на этой территории известно 36 объектов археологического наследия: городища Сухой Аган 1 и Сырой Аган 1, 8, 9; поселения Сухой Аган 2 и Сырой Аган 2–7, 10–12, 14, 15, 17–28, Городской остров 1–3; поселения (могильники) Сырой Аган 13, 16; группы впадин Кривая 1–3.

С 1999 г. на останце с урочищем Городской остров проводятся раскопки объектов археологического наследия и осуществляются охранные работы на разрушающихся объектах. Исследованы поселение (городище) Сырой Аган 1, [*Арефьев,* 2002; *Постнов,* 2016], поселение Сырой Аган 2 [*Шульга,* 2014; *Кардаш,* 2016], поселение Сырой Аган 3 [*Шульга,* 2014; *Мызников,* 2016], поселение Сырой Аган 4 [*Кардаш,* 2016], поселение Сырой Аган 5 [*Арефьев,* 2000; *Пархимович,* 2009; *Кардаш,* 2016], поселение Сырой Аган 6 [*Карачаров,* 1999; *Арефьев,* 2001; *Кардаш,* 2016], поселение Сырой Аган 10 [*Кузьмина,* 2004], поселение Сырой Аган 11 [*Баранов,* 2004, 2005б], поселение Сырой Аган 12 [*Баранов,* 2002; *Шорин, Баранов,* 2002], поселение (могильник) Сырой Аган 13 [*Баранов,* 2005а; *Кузьмина,* 2005], поселение Сырой Аган 14 [*Кардаш,* 2016], могильник Сырой Аган 16 [*Шорин,* 2005], поселение Городской остров 1 [*Пархимович,* 2003, 2005, 2006а, 2006б; *Гнатив,* 2020], группа впадин Кривая 1 [*Трунова,* 2018], группа впадин Кривая 2 [*Трунова,* 2018], группа впадин Кривая 3 [*Круземент,* 2018]. В 2021 г. раскопками была изучена часть территории поселения Сырой Аган 23 [*Круземент,* 2022].

Датировка одних памятников установлена на основании проведенных раскопок, других – на основании разведочных данных. Таким образом, поселения Сырой Аган 1–7 и городище Сырой Аган 8 датированы поздним бронзовым веком, городище Сырой Аган 9 – II – началом I тыс. до н. э., поселение Сырой Аган 14 – IX–XI вв. до н. э., поселения Сырой Аган 5, 6 и 21 – поздним бронзовым веком и ранним железным веком, поселения (могильники) Сырой Аган 13, 16 и поселение Сырой Аган 24, а также городище Сухой Аган 1 и поселение Сухой Аган 2 – ранним железным веком, поселение Сырой Аган 15 – IV в. до н. э. – III в. н. э., поселения Сырой Аган 25 и 26 – ранним железным веком – эпохой Средневековья, поселение Городской остров 1 – эпохой Средневековья, поселения Сырой Аган 10 и 28, поселение Городской остров 2 – эпохой Средневековья – Новым временем, поселение Сырой Аган 27 – эпохой Нового времени, поселения Сырой Аган 20 и Городской остров 3 – Новым и Новейшим временем, поселение Сырой Аган 11 – XVII–XIX вв. н. э., поселения Сырой Аган 17 и 18 – XVIII–XIX вв. н. э., поселения Сырой Аган 12 и Сырой Аган 23 – XIX в. н. э. Для поселений Сырой Аган 19, одиночной впадины Сырой Аган 22, группы впадин Кривая 1 и 2 датировка определена в широком диапазоне – от эпохи неолита до Нового и Новейшего времени.

Объект культурного наследия «Группа впадин Кривая 3» расположен на Севере Западной Сибири в Среднеобской низменности, в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры, в 26,2 км к востоку – северо-востоку от г. Нефтеюганска, в 19,6 км к западу – юго-западу от г. Сургута, в 7,9 км к юго-востоку от устья протоки Кривая, в 5,2 км к западу от ж.-д. станции «Островной», на левом берегу Оби, левом берегу протоки Кривая, в 1,6 км к югу – юго-востоку от русла протоки Кривая (рис. 1).

Объект находится на крупном останце обтекания в левобережье Оби. Со стороны севера останец ограничен протоками Девкина, Кривая и Сургутка, с запада и юго-запада – протокой Сырой Аган, с юга – протоками Сухой Аган и Казенная, с востока – протокой Полой. В западной части останца расположено урочище Городской остров, в восточной – урочище Каменный мыс (рис. 2).

Группа впадин Кривая 3 занимает участок обширной гряды серповидной формы, расположенной в центральной части урочища Городской остров (рис. 3). Со всех сторон гряда окружена верховым болотом или заболоченными понижениями. Ширина гряды составляет в данном месте 90–110 м, высота над уровнем болота – до 2,5 м. Западный склон гряды пологий, восточный – слабо покатый, поверхность гряды ровная. Выраженные в рельефе археологические сооружения приурочены к восточному краю гряды. Растительный покров территории представлен высокоствольным сосново-березовым лесом на кустарничково-моховой подстилке (рис. 4). Естественный почвенный профиль гряды характерен для песчаных почв дерново-подзолистого типа, а в составе материнской почвенной породы присутствуют прослойки суглинка. В верхней части почвенного профиля заметны следы лесного пожара, прошедшего относительно недавно: угольки и прослойки прокаленного песка фиксируются непосредственно под современным напочвенным покровом. Через северо-восточный участок территории объекта культурного наследия проходит коридор коммуникаций нефтепровода. Поверхность на этом участке изрыта.

Группа впадин Кривая 3 была выявлена в 2016 г. в процессе археологических разведок на территории Южно-Сургутского лицензионного участка под руководством В. О. Гнатива [*Гнатив,* 2017]. В ходе обследования 2016 г. к югу от сооружения № 2 и к западу от сооружения № 4 были выполнены два шурфа, в которых выявлено наличие культурного слоя. Археологических предметов ни в шурфах, ни при осмотре поверхности объекта обнаружено не было. Предварительно, на основании топографии объекта, формы и расположения выявленных сооружений, параметров залегания культурного слоя в разведочных шурфах группа впадин Кривая 3 была интерпретирована как комплекс грунтовых промысловых сооружений (ям-ловушек).

Описание источников и материалов исследования. Летом 2017 г. отрядом экспедиции ООО НЦ «Топос» совместно с ООО «НПО Северная археология – 1» были проведены спасательные археологические полевые работы (раскопки) объекта археологического наследия «Группа впадин Кривая 3». Раскопом площадью 300 кв. м была изучена северная часть территории памятника, находившаяся под угрозой полного или частичного уничтожения в ходе проведения хозяйственных работ на трубопроводах Южно-Сургутского месторождения ООО «РН-Юганскнефтегаз». В границах раскопа исследовано одно археологическое сооружение. В рельефе современной поверхности оно выглядело как небольшая, слабо выраженная в рельефе впадина размером 2,7 × 2,0 м и глубиной до 0,2 м.

В результате раскопок 2017 г. были выявлены остатки наземной постройки с четырьмя хозяйственными

ямами внутри. Углубление поверхности над одной из этих ям и фиксировалось в современном рельефе. Археологических предметов в границах раскопа не найдено. В современном рельефе было выражено четыре археологических сооружения, расположенных цепочкой вдоль восточного края гряды (рис. 3).

Сооружение № 1 – впадина овальной в плане формы, ориентированная по оси «север – северо-восток / юг – юго-запад», размером 3,5 × 3,1 м и глубиной до 0,2 м, расположенная в центральной части территории объекта культурного наследия. Сооружение № 2 – впадина овальной в плане формы, ориентированная по оси «запад – северо-запад / восток – юго-восток», размером 5,9 × 2,9 м и глубиной до 0,8 м, расположенная в южной части территории. Сооружение № 3 – впадина овальной в плане формы, ориентированная по оси «запад – северо-запад / восток – юго-восток» размером 3,4 × 2,5 м и глубиной до 0,4 м, расположенная в южной части территории. Сооружение № 4 – впадина овальной в плане формы, ориентированная по оси «север – северо-запад / юг – юго-восток» размером 2,7 × 2,0 м и глубиной до 0,2 м, расположенная в северной части территории.

Сооружение № 4 исследовано в 2017 г. и до начала работ выглядело как впадина овальной формы без обваловки, поэтому происхождение его вызывало сомнения. Для определения природного или археологического происхождения объекта в 2016 г. возле впадины был выполнен шурф, по результатам исследования которого выявлен культурный слой – выкид из котлована сооружения, залегавший поверх погребенного почвенного профиля. В процессе последующих раскопок было установлено, что площадь, занимаемая сооружением № 4, значительно больше, чем площадь фиксировавшейся на поверхности впадины. Сооружение условно можно разделить на две части: углубленную и наземную. Кроме того, по периметру сооружения были зафиксированы три ямы, предположительно связанные с ним конструктивно. Вероятно, это ямы от столбов, поддерживавших наземную часть конструкции сооружения (рис. 18, 19). Наземная же часть сооружения представлена площадкой прямоугольной формы со скругленными углами, ориентированной по оси «северо-запад – юго-восток», размером 3,92 × 3,75 м, площадью 14,7 кв. м (рис. 19). Мощность насыпного слоя – от 0,15 до 0,30 м. Очертания площадки прослеживались на фоне материкового и иллювиального песков от уровня 39,67 м[1] до уровня 39,42 м, частично проявились уже на уровне 39,77 м (рис. 14). Слои заполнения – светлый серо-желтый песок и светло-серый неоднородный песок с коричневыми пятнами. Верхняя часть заполнения представлена светло-коричневым с серо-белыми пятнами песком, причем заметны следы того, что данный слой на некоторых участках прорезает нижележащие слои. Наиболее отчетливо данный факт прослеживается в уч. 3/9, где более поздняя врезка, расположенная перпендикулярно по отношению к яме 4, прорезает слои ее заполнения. Также подобные нарушения заметны в уч. 3/11-12.

Углубленная часть сооружения представлена ямами 1–4. Крупные ямы, сопоставимые по своим размерам друг с другом, располагались в углах образуемого ими прямоугольника.

Яма № 1. Яма 1 в уч. З-И/11-12 имела форму овала, ориентированного по оси «север – юг», размер ее на уровне 39,37 м составлял 1,60 × 1,20 м, площадь – 1,92 кв. м. Яма располагалась по центру юго-восточной стены сооружения. Заполнение нижней части ямы представлено слоем светлого серо-желтого песка, над ним фиксировался светло-серый неоднородный песок с коричневыми пятнами. В профиле (рис. 8 – а; 9; 19) дно ямы имело округлую форму с наклонными стенками. От уровня площадки сооружения глубина ямы – не менее 0,4 м.

Яма № 2. Яма 2 в уч. Ж-З/11-13 имела близкую к овалу форму, ориентированную по оси «северо-запад – юго-восток» параллельно юго-западной стенке сооружения № 4, располагалась в южном углу сооружения (рис. 12, 13, 19). На уровне фиксации 39,37 м длина ее составляла 2,23 м, ширина в северо-западной части – 0,54 м, в юго-восточной – 1,39 м. Площадь – 3,1 кв. м. В профиле яма имела округлое дно и наклонные стенки, причем западная и северная стенки более крутые, восточная и южная – более пологие. Глубина ямы – до 0,77 м. Заполнение ямы неоднородно. В нижней части – светлый серо-желтый песок, над ним – светло-серый неоднородный песок с коричневыми пятнами. Еще выше – светло-коричневый песок с серо-белыми пятнами. В профиле северной стенки уч. Ж-З/12 (рис. 8 – а; 9) заметно, что светло-коричневый песок с серо-белыми пятнами в отдельных местах прорезает нижележащий слой. Над слоем светло-коричневого песка с серо-белыми пятнами в профиле и в плане фиксируется прослойка бело-серого песка (погребенного древнего элювиального горизонта), и по ее верхнему краю отмечены очень тонкие прослойки темно-серого углистого песка. Ширина прослойки в плане – около 0,1 м. В профиле она хорошо заметна в западной части ямы, где расположена почти вертикально (рис. 8 – а; 9). Прослойка погребенного подзола отделяет нижние слои заполнения ямы от верхних, сползших внутрь в процессе разрушения сооружения. Верхние слои заполнения представлены коричневым песком с серо-белыми пятнами и этим же слоем, но со следами пирогенных процессов – серо-бурыми песками с включениями угольков.

Яма № 3. Яма 3 в уч. Е-Ж/10-11 имела форму овала, ориентированного по оси «северо-восток – юго-запад», на уровне 39,17 м – размером 1,43 × 0,82 м и площадью 1,2 кв. м. Располагалась она в западном углу сооружения параллельно его северо-западной стенке. В профиле дно ямы округлое, северо-западная стенка – почти вертикальная, юго-восточная и юго-западная – крутые, северо-восточная – пологая (рис. 15, 17, 19). Глубина ямы составляет не менее 0,7 м. В нижней части заполнения – светлый серо-желтый песок, над ним – светло-серый неоднородный песок с коричневыми пятнами. Выше – светло-коричневый песок с серо-белыми пятнами. На фоне последних двух слоев отмечены пятнышки темно-серого углистого песка. Верхнюю часть заполнения ямы сформировали два горизонта: слой, стекавший в нее в результате разрушения постройки (серо-бурый с включениями угольков песок) и современный элювий. Нижнюю и верхнюю части заполнения ямы разделяет прослойка погребенного элювиального горизонта. Мощность прослойки – около 0,2 м. Она хорошо заметна в поперечном разрезе ямы (рис. 15) и в плане на уровне 39,57 м (рис. 14).

Яма № 4. Яма 4 в уч. Ж-З/9-10 имела форму овала, ориентированного с северо-запада на юго-восток, на уровне 39,17 м размер ее составил 1,03 × 0,73 м, площадь – 0,7 кв. м. Располагалась она в северном углу сооружения параллельно его северо-восточной стенке. Южная стенка крутая, остальные – наклонные. Дно округлой формы. Глубина ямы составляет не менее 0,61 м (рис. 8 – *б*; 17). Заполнение нижней части ямы – светлый серо-желтый песок, над ним – светло-серый неоднородный песок с коричневыми пятнами. В составе последнего отмечены линзы темно-серого углистого песка. В верхней части заполнения присутствует линза светло-коричневого песка с серо-белыми пятнами. Необходимо отметить, что ямы 3 и 4 от уровня 39,37 м до уровня 39,17 м были объединены и читались на фоне материкового песка в виде единого канавообразного углубления, ориентированного по оси «северо-восток – юго-запад» длиной 3,06 м. В разрезе, заложенном по длинной оси ямы 3 и перпендикулярно длинной оси ямы 4, хорошо заметно, что северо-восточная стенка ямы 3 пологая и соединяется с юго-западной стенкой ямы 4 (рис. 17). Таким образом, в уч. Е-З/9-11 существовало канавообразное углубление с ямами на концах.

На удалении менее 0,5 м от сооружения были выявлены три небольшие ямы с заполнением, представленным слоем бело-серого песка (погребенного подзола).

Яма № 5. Яма 5 в уч. Е-Ж/7-8 размером 0,96 × 0,60 м на уровне 39,67 м имела форму овала, ориентированного по оси «север – северо-восток / юг – юго-запад». Глубина ямы от уровня окружающей ее погребенной поверхности – до 0,28 м. Неровное дно имеет округлую форму с наклонными стенками. Расстояние до края площадки сооружения – 0,44 м. В центральной части пятна фиксировалась линза серо-бурого песка с включениями мелких угольков (рис. 15).

Яма № 6. Яма 6 в уч. К-Л/11-12 размером 0,78 × 0,52 м на уровне 39,57 м имела овальную форму, была ориентирована по оси «запад-восток» (рис. 19). Глубина ямы от уровня окружающей ее погребенной поверхности – до 0,32 м. Дно ровное, почти горизонтальное, переход к крутым стенкам закругленный (рис. 8 – а; 9). Расстояние до края площадки сооружения – 0,49 м.

Яма № 7. Яма 7 в уч. И/12 размером 0,63 × 0,43 м на уровне 39,57 м имеет овальную форму и ориентирована по оси «северо-запад – юго-восток». Яма располагалась на краю площадки сооружения перпендикулярно по отношению к его стенке. Дно округлое, стенки крутые. Глубина ямы – до 0,12 м (рис. 12, 19).

Анализ и интерпретация материалов. По имеющимся описаниям можно предположить, что ямы 5, 6 и 7 образовались на месте неглубоко вкопанных столбов, являвшихся частью наземной конструкции сооружения. Культурный слой в виде выкида грунта из углубленной части сооружения перекрывал древнюю дневную поверхность и распространялся на расстояние до 5,2 м от объекта. Исследования показали, что границы выкида залегали на расстоянии до 7,0 м от впадины, фиксировавшейся в современном рельефе поверхности (рис. 11, 18, 19).

Анализ планиграфии и стратиграфии сооружения показал, что заполнение его неоднородно: слои образовались не одновременно, о чем свидетельствует то, что одни слои прорезают другие и в составе заполнения имеются две оподзоленные прослойки (рис. 8, 9, 10, 13).

Необходимо отметить, что выбранная при проведении раскопок методика фиксации по горизонтам, т. е. способом зачистки горизонтальной площади на определенном высотном уровне с шагом фиксации в 0,05–0,10 м и с фиксацией стратиграфии по стенкам раскопа и дополнительным стратиграфическим разрезам позволила выявить все слои и прослойки, составляющие заполнение сооружения. Учитывая слабую окрашенность слоя и схожесть окраски различных слоев, а также то, что некоторые прослойки фиксировались прерывисто, не по всей площади сооружения (в первую очередь, речь идет о тонких прослойках погребенного подзола и прослойках грунта с включениями мелких угольков), данная методика позволила собрать максимально полную и объективную информацию о составе заполнения сооружения.

Нижняя (и самая ранняя) часть заполнения представлена слоями светлого серо-желтого песка и светло-серого неоднородного песка с коричневыми пятнами. Последний слой оподзолен. Им представлен и культурный слой вокруг сооружения (слой выкида грунта из углубленной части сооружения, перемешанный и втоптанный в погребенную под ним древнюю дневную поверхность). Следующая по времени образования часть заполнения представлена слоем светло-коричневого песка с серо-белыми пятнами. Верхняя часть заполнения сооружения прорезает нижние слои заполнения ям 1–4. В заполнении ямы 4 линза данного слоя прорезает нижележащие слои насквозь, фиксируется на фоне материкового слоя ниже дна самой ямы 4. Данный факт может свидетельствовать о перестройке сооружения: возможно, после какого-то времени эксплуатации

[1] Здесь и далее уровень фиксации измеряется по Балтийской системе высот. Балтийская система высот (БСВ) – система абсолютных высот, отсчет которых ведется от нуля Кронштадтского футштока.

требовалось углубить осыпавшиеся и затянувшиеся грунтом ямы.

Последний этап образования заполнения сооружения фиксируется по слоям коричневого песка с серобелыми пятнами и серо-бурого песка с включениями мелких угольков (этого же слоя, видоизмененного под действием пирогенных процессов). Перечисленные слои образуют канавообразное углубление, имеющее в плане форму, сходную с буквой Y, соединяющее ямы 2, 3 и 4 (рис. 11). По нижней границе слоев выделяется прослойка погребенного подзола. В центре канавообразного углубления, выше слоев его заполнения, выделяются современные почвенные горизонты (элювий и напочвенный слой). Описанное канавообразное углубление было хорошо заметно на верхних уровнях фиксации. Эта часть заполнения образовалась в результате обрушения наземной части сооружения (стен и перекрытия), после чего самой глубокой частью образовавшейся поверхности стало углубление, соединяющее центры ям 2, 3 и 4. Слои, образовавшиеся в данном углублении, – результат оползания грунта и процесса современного почвообразования. В итоге на момент обнаружения памятника на поверхности выделялось относительно небольшое углубление над центром ямы 2. Остальная углубленная часть сооружения № 4 была затянута грунтом и снивелирована с окружающей поверхностью.

Отдельно стоит упомянуть о наличии в заполнении сооружения тонких прослоек грунта с включениями очень мелких угольков (рис. 19). Большая их часть была отмечена в составе слоев второго этапа образования заполнения сооружения и, по нашему мнению, является остатками рухнувшей деревянной части наземной конструкции. Прослойки тонкие, длинные, взаимно пересекающиеся, отмечены в северо-западной части сооружения (над ямами 3 и 4) и в северо-восточной (над ямами 4 и 1), а также в юго-западной – над ямой 2. Вероятно, являются остатками жердей. Кроме того, небольшие линзы углистого слоя были встречены в заполнении ямы 2 между первыми двумя частями ее заполнения. Предположительно, данные углистые включения образовались на месте деревянной крепи, укреплявшей стенки ямы.

Таким образом, выяснилось, что сооружение № 4 вероятнее всего являлось небольшой наземной постройкой прямоугольной, почти квадратной формы, площадью 14,2 кв. м. Внутри постройки в ее углах располагались четыре крупные ямы, две из которых были соединены между собой канавообразным углублением. Предположительно, наземная часть была достаточно легкой, состояла из стен и перекрытия, составленных из жердей и, скорее всего, присыпанных сверху грунтом. Наземная часть конструкции могла опираться на небольшие (судя по размерам оставшихся на их месте ям) столбы, расположенные по контуру сооружения. Можно предположить наличие двускатной крыши, доходившей до земли и опиравшейся на П-образную раму, опорные столбы которой располагались в ямах 5 и 6 или 5 и 7 (возможно, при перестройке сооружения один из столбов в юго-восточной части конструкции был заменен на другой). Конструкции выхода из сооружения в виде выступа или ниши не зафиксировано. Скорее всего, он представлял собой проем в стене, закрываемый заслоном, и располагался в северо-восточной стене: эта часть сооружения обращена к склону гряды, в этом месте нет ям в полу и стенка постройки имеет наименьший угол наклона, плавно соединяясь с окружающей древней поверхностью. Сооружение не отапливалось – остатков очага ни в пределах самого сооружения, ни возле него не сохранилось.

В ходе раскопок 2017 г. не найдено археологических предметов, остеологического материала, позволивших бы точно определить время функционирования постройки. К сожалению, из заполнения сооружения № 4 не были взяты пробы грунта для установления возраста сооружения абсолютными методами датирования. Предпринята попытка приблизительно определить возраст сооружения на основании косвенных признаков: возраста деревьев на поверхности, а также характеристик строения почвенного профиля. На обваловке сооружения № 4 произрастало несколько крупных сосен. В ходе подготовительных работ они были спилены. Самая крупная из сосен в уч. И/10-11 имела в диаметре 45 см, возраст ее, определенный по годичным кольцам, составлял 202 года. Исходя из этого, мы считаем, что это дерево появилось здесь в начале XIX в.

В границах раскопа 2017 г. почвенный профиль фиксировался по стенкам раскопа, а также по дополнительным стратиграфическим разрезам. Над сооружением № 4 мощность современного напочвенного покрова, а также темно-серого гумусированного слоя (почвенные горизонты A0 и A1) составляла 7,5–15 см. Мощность современного восстановившегося подзола – 12–17 см. На периферийных участках раскопа без признаков культурного слоя мощность напочвенного покрова и темно-серого гумусированного песка такая же, а средняя мощность подзола больше в 1,5–2 раза – 17–35 см, что объясняется более низким положением в рельефе данных участков.

Благодаря исследованиям в области почвоведения известно, что «характерное время саморазвития почв …составляет 1500 лет для подзолов» [*Геннадиев, Пацукевич, Герасимова,* 1987]. Также установлено, что «…по результатам проведенных исследований в условиях 50-летнего техногенеза центральной части Западной Сибири формирование слаборазвитых почв … происходит медленно, по модели 1 см за 50 лет» [*Коркина,* 2015]. На основании этих данных можно высказать предположение, что возраст современного почвенного профиля, восстановившегося над сооружением № 4, составляет около 600–850 лет.

Это предположение относительно скорости образования почвы и, в частности, подзола возможно проверить на основании имеющихся археологических

источников. Скорость образования почвы зависит от нескольких факторов: ландшафтно-топографических и климатических условий, растительного покрова, гранулометрического состава материнской породы. Если все перечисленные факторы одинаковы, то и скорость образования почвы будет одной и той же. На территории урочища Городской остров известны археологические памятники, на которых все перечисленные факторы сходны с таковыми на территории группы впадин Кривая 3. Так, на территории ближайшего археологического памятника – поселения Городской остров 1, расположенного в 2 км к западу-северо-западу от территории объекта археологического наследия «Группа впадин Кривая 3», в сходных условиях раскопами 2003–2006 гг. под руководством С. Ю. Пархимовича изучено семь археологических сооружений, датированных эпохой позднего Средневековья (конец XV – начало XVI в. н. э.) [*Пархимович,* 2006б]. Мощность современного подзола над сооружениями эпохи Средневековья составляла до 10 см, в периферийной части раскопов – 3–39 см [*Пархимович,* 2006а]. Эти данные согласуются с выводами почвоведов о скорости почвообразования в данном регионе и подтверждают наши предположения о том, что возраст сооружения № 4 составляет около 600–850 лет.

Отсутствие очага и археологических предметов исключает возможность использования данного сооружения в качестве жилища. Однако и грунтовым промысловым сооружением (ямой-ловушкой), как предполагалось перед началом раскопок, оно не являлось. Остается допустить, что сооружение № 4 выполняло функцию временной легкой постройки для обслуживания ям-ловушек, расположенных южнее цепочкой вдоль края гряды.

Очевидно, что промысловые сооружения должны быть расположены не слишком далеко от существовавших одновременно с ними поселенческих комплексов. В связи с этим наличие средневекового поселения на удалении 2 км от исследуемого объекта позволяет предположить, что обитатели поселения Городской остров 1 могли заниматься промыслом в районе группы впадин Кривая 3.

Еще более сложной задачей, которую надо решать для объектов такого типа, становится датирование. Возможно приблизительно установить возраст археологического сооружения, приняв во внимание возраст деревьев, выросших непосредственно над ним, а также мощность слоев восстановившейся почвенной колонки, зная скорость почвообразования в данном регионе. Такое приблизительное определение возраста ни в коем случае не может сравниться с точными методами датирования на основании естественно-научных анализов почвы или угля, или даже с относительным датированием по сопровождающему инвентарю. Однако в условиях отсутствия археологических предметов и данных для датирования абсолютными методами такое определение возраста позволяет существенно сократить тот временной интервал, к которому мы можем отнести изученное сооружение.

Таким образом, изученное сооружение № 4 на объекте археологического наследия «Группа впадин Кривая 3» можно предположительно датировать эпохой Средневековья и определить как промыслово-хозяйственный объект, предназначенный для обслуживания близлежащих ям-ловушек.

Подтвердить или опровергнуть эти предположения представляется возможным только после комплексного исследования всего объекта культурного наследия «Группа впадин Кривая 3» и расположенных на его территории сооружений № 1–3.

Заключение. Практической ценностью проведенной работы стало введение в научный оборот информации об исследовании сложно идентифицируемого археологического сооружения со слабо выраженными характеристиками, не позволяющими сделать однозначные выводы о его антропогенном происхождении. В описанном случае на объекте археологического наследия «Группа впадин Кривая 3» доказательством антропогенного происхождения стал слой выкида из сооружения поверх погребенного почвенного профиля, зафиксированный в заложенном рядом с впадиной стратиграфическом разрезе. На основании ряда признаков можно считать, что сооружение № 4, исследованное на объекте археологического наследия «Группа впадин Кривая 3», является рукотворным. Наличие слоя выкида грунта из ям по всему периметру указывает на то, что они выкопаны человеком: на месте вывороченного с корнем дерева образуется яма и навал грунта, расположенный только с одной стороны от ямы. Когда животные роют берлоги и норы, грунт выбрасывается ими тоже только в одну сторону. Слой выкида вокруг сооружения № 4 зафиксирован со всех сторон. Четыре крупные ямы приблизительно одного размера и формы, расположенные рядом друг с другом, вокруг которых фиксируется пятно слоя прямоугольной формы, и несколько ям меньшего размера указывают на их антропогенное происхождение. В данном случае оно датируется уже не в широких рамках от эпохи неолита до эпохи Нового времени, а отнесено к эпохе Средневековья.

Благодаря проведенному исследованию мы получили информацию о еще одном типе промыслово-хозяйственного археологического сооружения, встречающемся на водораздельных поверхностях. Нежилая наземная постройка зафиксирована не в составе поселенческого комплекса, а в удалении, возможно – рядом с ямами-ловушками.

Еще одним важным выводом стал факт фиксации культурного слоя на значительном расстоянии от остатков археологического сооружения: на объекте «Группа впадин Кривая 3» он был обнаружен на расстоянии до 7,0 м от границ читавшейся в современном рельефе впадины. Данный факт следует учитывать при установлении границ объектов культурного наследия и проектировании границ раскопов.

В перспективе комплексное исследование оставшихся трех сооружений объекта культурного наследия «Группа впадин Кривая 3» в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры позволит проверить и уточнить полученную предварительную информацию и поможет разработать четкую методику для исследования археологических сооружений, которые сложно поддаются идентификации.

Литература и источники

1. ***Геннадиев А. М., Пацукевич З. В, Герасимова М. И.*** Скорость почвообразования и допустимые нормы эрозии почв // Вестник Московского университета. Серия 5: География. М., 1987. С. 31–37.

2. ***Коркина Е. А.*** Самовосстановление нарушенных техногенезом почв среднего Приобья : монография / отв. ред. Г. Н. Гребенюк. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2015, 158 с.

3. ***Шорин А. Ф., Баранов М. Ю.*** Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган близ г. Сургута) // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. Вып. 1. С. 70–81.

Источники

4. ***Арефьев В. А.*** Отчет о НИР : Исследование поселения Сырой Аган 5 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО в 2000 г. Нефтеюганск, 2000. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 46.

5. ***Арефьев В. А.*** Отчет о НИР : Исследование поселения Сырой Аган 6 в Нефтеюганском районе ХМАО в 2000 г. Нефтеюганск, 2001. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 56; 57.

6. ***Арефьев В. А.*** Отчет о НИР : Исследование городища Сырой Аган 1 в Нефтеюганском районе ХМАО в 2001 г. Нефтеюганск, 2002. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 2. Д. 72.

7. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР : Исследование поселения Сырой Аган 12 в Нефтеюганском районе ХМАО 2001 г. Екатеринбург, 2002. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 62.

8. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР по раскопкам памятников археологии Сырой Аган 11 в Нефтеюганском районе ХМАО Тюменской области в 2003 г. Екатеринбург, 2004. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 100/2.

9. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР по раскопкам восточной части памятника археологии Сырой Аган 13 в Нефтеюганском районе ХМАО Тюменской области в 2004 году. Нефтеюганск, 2005(а). Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 117.

10. ***Баранов М. Ю.*** Отчет о НИР : Археологические раскопки памятника археологии Сырой Аган 11, объект 2, в Нефтеюганском районе ХМАО Тюменской области в 2004 г. Нефтеюганск, 2005(б). Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 137.

11. ***Гнатив В. О.*** Отчет о НИР : Археологические полевые работы (разведки), проведенные в зоне обустройства месторождений ООО «РН-Юганскнефтегаз» на территории Ханты-Мансийского, Нефтеюганского, Сургутского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 году. Екатеринбург, 2017. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 528.

12. ***Гнатив В. О.*** Отчет о НИР : Проведение археологических работ по сохранению выявленного объекта культурного наследия «поселение Городской остров 1» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 г. Екатеринбург, 2020. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 528.

13. ***Ивасько Л. В.*** Отчет об археологической разведке в Нефтеюганском районе Тюменской области в бассейне реки Юганская Обь летом 1993 года. Екатеринбург, 1994. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 22.

14. ***Карачаров К. Г.*** Отчет о НИР : Исследование поселения Сырой Аган 6 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1999 г. Нефтеюганск, 1999. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 33.

15. ***Кардаш О. В.*** Отчет о НИР : Аварийно-археологические раскопки, обнаруженные в проектируемых коридорах коммуникаций объектов культурного наследия: поселение Сырой Аган 4, поселение Сырой Аган 14 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2015 году. 4 книги. Кн. 1. Поселение Сырой Аган 14. Текст, текстовые приложения. Нефтеюганск, 2016. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 465/1-4.

16. ***Круземент С. А.*** Отчет о НИР : Проведение археологических полевых работ (раскопок) на выявленном объекте культурного наследия «группа впадин Кривая 3» в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры в 2017 г. Екатеринбург, 2018. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 573.

17. ***Круземент С. А.*** Отчет о НИР : Проведение археологических полевых работ (раскопок) на выявленном объекте культурного наследия «поселение Сырой Аган 23» в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры в 2021 г. Екатеринбург, 2022 г. (Отчет находится в стадии подготовки).

18. ***Кузьмина А. С.*** Отчет о НИР по раскопкам памятника археологии Сырой Аган 10 в Нефтеюганском районе ХМАО в 2003 году. Екатеринбург, 2004. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 100/1.

19. ***Кузьмина А. С.*** Отчет о НИР по раскопкам западной части памятника археологии Сырой Аган 13 в Нефтеюганском районе ХМАО Тюменской области в 2004 году. Нефтеюганск, 2005. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 116.

20. ***Мызников С. А.*** Отчет о НИР : Археологические полевые работы на территории объекта культурного наследия федерального значения «Поселение Сырой Аган 3» в зоне строительства высоконапорного водовода КНС-3-К.29-Т.227-К.39А, ВЛ-6КВ на УЗ.№ 7,8 Южно-Сургутского месторождения нефти и газа ООО «РН-Юганскнефтегаз» в в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2015 году. 2 книги. Кн. 1. Нефтеюганск, 2016. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 545/1-2.

21. ***Пархимович С. Ю.*** Отчет о НИР : Раскопки поселения Городской остров 1 в 2003 г. Нефтеюганск, 2003. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 97.

22. ***Пархимович С. Ю.*** Отчет о НИР : Раскопки поселения Городской остров 1 в 2004 г. Нефтеюганск, 2005. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 128.

23. ***Пархимович С. Ю.*** Отчет о НИР : Аварийные раскопки поселения «Городской остров 1» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 2005 года. Нефтеюганск, 2006а. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 160.

24. ***Пархимович С. Ю.*** Отчет о НИР : Аварийно-спасательные раскопки поселения «Городской остров 1» в 2006 году. Нефтеюганск, 2006б. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 184.

25. ***Пархимович С. Ю.*** Отчет о НИР : Аварийные археологические раскопки поселения Сырой Аган 5 в Нефтеюганском районе ХМАО в 2008 г. Нефтеюганск, 2009. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 261.

26. ***Постнов А. В.*** Отчет об археологических раскопках памятника «Поселение Сырой Аган 1» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2015 году (по открытому листу № 1433 от 02.09.2015 г.). В 5 томах. Том 1. Текст. Новосибирск, 2016. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 493/1-5.

27. ***Трунова Н. Е.*** Отчет о НИР : Проведение археологических полевых работ (раскопок) на выявленных объектах культурного наследия группе впадин Кривая 1 и группе впадин Кривая 2 в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры в 2017 г. Екатеринбург, 2018. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. I. Д. 574/1-2.

28. ***Шорин А. Ф.*** Отчет о НИР по раскопкам памятника археологии Сырой Аган 16 в Нефтеюганском районе ХМАО Тюменской области в 2004 г. Нефтеюганск, 2005. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 118.

29. ***Шульга П. С.*** Экспресс-заключение № 14–15 по результатам работ по сохранению объектов археологического наследия – поселение Сырой Аган 2, 3 в границах участков, испрашиваемых под проект: «Высоконапорный водовод КНС-3-К.29-Т.227-К.39А Южно-Сургутское месторождение» и «ВЛ-6КВ НА УЗ. №7, 8» ООО «РН-Юганскнефтегаз» (ХМАО-Югра, Нефтеюганский район). Нефтеюганск, 2014.

Информация об авторах

Трунова Наталья Евгеньевна – археолог, ООО НЦ «Топос», г. Екатеринбург.
E-mail: trunovane@mail.ru

Круземент Сергей Алексеевич – археолог, директор ООО НЦ «Топос», г. Екатеринбург.
E-mail: kruzement82@gmail.com

Гнатив Владимир Олегович – археолог, ООО НЦ «Топос», г. Екатеринбург.
E-mail: gnativ1985@mail.ru

N. E. Trunova[1], S. A. Kruzement[1], V. O. Gnativ[1]

[1] Research Centre "Topos", LLC, Yekaterinburg, Russia

THE GROUP OF DEPRESSIONS KRIVAYA 3. THE EXCAVATION RESULTS OF AN ABOVE-GROUND NON-RESIDENTIAL CONSTRUCTION ON THE LEFT BANK OF THE OB RIVER 2017

Summary

The group of depressions Krivaya 3 was investigated by Kruzement S. A. through excavations in 2017. The archaeological site is situated in Nefteyugansky district of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, in the lowlands of the Middle Ob river, in the northern part of the Western Siberia. The research goal was to investigate a part of territory of the object of archaeological heritage, which was under the threat of destruction because of planned economic activity. The square of

excavations was 300 square meters. During the excavation the north part of the territory of the object of archaeological heritage was studied. The structure № 4 and the surrounding area was investigated. The structure № 4 turned out to be presumably a small above-ground rectangular construction. Inside the construction there were 4 large pits. Two of them were connected with the canal-shaped deepening. Around the construction three pits (allegedly the places of poles) were discovered. Despite the fact that no archaeological items were found during the excavation, the archaeological origin of the structure was identified. There is a problem of identification of archaeological objects without archaeological findings. The origin of the structure should be specified: is it natural or artificial. The results of excavation of the group of depressions Krivaya 3 have not been published previously and it is introduced into scientific discussion for the first time. The structure is dated back to the Middle Ages. Probably the structure № 4 had a function of temporary lightweight construction, made to service the chain of pitfalls, situated southward along the edge of the ridge.

Information about the authors

Trunova Natalie E. – archaeologist, Research Centre "Topos", LLC, Yekaterinburg.
E-mail: trunovane@mail.ru

Kruzement Sergei A. – archaeologist, director, Research Centre "Topos", LLC, Yekaterinburg.
E-mail: kruzement82@gmail.com

Gnativ Vladimir O. – archaeologist, Research Centre "Topos", LLC, Yekaterinburg.
E-mail: gnativ1985@mail.ru

Referenses

Literatura

1. ***Gennadiev A. M., Patsukevich Z. V, Gerasimova M. I.*** Skorost' pochvoobrazovaniia i dopustimye normy erozii pochv // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 5: Geografiia. M., 1987. S. 31–37.

2. ***Korkina E. A.*** Samovosstanovlenie narushennih tehnogenezom pochv Srednego Priobja : monografia. Nizhnevartovsk, 2015. 158 s.

3. ***Shorin A. F., Baranov M. Iu.*** Vozmozhnosti arkheologii v rekonstruktsii zhilishcha kak oblasti realizatsii mifologicheskikh predstavlenii (po materialam raskopok khantyiskikh zhilishch nachala XIX v. na poselenii Syroi Agan bliz g. Surguta) // Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri. Ekaterinburg, 2002. Vyp. 1. S. 70–81.

Arkhivnye istochniki

4. ***Aref'ev V. A.*** Otchet o NIR : Issledovanie poseleniia Syroi Agan 5 v Nefteiuganskom raione Khanty-Mansiiskogo AO v 2000 g. Nefteiugansk, 2000. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 46.

5. ***Aref'ev V. A.*** Otchet o NIR : Issledovanie poseleniia Syroi Agan 6 v Nefteiuganskom raione KhMAO v 2000 g. Nefteiugansk, 2001. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 56; 57.

6. ***Aref'ev V. A.*** Otchet o NIR : Issledovanie gorodishcha Syroi Agan 1 v Nefteiuganskom raione KhMAO v 2001 g. Nefteiugansk, 2002. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 2. D. 72.

7. ***Baranov M. Iu.*** Otchet o NIR : Issledovanie poseleniia Syroi Agan 12 v Nefteiuganskom raione KhMAO 2001 g. Ekaterinburg, 2002. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 62.

8. ***Baranov M. Iu.*** Otchet o NIR po raskopkam pamiatnikov arkheologii Syroi Agan 11 v Nefteiuganskom raione KhMAO Tiumenskoi oblasti v 2003 g. Ekaterinburg, 2004. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 100/2.

9. ***Baranov M. Iu.*** Otchet o NIR po raskopkam Vostochnoi chasti pamiatnika arkheologii Syroi Agan 13 v Nefteiuganskom raione KhMAO Tiumenskoi oblasti v 2004 godu. Nefteiugansk, 2005(a). Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 117.

10. ***Baranov M. Iu.*** Otchet o NIR : Arkheologicheskie raskopki pamiatnika arkheologii Syroi Agan 11, ob'ekt 2 v Nefteiuganskom raione KhMAO Tiumenskoi oblasti v 2004 g. Nefteiugansk, 2005(b). Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F.1. D. 137.

11. ***Gnativ V. O.*** Otchet o NIR : Arkheologicheskie polevye raboty (razvedki), provedennye v zone obustroistva mestorozhdenii OOO "RN-Iuganskneftegaz" na territorii Khanty-Mansiiskogo, Nefteiuganskogo, Surgutskogo raionov Khanty-Mansiiskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry v 2016 godu." Ekaterinburg, 2017. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. I. D. 528.

12. ***Gnativ V. O.*** Otchet o NIR : Provedenie arkheologicheskikh rabot po sokhraneniiu vyiavlennogo ob'ekta kul'turnogo naslediia poselenie Gorodskoi ostrov 1 v Nefteiuganskom raione Khanty-Mansiiskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry v 2016 g. Ekaterinburg, 2020. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. I. D. 528.

13. ***Ivas'ko L. V.*** Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Nefteiuganskom raione Tiumenskoi oblasti v basseine reki Iuganskaia Ob' letom 1993 goda. Ekaterinburg, 1994. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. I. D. 22.

14. ***Karacharov K. G.*** Otchet o NIR : Issledovanie poseleniia Syroi Agan 6 v Nefteiuganskom raione Khanty-Mansiiskogo Avtonomnogo Okruga v 1999 g. Nefteiugansk, 1999. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 33.

15. ***Kardash O. V.*** Otchet o NIR : Avariino-arkheologicheskie raskopki obnaruzhennye v proektiruemykh koridorakh kommunikatsii ob'ektov kul'turnogo naslediia: poselenie Syroi Agan 4, poselenie Syroi Agan 14 v Nefteiuganskom raione Khanty-Mansiiskogo Avtonomnogo Okruga – Iugry v 2015 godu. 4 knigi. Kn. 1. Poselenie Syroi Agan 14. Tekst, tekstovye prilozheniia. Nefteiugansk, 2016. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. I. D. 465/1-4.

16. ***Kruzement S. A.*** Otchet o NIR : Provedenie arkheologicheskikh polevykh rabot (raskopok) na vyiavlennom ob'ekte kul'turnogo naslediia "gruppa vpadin Krivaia 3" v Nefteiuganskom raione KhMAO-Yugry v 2017 g. Ekaterinburg, 2018. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. I. D. 573

17. ***Kruzement S. A.*** Otchet o NIR: Provedenie arkheologicheskikh polevykh rabot (raskopok) na vyiavlennom ob'ekte kul'turnogo naslediia "poselenie Syroi Agan 23" v Nefteiuganskom raione KhMAO – Yugry v 2021 g. Ekaterinburg, 2022 g. (Otchet nakhoditsia v stadii podgotovki).

18. ***Kuz'mina A. S.*** Otchet o NIR po raskopkam pamiatnika arkheologii Syroi Agan 10 v Nefteiuganskom raione KhMAO v 2003 godu. Ekaterinburg, 2004. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 100/1.

19. ***Kuz'mina A. S.*** Otchet o NIR po raskopkam zapadnoi chasti pamiatnika arkheologii Syroi Agan 13 v Nefteiuganskom raione KhMAO Tiumenskoi oblasti v 2004 godu. Nefteiugansk, 2005. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 116.

20. ***Myznikov S. A.*** Otchet o NIR : Arkheologicheskie polevye raboty na territorii ob'ekta kul'turnogo naslediia federal'nogo znacheniia "Poselenie Syroi Agan 3" v zone stroitel'stva vysokonapornogo vodovoda KNS-3-K.29-T.227-K.39A, VL-6KV na UZ.№7,8 Iuzhno-Surgutskogo mestorozhdeniia nefti i gaza OOO "RN-Iuganskneftegaz" v Nefteiuganskom raione Khanty-Mansiiskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry v 2015 godu." 2 knigi. Kn. 1. Nefteiugansk, 2016. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. I. D. 545/1-2

21. ***Parkhimovich S. Iu.*** Otchet o NIR : Raskopki poseleniia Gorodskoi ostrov 1 v 2003 g. Nefteiugansk, 2003. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 97.

22. ***Parkhimovich S. Iu.*** Otchet o NIR : Raskopki poseleniia Gorodskoi ostrov 1 v 2004 g. Nefteiugansk, 2005. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 128.

23. ***Parkhimovich S. Iu.*** Otchet o NIR : Avariinye raskopki poseleniia "Gorodskoi ostrov 1" v Nefteiuganskom raione Khanty-Mansiiskogo Avtonomnogo Okruga letom 2005 goda. Nefteiugansk, 2006a. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 160.

24. ***Parkhimovich S. Iu.*** Otchet o NIR : Avariino-spasatel'nye raskopki poseleniia "Gorodskoi ostrov 1" v 2006 godu. Nefteiugansk, 2006b. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 184.

25. ***Parkhimovich S. Iu.*** Otchet o NIR : Avariinye arkheologicheskie raskopki poseleniia Syroi Agan 5 v Nefteiuganskom raione KhMAO v 2008 g. Nefteiugansk, 2009. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 261.

26. ***Postnov A. V.*** Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh pamiatnika "Poselenie Syroi Agan 1" v Nefteiuganskom raione Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Iugry v 2015 godu (po otkrytomu listu № 1433 ot 02.09.2015 g.). V 5 tomakh. Tom 1. Tekst. Novosibirsk, 2016. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. I. D. 493/1-5.

27. ***Trunova N. E.*** Otchet o NIR : Provedenie arkheologicheskikh polevykh rabot (raskopok) na vyiavlennykh ob'ektakh kul'turnogo naslediia gruppe vpadin Krivaia 1 i gruppe vpadin Krivaia 2 v Nefteiuganskom raione KhMAO- Yugry v 2017 g. Ekaterinburg, 2018. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. I. D. 574/1-2.

28. ***Shorin A. F.*** Otchet o NIR po raskopkam pamiatnika arkheologii Syroi Agan 16 v Nefteiuganskom raione KhMAO Tiumenskoi oblasti v 2004 g. Nefteiugansk, 2005. Arkhiv OOO "NPO Severnaia arkheologiia – 1". F. 1. D. 118.

29. ***Shul'ga P. S.*** Ekspress-zakliuchenie № 14-15 po rezul'tatam rabot po sokhraneniiu ob'ektov arkheologicheskogo naslediia – poselenie Syroi Agan 2,3 v granitsakh uchastkov, isprashivaemykh pod proekt: "Vysokonapornyi vodovod KNS-3-K.29-T.227-K.39A Iuzhno-Surgutskoe mestorozhdenie" i "VL-6KV NA UZ. №7, 8" OOO "RN-Iuganskneftegaz" (KhMAO-Yugra, Nefteiuganskii raion). Nefteiugansk, 2014.

Рис. 1. ХМАО-Югра. Обзорная схема расположения объекта археологического наследия группа впадин Кривая 3
Fig. 1. KhMAO-Yugra. The overview schema of the object of archaeological heritage the group of depressions Krivaya 3 location

Экспликация:

1. городище Сырой Аган 8;
2. городище Сырой Аган 9;
3. поселение Сырой Аган 16;
4. поселение Сырой Аган 17;
5. поселение (могильник) Сырой Аган 13;
6. поселение Сырой Аган 10;
7. поселение Сырой Аган 11;
8. поселение Сырой Аган 18;
9. поселение Сырой Аган 12;
10. поселение Сырой Аган 15;
11. поселение Сырой Аган 14;
12. поселение Сырой Аган 1;
13. поселение Сырой Аган 2;
14. поселение Сырой Аган 3;
15. поселение Сырой Аган 4;
16. поселение Сырой Аган 5;
17. поселение Сырой Аган 6;
18. поселение Сырой Аган 7;
19. поселение Городской Остров 1;
20. поселение Городской Остров 2;
21. группа впадин Кривая 1;
22. группа впадин Кривая 2;
23. группа впадин Кривая 3;
24. гродище Сухой Аган 1;
25. поселение Сырой Аган 23;
26. поселение Сырой Аган 19;
27. поселение Сырой Аган 20;
28. поселение Городской Остров 3;
29. поселение Сырой Аган 21;
30. поселение Сырой Аган 22;
31. поселение Сухой Аган 2;
32. поселение Сырой Аган 27;
33. поселение Сырой Аган 28;
34. поселение Сырой Аган 25;
35. поселение Сырой Аган 26;
36. поселение Сырой Аган 24

Рис. 2. Карта-схема расположения объектов археологического наследия на территории урочища Городской остров в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры
Fig. 2. The map of location the objects of archaeological heritage in the territory of natural landmark Gorodskoy ostrov, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra

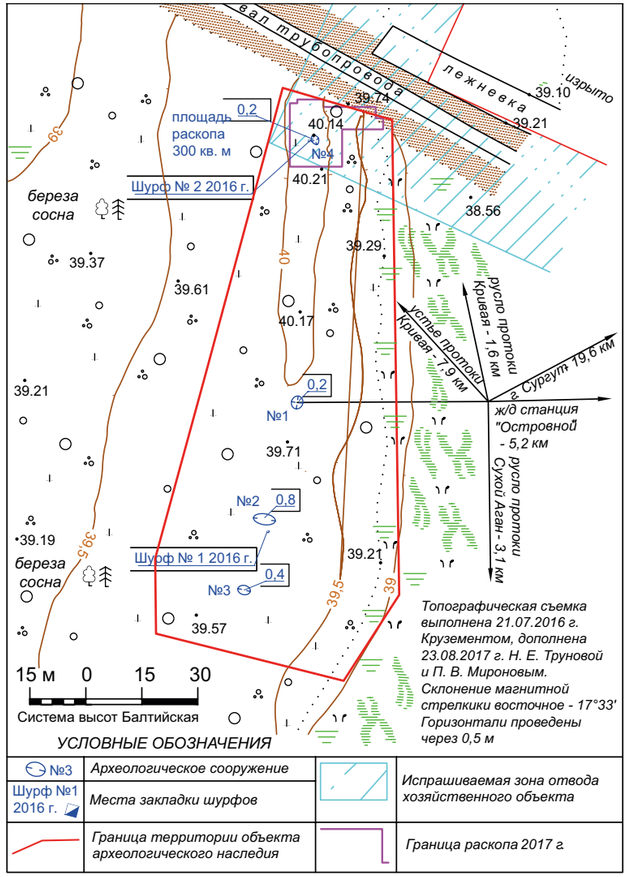


Рис. 3. Топографический план объекта археологического наследия «Группа впадин Кривая 3»
Fig. 3. The topographical map of the object of archaeological heritage "The group of depressions Krivaya 3"

Рис. 4. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Общий вид северной части территории объекта археологического наследия «Группа впадин Кривая 3» до начала работ. Вид с юга
Fig. 4. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk district. The general view of the northern part of the territory of the object of archaeological heritage "The group of depressions Krivaya 3" before the work begins. The view from the south

Рис. 5. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Общий вид северной части территории объекта археологического наследия «Группа впадин Кривая 3» после очистки площади раскопа от леса. Вид с северо-востока
Fig. 5. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk district. The general view of the northern part of the territory of the object of archaeological heritage "The group of depressions Krivaya 3" when trees were cleared off the territory of excavation. The view from the north-east

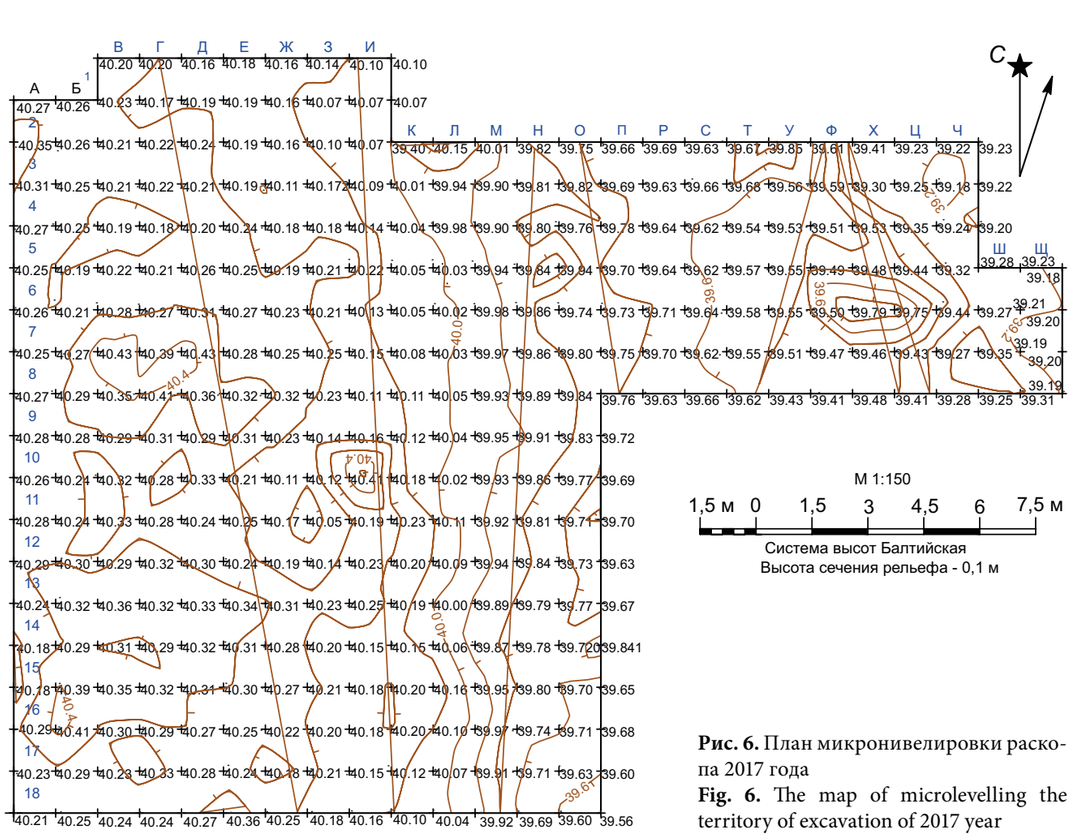


Рис. 6. План микронивелировки раскопа 2017 года
Fig. 6. The map of microlevelling the territory of excavation of 2017 year

Рис. 7. ХМАО-Югра. Нефтеюганский район. Общий вид раскопа после очистки от леса и напочвенного покрова. Рейка установлена во впадине сооружения № 4. Вид с запада
Fig. 7. KhMAO-Yugra. Nefteyugansk district. The general view of the territory of excavation when trees and ground vegetation were cleared off the territory of excavation. The levelling rod was placed in the depression of structure № 4. The view from the west

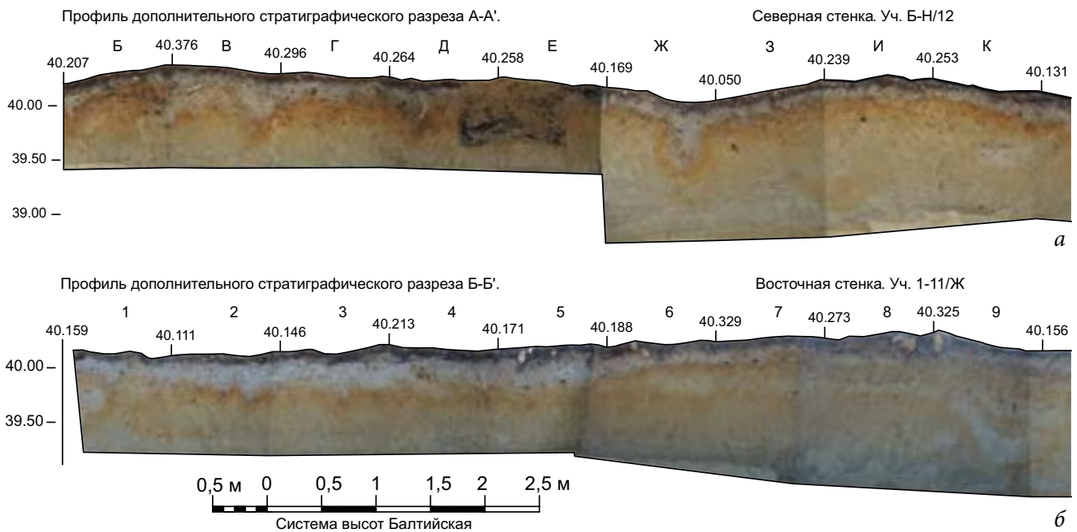


Рис. 8. Ортофотопрофили: а-профиль дополнительного стратиграфического разреза А-А›. Северная стенка. Уч. Б-Н/12; б-профиль дополнительного стратиграфического разреза Б-Б». Восточная стенка. Уч. 1-11/Ж
Fig. 8. The orthogonal photoprofiles: *a* – the profile of the additional stratigraphic section А-А'. The northern wall. The squares Б-Н/12; *b* – the profile of the additional stratigraphic section Б-Б'. The eastern wall. The squares 1-11/Ж

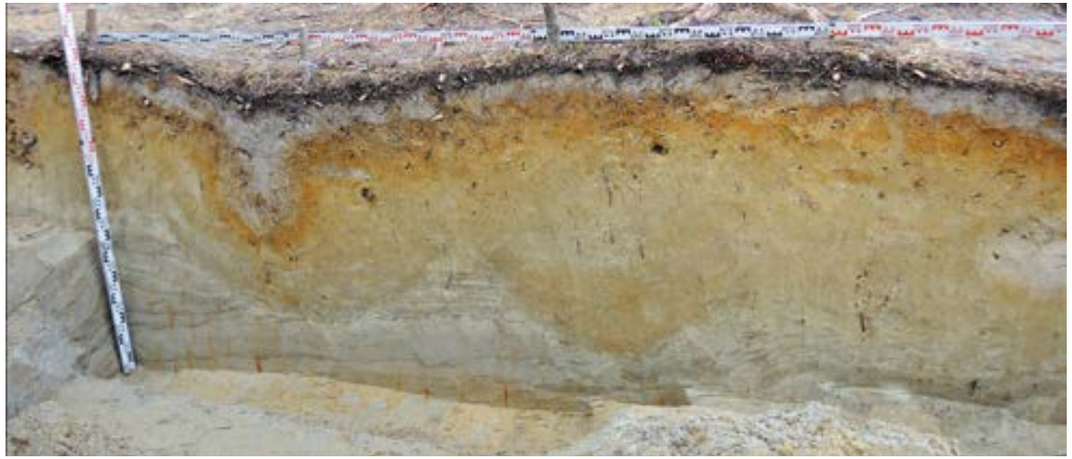


Рис. 9. Северная стенка. Уч. Ж-К/12. Вид с юга – юго-востока
Fig. 9. The northern wall. The squares Ж-К/12. The view from the south-south-east

Рис. 10. Восточная стенка. Уч. Ж/7-11. Вид с юго-запада
Fig. 10. The eastern wall. The squares Ж/7-11. The view from the south-west

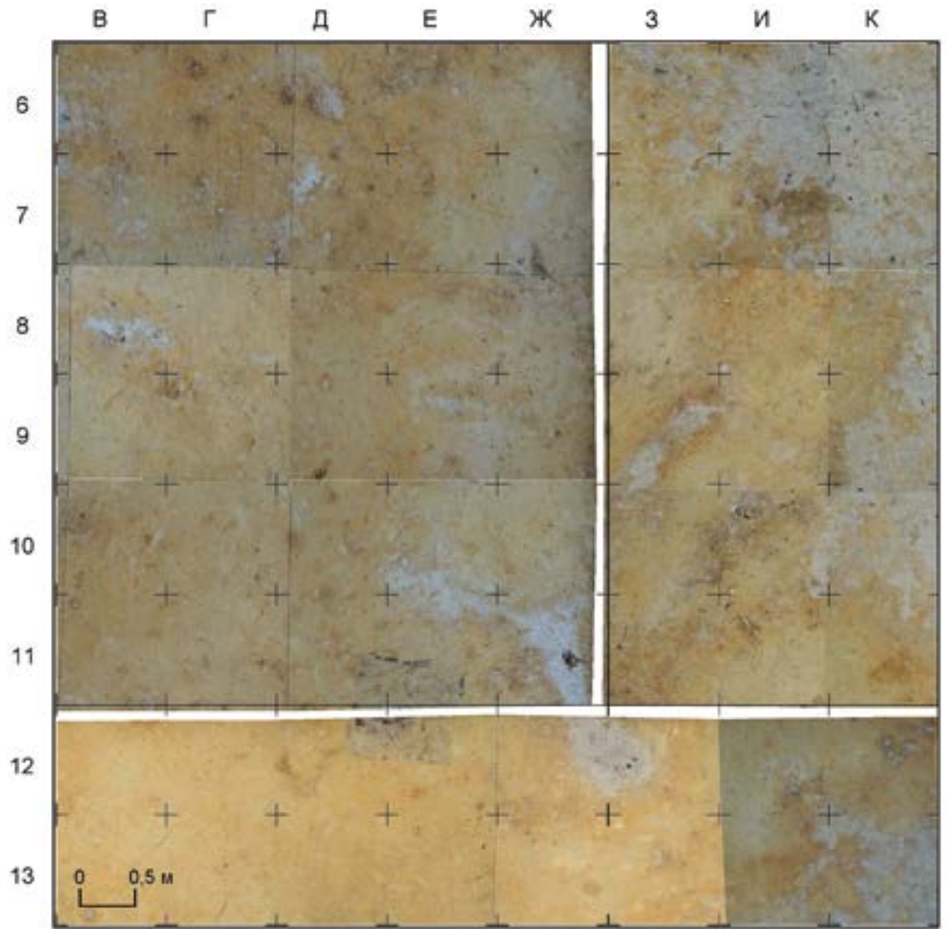


Рис. 11. Ортофотоплан уч. В-К/6-13 на уровне 39,87 м
Fig. 11. The orthogonal plan of the squares B-K/6-13 at the level 39,87 m

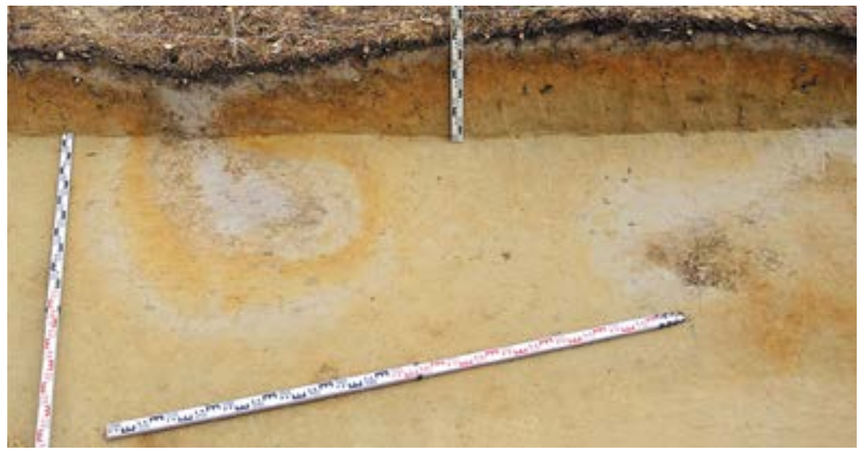


Рис. 12. Южная часть сооружения № 4, ямы 2 и 7 на уровне 39,67 м. Вид с юга
Fig. 12. The southern part of structure № 4 and pits 2 and 7 at the level 39,67 m. The view from the south

Рис. 13. Южная часть сооружения № 4, яма 2 на уровне 39,42 м. Вид с юга
Fig. 13. The southern part of structure № 4 and pit 2 at 39,42 m. The view from the south

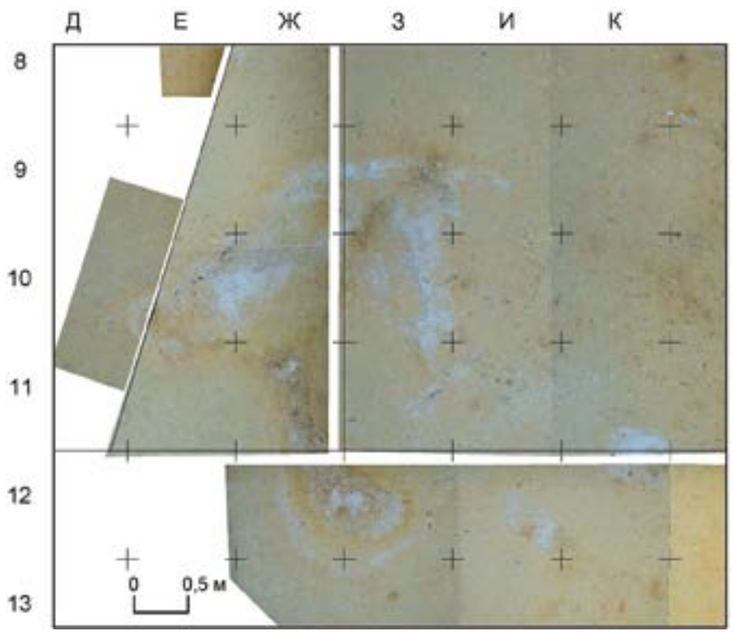


Рис. 14. Ортофотоплан уч. Д-К/8-13 на уровне 39,57 м
Fig. 14. The orthophotoplan of the squares Д-К/8-13 at the level 39,57 m

Рис. 15. Разрез В-В’ от уровня 39,88 м. Вид с запада – северо-запада
Fig. 15. The section B-B’ from the level 39,88 m. The view from the west-north-west

Рис. 16. Уч. Е-Ж/9-11 на уровне 39,57 м. Западная часть сооружения № 4. Вид с востока
Fig. 16. The squares E-Ж/9-11 at the level 39,57 m. The western part of the structure № 4. The view from the east

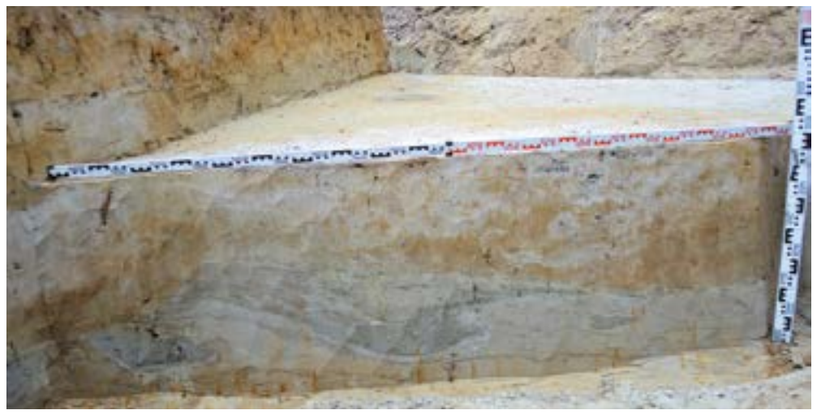


Рис. 17. Разрез Д-Д› от уровня 39,45 м. Вид с северо-запада
Fig. 17. The section Д-Д’ from the level 39,45m. The view from the north-west

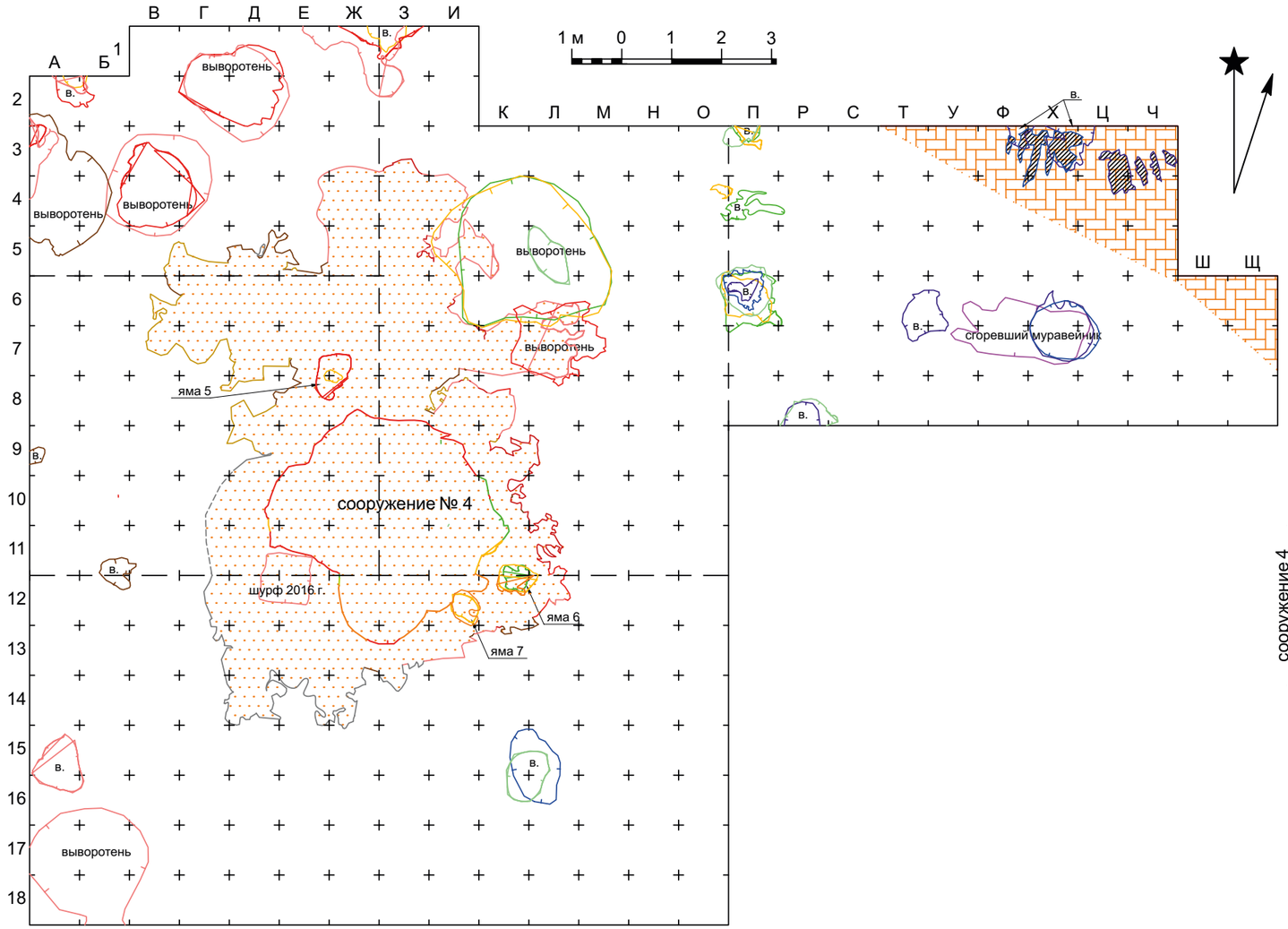


Рис. 18. «Группа впадин Кривая 3». Сводный план раскопа 2017 года
Fig. 18. "The group of depressions Krivaya 3". The master plan of excavations of 2017 year

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

линия стратиграфического разреза	очертания на уровне 39,57 м	культурный слой (в плане)	культурный слой (в профиле)
контур площадки сооружения	очертания на уровне 39,52 м		
очертания на уровнях 40,22 - 40,02 м	очертания на уровне 39,47 м		
очертания на уровне 39,97 м	очертания на уровне 39,42 м	участки грунта с включениями мелких угольков	
очертания на уровне 39,87 м	очертания на уровне 39,37 м		
очертания на уровне 39,82 м	очертания на уровне 39,32 м		
очертания на уровне 39,77 м	очертания на уровне 39,27 м		
очертания на уровне 39,67 м	очертания на уровне 39,22 м		
очертания на уровне 39,62 м	очертания на уровне 39,17 м		
	очертания на уровне 39,12 м		
	очертания на уровне 39,07 м		

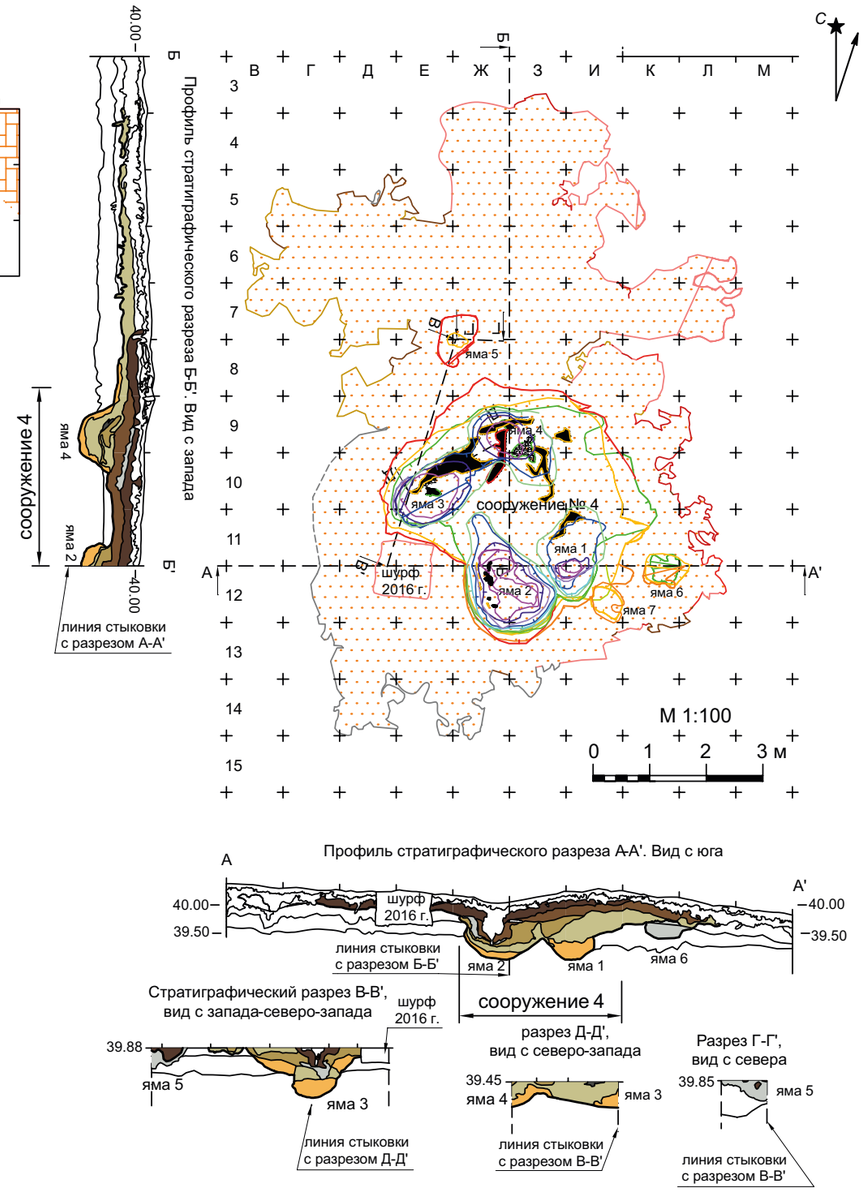


Рис. 19. «Группа впадин Кривая 3». Сводный план сооружения № 4
Fig. 19. "The group of depressions Krivaya 3". The master plan of structure № 4

УДК 902/904, 569.735.3
DOI 10.31630/2949-3609-2023-1-110-140

И. В. Балаба[1], О. В. Кардаш[1, 2, 3], П. В. Пальянов[1]

[1]АНО «Институт археологии Севера», Нефтеюганск, Россия
[2]Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ПРОБНЫЕ ЛОВЧИЕ ЯМЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ ВПАДИН КОГОНЧИНСКОЕ I8

Аннотация: Летом 2018 г. в Сургутском районе ХМАО-Югры были проведены археологические раскопки группы впадин Когончинское 18. Выявлены и изучены остатки двух сооружений. Предположительно, это действовавшая ловчая яма и незавершенная, между которыми находились остатки кострища с костями животных. Материалы позволяют воссоздать форму и размеры одного из сооружений. Возраст объекта, вероятно, локализуется в пределах XII–XIV вв. Авторами выдвинута гипотеза о функционировании одиночных ям-ловушек как пробных сооружений для определения эффективности охоты на новых территориях.

Annotation: Archaeological excavations of the Kogonchinskoye 18 group of pits were carried out in the Surgut region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in the summer of 2018. The remains of two structures were identified and studied. Presumably, this was an active pitfall trap and an unfinished one, between which there were the remains of a fire pit with animal bones. The materials allow to recreate the shape and dimensions of one of the structures. The age of the object is probably localized within the limits of the 12–14 centuries. The authors put forward a hypothesis about the functioning of single pitfall trap as trial structure to determine the effectiveness of hunting in new territories.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, река Большой Юган, ловчие ямы, Средневековье, Кинтусовская и Сайгатинская археологические культуры

Keywords: North of Western Siberia, Bolshoi Yugan River, pitfall traps, Middle Ages, Kintusovskaya and Saigatinskaya archaeological cultures

Введение. В югорской регионалистике к малоизученным вопросам относится проблема воссоздания экономики древнего населения Севера Западной Сибири, в частности, в эпоху Средневековья. Любой археологический объект, в том числе звероловная яма (ямаловушка, ловчая яма), становится одним из немногих, а иногда и единственным значимым источником, на основе которого возможно реконструировать структуру и особенности хозяйства населения древней Югры в разные исторические периоды.

В сравнении с общим числом публикаций, посвященных исследованиям поселенческих комплексов, материалы об археологическом изучении хозяйственно-промысловых объектов встречаются довольно редко. Основная масса тезисов и статей затрагивает в первую очередь системы ям и впадин, где обнаружены остатки деревянных конструкций [*Кокшаров*, 1993; *Балуева, Коноваленко,* 2016; *Дубовцева, Ковригин,* 2009; *Ковригин, Морозов, Погодин, Сергеев*, 2004; *Погодин*, 2006; *Рудковская*, 2016; *Лукиных*, 2020]. Между тем тема изучения хозяйственно-промысловых объектов важна для исследователей. Она стала предметом обсуждения на методическом семинаре «Сохранение объектов археологического наследия Российской Азии: проблемы экспертизы земель и разработки мероприятий», проходившем 4–5 марта 2021 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

Актуальность публикации заключается в том, что ранее одиночные ямы-ловушки в материалах не рассматривались. Описанный в публикации объект неординарен – он представляет собой одиночную яму ловушку, изучение каковых всегда было затруднительным.

Целью данной публикации является введение в научный оборот данных о недавно исследованном археологическом объекте «группа впадин Когончинское 18»1 и анализ его с точки зрения использования одиночных ловчих ям. К задачам настоящей работы относятся описание результатов археологических раскопок, выявление параметрических характеристик и конструктивных особенностей сооружений и анализ результатов, в частности рассмотрение возможных причин их создания, и выдвижение гипотезы о назначении одиночных ям-ловушек. Не менее важной задачей данной публикации становится изложение подробной методики исследования данного типа объектов, которая

[1] Приказом руководителя Службы Государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 107-ПП от 20 октября 2016 г. выявленный объект культурного наследия «группа впадин Когончинское 18» внесен в Перечень выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры под номером 5447.

в дальнейшем может помочь исследователям, впервые столкнувшимся с подобными сооружениями.

История археологического изучения объектов культурного наследия в бассейне реки Большой Юган началась сравнительно недавно – в конце 70-х гг. XX в. До этого времени сведения об объектах культурного наследия и культуре коренного населения были крайне скудными и исчерпывались краткой информацией, собранной в конце XIX – начале XX в. шведским ученым Ф. Р. Мартином [*Мартин,* 2004] и известным сибирским краеведом А. А. Дуниным-Горкавичем [*Дунин-Горкавич,* 1904, 1910].

Ф. Р. Мартин летом 1891 года совершил путешествие по Малому и Большому Югану, в ходе которого ему удалось посетить ряд остяцких (хантыйских) юртов (поселений) и действующих кладбищ. Мартин собрал довольно представительную коллекцию этнографических предметов, описал хозяйственные занятия, некоторые обычаи, традиционные постройки и транспортные средства юганских остяков. Исследователь впервые попытался провести археологические раскопки на двух хантыйских кладбищах близ Уготских юрт на Большом Югане (на 14 верст выше юртов и рядом с ними) [*Мартин,* 2004].

А. А. Дунин-Горкавич на основе собственных наблюдений и сведений, полученных от юганских остяков, составил описание природы, поселений и занятий местного населения. В его фундаментальном труде «Тобольский Север» упоминаются юрты бассейна р. Большой Юган: Лейковы, Чапаевы, Рыскины, Каюковы, Егутские, Когончины, Раксакины, Ларломкины, Сартамъ-урьевы, Купландеевы, Ярсомовы, Уут [*Дунин-Горкавич,* 1910].

В 1996–1998 гг. М. Ю. Селянина (Сургутский краеведческий музей) исследовала территорию нижнего течения р. Негусьях и среднего течения Большого Югана (в районе юрт Когончиных). Ею были открыты городища Когончинское I–II, Кулунигый I–II, Куншин-ковантэу, Негусьях, Лоол-воч I, Пеу I–III, Тангэр-вантын, поселения Кулунигый I–VI, Лоол I–II и Пеу I–VII [*Селянина,* 1997, 1998].

В 2006 г. в нижнем течении р. Кулунигый в урочищах Юрты Когончины зимние и Юрты Лейковы были обследованы участки коренных террас правого и левого берегов реки общей протяженностью около 15 км, до 200–500 м в глубь террасы. В результате работ был выявлен 41 новый памятник и дополнительно обследованы открытые в 1996–1997 гг. М. Ю. Селяниной 9 памятников археологии. Среди вновь открытых памятников – 8 городищ, 31 селище (неукрепленные поселения) и два грунтовых могильника [*Пальянова, Петрова, Усолкина,* 2013; *Кардаш, Визгалов,* 2015а, б].

В 2007 г. экспедицией под руководством О. В. Кардаша в левобережье Большого Югана были повторно обследованы выявленные в 1997–1998 гг. археологом М. Ю. Селяниной археологические объекты, вошедшие в состав комплекса «объект культурного наследия «Когончины» [*Кардаш,* 2008а, б]. На левом берегу Большого Югана выявлены следующие объекты: селища Кулунигый 44–45, городище Кулунигый 45, селища Пеу 9–15, городище Когончинское 3, селища Когончинское 4–4 [*Кардаш,* 2008а, б].

В 2008 г. экспедицией под руководством О. В. Кардаша на левом берегу Большого Югана были повторно обследованы вошедшие в состав комплекса объектов культурного наследия «Когончины» городища Пеу 1–3, селища Пеу 1, 5, 6, 7, городища Когончинское 1–3, городище Тангэр-вантын, а также выявленные в ходе работ 2007 г. (руководитель работ О. В. Кардаш) селища Кулунигый 44, 45с, городище Кулунигый 45г, селища Пеу 9–15, Когончинское 4–14. Кроме них, были осмотрены ранее известные этнографические объекты: юрты Когончины зимние 1-е (нежилые), кладбище юрт Когончиных зимних 1-х (действующее), юрты Когончины (современные, стационарные, жилые), промысловые шалаши Когончиных (современные), промысловые избы Когончиных (летние?), кладбище Когончиных (сезонное?), место охотничьей информации на зимнике (с зарубками). В процессе обследования выявлены новые археологические объекты на территории комплекса объектов культурного наследия «Когончины»: селища Пеу 16–17 [*Кардаш,* 2009а].

В 2008–2009 гг. начаты работы по проектированию зон охраны комплексов объектов культурного наследия «Когончины», «Кинямины», «Угутский», а также селища Кулунигый 44 [*Кардаш,* 2009б].

Осенью 2011 г. специалистами ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством П. С. Шульги были проведены историко-культурные изыскания на территории Средне-Угутского месторождения. В результате работ по проектам «Обустройство куста № 50 Угутского месторождения», «Обустройство кустов скважин № 24, 25, 41, 42 Среднеугутского месторождения» выявлено 13 объектов культурного наслендия: селище Атмпельурий 17, селище Негусьях 13, селище Кулунигый 46, ловчие ямы Кулунигый 47–48, селище Кулунигый 49, группа ловчих ям Кулунигый 50, селища Пеу 18–21, группы ловчих ям Нексап 4–5. Кроме того проведен мониторинг известных ранее объектов культурного наследия: селище Угутское 17, городищ Негусьях 4, Негусьях 6, Негусьях 8, селищ Негусьях 5, 7, Когончинское 9 и 14 [*Шульга,* 2012, *Кардаш, Визгалов,* 2015].

В процессе проведения полевых археологических работ в 2016 г. были выявлены объекты культурного наследия: группа впадин Когончинское 18, поселение Когончинское 19, группа впадин Кулунигый 61, группа впадин Кулунигый 62, находящиеся в границах участка, подлежащего воздействию хозяйственных работ в ходе строительства объекта «Обустройство куста скважин № 30 Среднеугутского месторождения» ш. 3824 в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

Территориальные рамки исследования. По современному административному положению памятник «группа впадин Когончинское 18» находится на

территории Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 24,3 км к ЮЮВ от поселка Малоюганский (аэропорт), в 9,4 км к ЮЗ от села Угут (аэропорт), в 2,5 км к СЗЗ от летних юрт Когончиных.

По географическому районированию объект находится на левом берегу р. Большой Юган, в 3 км к ССЗ от устья р. Кулунигый. Рельеф данной территории равнинный, представляет собой поверхность, сформированную в результате меандрирования прарусла крупного древнего водотока. Терраса в этом участке изрезана остатками древних стариц Большого Югана. Группа впадин Когончинское 18, расположенная в глубине левобережной террасы, занимает гребень одного из берегов старицы. Ширина этого гребня в наименьшей части составляет от 50 до 90 м, в наибольшей – от 150 до 200 м. Высота поверхности гребня от уровня верхового болота составляет 3,5–4,2 м (рис. 1, 2).

Для рельефа данных территорий характерны монотонность поверхностей, высокая степень заболоченности и обводненности местности. По территории участка протекают левые притоки Большого Югана. Берега поросли высокоствольным смешанным лесом с преобладанием хвойных пород. Почвы данной местности болотисты и подзолисты, на возвышенностях почвы представлены суглинками и супесями, в поймах рек встречаются также пески и илистые отложения. В пределах участка исследования почвы представлены суглинистыми, подзолисто-супесчаными (боровыми), торфяно-болотными типами. На водораздельных возвышенностях гривы поросли беломошными сосновыми борами. На верховых болотах первый ярус представлен, как правило, угнетенной сосной, реже – березой, почвенный покров моховой, с обилием кустарничковых (багульник, голубика, черника, брусника и т. п.), встречается карликовая береза.

Раскопки группы впадин Когончинское 18. Объект выявлен в 2016 г. разведочной группой ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством В. О. Гнатива [*Гнатив,* 2017а, б]. В 2018 г. отряд археологической экспедиции ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством О. В. Кардаша провел раскопки остатков хозяйственно-промыслового комплекса. Раскоп был разбит на шесть секторов. Их общая площадь составила 949 кв. м. Для установления наличия или отсутствия культурного слоя по периферии группы впадин с западной и восточной сторон на границе территории памятника были заложены два рекогносцировочных раскопа площадью 64 кв. м. Общая площадь исследований составила 1013 кв. м. Впадина 2 находилась в 35 м к СВ от впадины 1 (рис. 3–5). Оба сооружения на поверхности представляли собой впадины овальной в плане формы, ориентированные по оси ЗЮЗ – ВСВ. Сооружение 1 и сооружение 2 были окружены по периметру едва заметной обваловкой.

Раскопки сооружения 1. На поверхности рельефа сооружение 1 до начала раскопок представляло собой впадину овальной в плане формы, ориентированную по оси ЗЮЗ – ВСВ, 3,9 × 3,1 м, глубиной 0,4 м. По периметру впадина окружена едва заметной обваловкой шириной 0,9–1,2 м, высотой 0,15 м. С юго-восточной стороны к обваловке примыкает внешняя яма серповидной в плане формы, вытянутая в направлении ЮЮЗ – ССВ. Размер ямы 2,1 × 0,9 м, глубина 0,1 м. Обваловка образовалась в результате выкида грунта в процессе выкапывания ловчей ямы.

После снятия дерна и зачистки на площади секторов № 1–3 зафиксирован светло-серый песок – оподзоленный слой. В центральной части секторов № 1, 2 в планах зафиксированы очертания сооружения, по форме близкие к овалу, с неровными, местами рваными и нечеткими краями.

На уровнях[2] фиксации 43,10 м и 43,00 м был изучен только сектор № 3, находившийся на поверхности рельефа относительно выше секторов № 1, 2. На данных уровнях фиксации на всей площади сектора выявлен светло-серый песок – оподзоленный слой с пятнами темно-желтого и светло-желтого материкового песка.

На уровне фиксации 42,80 м на площади секторов № 1, 2 зафиксирован светло-серый песок – оподзоленный слой с пятнами темно-желтого и светло-желтого материкового песка (рис. 7). В центральной части секторов № 1, 2 зафиксированы очертания сооружения № 1, которые проведены по границе желто-серого переотложенного слоя (обваловки). В центре фиксируется углубление сооружения. Края обваловки неровные, форма близкая к овалу с размерами 4,57 × 3,54 м, ориентированному по оси СЗ – ЮВ. На горизонте 42,80 м на площади сектора № 3 зафиксирован светло-желтый материковый песок с пятнами темно-желтого материкового песка и светло-серого оподзоленного песка.

На уровне 42,60 м на всей площади сектора № 3 фиксируется светло-желтый материковый песок (рис. 8). На площади секторов № 1, 2 в западной, северной и восточной частях фиксируется светло-желтый материковый песок с пятнами светло-серого оподзоленного песка. В центральной и южной частях виден светло-серый песок и оподзоленный слой с пятнами темно-желтого и светло-желтого материкового песка. Слой обваловки уже не фиксируется. На этом уровне фиксации всё еще видно углубление сооружения. На данном горизонте по границам углубления проведены очертания сооружения, ориентированного по оси С – Ю, с размерами 2,3 × 2,0 м.

На уровне 42,40 м на площади секторов № 1, 2 фиксируется светло-желтый материковый песок с пятнами светло-серого оподзоленного песка. Сооружение на данном горизонте изучено полностью.

Стратиграфия сооружения. Разрез 2–2’ (рис. 9). Разрез выполнен по центральной части сооружения № 1, ориентирован по оси С – Ю, расположен на линии 27/У-З’. Разрез показал следующую стратиграфию:

1 – лесная подстилка (мох, опад) – мощностью 4–7 см;

2 – белый песок (современный оподзоленный слой) – мощностью 2–5 см;

3 – светло-серый песок (оподзоленный слой) – мощностью 7–40 см;

4 – желто-серый песок (переотложенный слой) – мощностью 3–18 см;

5 – темно-серый песок (погребенный дерн) – мощностью 2–4 см;

6 – темно-желтый песок (материковый слой);

7 – светло-желтый песок (материковый слой).

На глубине 0,3–0,6 м от современной поверхности фиксируется прослойка ортзанда, которая, по всей видимости, воспрепятствовала дальнейшему прокапыванию ямы вглубь.

Устройство сооружения не было завершено, так как оно было углублено менее чем на 30 см от поверхности. По периметру ямы фиксируются погребенный дерн в виде прослойки темно-серого песка и переотложенный желто-серый слой – выкид из ямы (рис. 3–10). Наличие выкида по всему периметру сооружения и его округлая форма на поверхности свидетельствуют о его антропогенном происхождении, однако незавершенность сооружения не позволяет уверенно идентифицировать его назначение.

Раскопки сооружения 2. На поверхности рельефа до начала раскопок сооружение 2 представляло собой впадину овальной формы, ориентированную по оси ЗЮЗ – ВСВ, с размерами 3,8 × 2,5 м, глубиной 0,6 м (рис. 11–12). По периметру впадина окружена обваловкой. Ширина обваловки 2,3–2,9 м, высота 0,3 м. Сооружение 2 имело следующие планиграфические характеристики (табл. 1):

Таблица 1

Группа впадин Когончинское 18. Раскоп сооружения 2.
Горизонты фиксации и метрические характеристики
Table 1. Group of pits Kogonchinskoye 18. Excavation of structure 2. Fixation horizons and metric characteristics

Уровень фиксации, м	Форма*	Ориентация	Размер, м
43,20	округлая	–	5,5 диаметр по гребню обваловки
43,0	округлая	–	3,0 – внутренний диаметр
42,80	округлая	–	3,0 × 2,90
42,60	овальная	–	2,30 × 1,60
42,40	овальная	–	2,40 × 1,50
42,10–41,90	прямоугольная	СВ – ЮЗ	2,20 × 1,30
41,70–41,50	прямоугольная	СВ – ЮЗ	2,0 × 1,30
41,50	прямоугольная	СВ – ЮЗ	2,0 × 1,30

* – форма сооружений условная

После снятия дерна и зачистки на площади секторов № 4, 5 зафиксирован светло-серый песок – оподзоленный слой. В центральной части секторов № 4, 5 в планах зафиксированы очертания сооружения, по форме близкие к овалу, с неровными, местами рваными и нечеткими краями.

На уровне фиксации 43,20 м площадь секторов № 4, 5 была изучена частично, так как большая ее часть (северная, восточная, южная и юго-западная) находились ниже этого горизонта (рис. 10). На данном уровне фиксации в северо-западной части секторов выявлен светло-серый песок – оподзоленный слой с пятнами темно-желтого и светло-желтого материкового песка. В центральной части зафиксированы очертания сооружения № 2, которые проведены по границе желто-серого переотложенного слоя (обваловки). В центре фиксируется углубление сооружения. Края обваловки неровные, форма, близкая к овалу с размерами 7,54 × 5,73 м, ориентированному по оси З – В.

На уровне фиксации 43,00 м площадь секторов № 4, 5 была изучена в большей ее части, так как восточная часть находилась ниже этого горизонта (рис. 14). В центральной и юго-западной части зафиксирован светло-серый песок – оподзоленный слой с пятнами темно-желтого и светло-желтого материкового песка, в северо-западной части – светло-желтый материковый песок с пятнами светло-серого оподзоленного песка. В центральной части секторов № 4, 5 зафиксированы очертания сооружения № 2, которые проведены по границе желто-серого переотложенного слоя (обваловки). В центре фиксируется углубление сооружения. Края обваловки неровные, форма, близкая к овалу с размерами 3,0 × 2,60 м, ориентированному по оси З – В.

На уровне 42,80 м на площади секторов № 4, 5 в западной и центральной части фиксируется светло-желтый материковый песок с пятнами светло-серого оподзоленного песка, в восточной части – светло-серый песок – оподзоленный слой с пятнами темно-желтого и светло-желтого материкового песка. На этом

[2] Здесь и далее уровень фиксации измеряется по Балтийской системе высот. Балтийская система высот (БСВ) – система абсолютных высот, отсчет которых ведется от нуля Кронштадтского футштока.

уровне фиксации всё еще видно углубление сооружения. Очертания сооружения № 2 на данном горизонте проведены по границе пестрой супеси с вкраплениями угля (заполнение котлована сооружения). Сооружение на данном уровне ориентированного по оси С – ЮЗ.

На уровне 42,60 м фиксируется сооружение размерами 2,2 × 1,3 м. Сооружение на данном уровне ориентированного по оси СВ – ЮЗ. Оно выделяется на фоне светло-желтого материкового песка слоями серого песка (погребенного дерна), желто-серого переотложенного песка (выкида из котлована сооружения), пестрой супеси с вкраплениями угля (заполнение котлована сооружения).

На уровне 42,40 м фиксируется сооружение размерами 2,4 × 1,5 м, ориентированное по оси СВ – ЮЗ. Оно выделяется на фоне светло-желтого материкового песка слоями серого песка (погребенного дерна), желто-серого переотложенного песка (выкида из котлована сооружения), пестрой супеси с вкраплениями угля (заполнение котлована сооружения) (рис. 15, 16).

На уровнях 42,10 и 41,90 м фиксируется сооружение размерами 2,2 × 1,3 м, ориентированное по оси СВ – ЮЗ. Оно выделяется на фоне светло-желтого материкового песка слоем пестрой супеси с вкраплениями угля (заполнение котлована сооружения) (рис. 17–20).

На уровнях 41,70 и 41,50 м фиксируется сооружение размерами 1,9 × 1,3 м, ориентированное по оси СВ – ЮЗ. Оно выделяется на фоне бледно-бежевой слоистой материковой супеси слоем пестрой супеси с вкраплениями угля (заполнение котлована сооружения) (рис. 21–24).

На уровне 41,30 м сооружение не фиксируется.

Стратиграфия сооружения. Разрез 1–1’ (рис. 14). Разрез выполнен по центральной части сооружения № 2, ориентирован по оси З – В, расположен на линии М/67–74. Разрез показал следующую стратиграфию:

1 – лесная подстилка (мох, опад) – мощностью 6–9 см;

2 – белый песок (современный оподзоленный слой) – мощностью 3–7 см;

3 – светло-серый песок (оподзоленный слой) – мощностью 7–65 см;

4 – желто-серый песок (переотложенный слой) – мощностью 5–23 см;

5 – темно-серый песок (погребенный дерн) – мощностью 2–4 см;

6 – пестрая супесь с вкраплениями угля (заполнение котлована сооружения) – мощностью 33–110 см;

7 – темно-желтый песок (материковый слой);

8 – светло-желтый песок (материковый слой);

9 – бледно-бежевая слоистая супесь (материковый слой).

Данные, полученные в результате стратиграфии, позволяют подробно описать форму и конфигурацию сооружения 2. Глубина котлована ямы от древней поверхности составляет 1,25 м. Очертания котлована в плане близки к прямоугольнику со сторонами 2,0 × 1,5 м. По периметру ямы фиксируются погребенный дерн в виде прослойки темно-серого песка и переотложенный желто-серый слой – выкид из ямы.

Форму ямы можно реконструировать как комбинированную – сфероконическую, трансформирующуюся в параллелограмм. Конус в верхней части имеет диаметр 5,5 м по обваловке, уменьшаясь до овала размером 2,4 × 1,5 м в нижней. Глубина конуса составляет 1,1 м. Размеры параллелограмма от 2,2 × 1,3 до 2,0 × 1,3 м в плане, глубина – 0,6 м. Общая глубина ямы от гребня обваловки – 1,7 м. Реальная глубина сооружения, вероятно, изначально была больше, однако с течением времени уменьшилась из-за разрушения обваловки. Обваловка ярко выражена на поверхности – видимо, с ее помощью уровень ямы поднимали над уровнем земли, за счет чего увеличивали глубину сооружения. Судя по правильности и вертикальности стенок, скорее всего, яма имела несохранившуюся деревянную опалубку, формирующую придонный ящик. Округлые очертания ямы на поверхности и наличие выкида по всему периметру сооружения, а также его размеры и геометрия свидетельствуют об антропогенной природе сооружения 2 и позволяют с большой долей вероятности судить о его назначении. Данный объект, наиболее вероятно, представляет собой яму-ловушку.

Кострище было обнаружено в 25 м от сооружения 1 и в 10 м от сооружения 2. На периферии сооружений № 1, 2 на участке Э-Б’/37-67 был заложен сектор № 6 (рис. 26). На поверхности рельефа визуально никаких остатков сооружений не выявлено. После снятия дерна и зачистки на площади сектора № 6 зафиксирован светло-серый песок – оподзоленный слой. На уровне фиксации 43,00 м на площади сектора № 6 зафиксированы слои светло-серого песка – оподзоленного слоя с пятнами темно-желтого и светло-желтого материкового песка и слой светло-желтого материкового песка (рис. 25). На участке Э-Ю/36-38 по слою бурой углистой супеси с вкраплениями мелких костей зафиксировано кострище формы, в плане близкой к овалу, ориентированное по оси ЮЗ – СВ. Размеры кострища 2,1 × 1,1 м. Стратиграфический разрез кострища зафиксирован в разрезе 5-5’, заложенном по линии 37/Б’-Э (рис. 27, 28).

В стратиграфическом разрезе зафиксирован очаг, но следов укрепленного сооружения найдено не было. В очаге найдены кальцинированные остатки костей крупных копытных – множество мелких и несколько крупных диафизов (рис. 29). Вероятно, кострище было связано с функционированием сооружений.

Также на приближенной к кострищу территории было найдено изделие из камня (рис. 30). Артефакт представляет собой каменную пластину трапециевидной формы, размерами 8,6 × 7,1 × 2,8 см. В продольном сечении изделие линзовидное, в поперечном неровно овальное. Форма артефакта асимметричная, с одной стороны более прямая, с другой – выпуклая. Края камня завалены. На боковых кромках фиксируются следы

фасетки пикетажа, оббивки и шлифовки. С обеих сторон имеет следы оббивки. Поверхность зашлифована. Вероятнее всего, артефакт использовался в качестве точильного камня.

Хронология. Остатков древесины в заполнении ям не обнаружено. Соответственно, образцов для проведения радиоуглеродного анализа получить не удалось. Гипотетический возраст сооружений был определен по косвенным признакам.

Стратиграфические данные, в частности наличие подзола, позволяют определить приблизительный возраст сооружения. Исследования показывают, что условная скорость оподзоливания на начальном этапе достигает 10 см в тысячелетие, а потом замедляется [*Роде,* 1937; *Зейдельман,* 1974]. То есть по уровню подзола мы можем судить о ближайших тысячелетиях. Авторы-почвоведы отмечают, что скорость оподзоливания почв хоть и зависит от особенностей рельефа и растительности конкретной территории, тонкий слой подзола свидетельствует об относительной исторической «молодости» объекта. Мощность подзола для обоих сооружений достигает в среднем 6 см, но не менее 3 см и не более 10 см, тогда как средний размер подзолистого слоя за пределами сооружений в 3–5 раз больше и составляет порядка 25–30 см (рис. 9, 14, 21, 27, 28). Для формирования такого слоя необходимо около 500–600 лет. С учетом осыпаний и эрозии возраст ям может достигать и 700–800 лет.

Вторым признаком, на который можно ориентироваться в данном случае, стали растущие на территории памятника деревья. Диаметр сосны, частично перекрывающий обваловку, составлял порядка 40 см, следовательно, возраст дерева не менее 150 лет [*Шишов,* 2016; Основы дендрохронологии…, 2000]. Также на поверхности одного из сооружений находился трухлявый пень. Невозможно определить точный момент гибели дерева. Тем не менее известно, что средний срок жизни сосен – 250–300 лет.

Таким образом, предположительный возраст сооружений составляет не менее 700–800 лет, а вероятно, и больше. Предполагаемый исторический промежуток функционирования ям – XII–XIV вв.

Обсуждение. Из двух обнаруженных сооружений одно было, предположительно, функционировавшим, а другое представляло собой незавершенную яму. Сооружение 2, идентифицированное как яма-ловушка, имело заметную обваловку. Форма сооружения была реконструирована как сфероконическая, трансформирующаяся в параллелограмм. Конус в верхней части имеет диаметр 5,5 м по обваловке, уменьшаясь до овала размером 2,4 × 1,5 м в нижней. Глубина конуса составляет 1,1 м. Размеры придонного ящика от 2,2 × 1,3 до 2,0 × 1,3 м в плане, глубина 0,6 м. Общая глубина ямы от гребня обваловки не менее 1,7 м.

Соотнеся габариты представителей местной фауны с метрическими и морфологическими характеристиками исследованных сооружений, мы можем заключить, что подобные звероловные ямы предназначалась в первую очередь для добычи северного оленя. Самец оленя имеет тело длиной 200–220 см, высоту в холке 110–140 см, вес 100–220 кг, самка – чуть меньшие размеры. Взрослый же самец лося достигает в длину около 300 см, высота в холке 225–235 см, вес до 570 кг, размах рогов до 150 см [*Гептнер, Насимович, Банников,* 1961].

На прилегающей территории, в 10 м от ямы 2 и 25 м от ямы 1, также были найдены остатки кострища, очевидно, связанного с группой впадин. Рядом с кострищем были найдены остатки костей крупных копытных, по видимости, северного оленя, и точильный камень. Данная территория могла быть временной стоянкой охотников в летне-осенний период, поскольку следов укрепленного укрытия найдено не было.

В ходе изучения группы впадин Когончинское 18 были выдвинуты две гипотезы об их происхождении. Обе они исходят из идеи использования данных сооружений в качестве пробных ям-ловушек для изучения эффективности промысловой деятельности на данной территории. Отсутствие следов укрытия говорит о том, что вероятный период функционирования сооружений – лето или осень, когда не требуется создания более основательной постройки, защищающей от осадков.

Согласно первой гипотезе сначала построено сооружение 2, показавшее в дальнейшем свою эффективность. После поимки животного вблизи от сооружения была обустроена временная стоянка. Олень был приготовлен с использованием кострища и съеден, были начаты работы по созданию группы ям-ловушек. Однако при прокапывании второй ямы (сооружения 1) охотники столкнулись с трудностью прохождения железных почв. После неудачи территория была признана непригодной и слишком трудозатратной и покинута. Основной задачей охотников, согласно данной гипотезе, была первичная проверка территории для дальнейшего создания системы ям-ловушек.

Основой второй гипотезы стало предположение, что сооружение 1 было создано первым. Главной задачей охотников, согласно данной гипотезе, была исключительно проверка эффективности охотничьего промысла угодий без моментального их освоения и создания системы ловчих ям. Таким образом, столкнувшись с трудностью прохождения ортзанда, охотники переключились на создание пробной ямы на некотором расстоянии от первого неудавшегося сооружения. Убедившись в эффективности охотничьих угодий, о чем свидетельствуют кальцинированные кости животных, охотники учли данную местность как резервную и покинули ее для дальнейших разведок.

По косвенным признакам был определен наиболее вероятный период создания сооружений – XII–XIV вв. По существующей периодизации [*Зыков,* 2012; *Чемякин,* 2002] предположительное время функционирования группы ям-ловушек совпадает со временем существования кинтусовской археологической культуры,

датируемой IX–XII вв., или сайгатинской археологической культуры, датируемой XIII–XVI вв.

Заключение. В ходе археологических раскопок изучена группа впадин Когончинское 18 – предположительно объект хозяйственного назначения, состоявший из двух сооружений и остатков стоянки. Оба сооружения и их параметрические характеристики полностью исследованы. Яма 1 оказалась незавершенной. Таким образом, группу впадин Когончинское 18 мы интерпретируем как одиночную яму-ловушку.

Сооружение 2 было идентифицировано как предположительно функционировавшая одиночная яма-ловушка и имело следующие конструктивные особенности: форма ямы сфероконическая, трансформирующаяся в параллелограмм; сфероконус ямы формировался за счет обвалоки по периметру, глубина ямы была увеличена поднятием верхней части от уровня поверхности за счет валообразной насыпи. Конус в верхней части имел диаметр 5,5 м по обваловке, уменьшаясь до овала размером 2,4 × 1,5 м в нижней. Глубина конуса составляла 1,1 м. Размеры придонного ящика от 2,2 × 1,3 до 2,0 × 1,3 м в плане, глубина – 0,6 м. Общая глубина ямы от гребня обваловки – 1,7 м. Предположительно, изначальная реальная глубина ямы могла составлять порядка 2,0–2,2 м, но за счет разрушения обваловки с течением времени она уменьшилась. Следует отметить, что, вероятно, сооружение более глубоких ям-ловушек за счет достраивания формы валообразной насыпью по периметру является характерным методом создания ловчих ям в данную эпоху. Геометрия сооружения 2 имеет свойственную для ловчих ям региона форму. Правильность и вертикальность стенок могут свидетельствовать не только об искусственном происхождении, но и о наличии деревянных конструкций, поддерживавших форму ямы. Однако остатков подобных конструкций и их следов не обнаружено.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза о назначении одиночных ям-ловушек в качестве пробных сооружений для анализа эффективности промысла территории. Найденные на территории объекта следы кострища, вероятно, связанного с функционированием ям, могут свидетельствовать о наличии временных стоянок при промысловых объектах и позволяют обосновать необходимость изменения методологии исследования подобных объектов, а именно увеличение площади раскопок. Мы предполагаем, что следует расширить радиус проведения работ по изучению ловчих ям хотя бы до 25 м от сооружения, что позволит с большей вероятностью находить невыраженные на поверхности остатки стоянок и других сооружений. С учетом большого количества объектов этого типа на территории Югры в настоящее время необходима планомерная фиксация всех подобных сооружений, подробное их описание для последующей возможности сравнительного анализа и введения сведений о них в научный оборот.

В перспективе при формировании базы данных по охотничье-промысловым объектам, обнаруженным на территории р. Большой Юган, возможно будет проведение статистико-математического анализа большого массива данных, необходимого для определения места коллективной охоты в структуре хозяйства разных археологических культур.

Литература и источники

1. ***Балуева Ю. В., Коноваленко М. В.*** Археологический комплекс на р. Большой Салым (по материалам исследований 2014 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 232–258.

2. ***Гептнер В. Г., Насимович А. А., Банников А. Г.*** Млекопитающие Советского Союза. Том 1. Парнокопытные и непарнокопытные. М. : Изд-во «Высшая школа», 1961. С. 302–324.

3. ***Дунин-Горкавич А. А.*** Тобольский Север : в 3 т. СПб., 1904. Т. 1. 208 с.

4. ***Дунин-Горкавич А. А.*** Тобольский Север : в 3 т. Тобольск, 1910. Т. 2. 376 с.

5. ***Дубовцева Е. Н., Ковригин А. А.*** Раскопки объектов охотничье-промыслового назначения в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 260–270.

6. ***Зейдельман Ф. Р.*** Подзоло-глееобразование. М. : Изд-во «Наука», 1974.

7. ***Зыков А. П.*** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург : Изд-во «Уральский рабочий», 2012. С. 44–111.

8. ***Кокшаров С. Ф.*** Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки Уральского населения в древности. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1993. С. 162–168.

9. ***Кардаш О. В.*** Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения). В 2-х т. : монография / О. В. Кардаш, Г. П. Визгалов. Екатеринбург : Изд-во «Караван», 2015а. Т. I. Археологические исследования. 448 с. (Серия : Материалы и исследования по истории Севера Западной Сибири. Вып. V).

10. ***Кардаш О. В.*** Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения). В 2-х т. : монография / О. В. Кардаш, Г. П. Визгалов. Екатеринбург : Изд-во «Караван», 2015б. Т. II. Источники и специальные исследования. 208 с. (Серия : Материалы и исследования по истории Севера Западной Сибири. Вып. V).

11. ***Ковригин А. А., Морозов В. М., Погодин А. А., Сергеев А. С.*** Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 302–317.

12. ***Лукиных А. А.*** Звероловные ямы II–XIII вв. в среднем течении реки Самсоновской (по материалам комплексных археологических исследований в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Северный регион. Сургут ; Нефтеюганск : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2020. С. 5–28.

13. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации / Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В., Круглов В. Б., Мазепа В. С, Наурзбаев М. М., Хантемиров Р. М. Красноярск : Изд-во КрасГУ, 2000. 80 с.

14. ***Пальянова М. Н., Петрова Е. Н., Усолкина М. А.*** Архитектурно-этнологические исследования юрт Когончиных на территории Средне-Угутского месторождения нефти // Древнее наследие Средней Оби. Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2013. С. 140-172

15. ***Погодин А. А.*** Исследование историко-культурного комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 111–113.

16. ***Роде А. А.*** Подзолообразовательный процесс. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 454 с.

17. ***Рудковская М. А.*** Ловчие звероловные ямы на р. Кедровой (Ханты-Мансийский район ХМАО-Югры) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 304–316.

18. ***Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г.*** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) : науч.-ист. очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во «Тезис», 2002. С. 6–73.

19. ***Шишов В. В., Попкова М. И., Тычков И. И.*** Нелинейное оценивание дендроклиматических данных и его применение для территории Сибири. Красноярск : Изд-во ООО РПБ «Амальгама», 2016. 128 с.

Источники

20. ***Гнатив В. О.*** Отчет о НИР: Археологические полевые работы (разведки), проведенные в зоне обустройства месторождений ООО «РН-Юганскнефтегаз» на территории Ханты-Мансийского, Нефтеюганского, Сургутского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 году. Екатеринбург, 2017а.

21. ***Гнатив В. О.*** Проект «Мероприятия по обеспечению сохранности выявленных объектов культурного (археологического) наследия группа впадин Когончинское 18, поселение Когончинское 19, группа впадин Кулунигый 61, группа впадин Кулунигый 62, находящихся в границах участка, подлежащего воздействию хозяйственных работ в ходе строительства объекта «Обустройство куста скважин №30 Среднеугутского месторождения ш. 3824 в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Нефтеюганск, 2017б.

22. ***Кардаш О. В.*** Отчет о НИР : Обследование перспективных зон Угутского месторождения. Кн. 1. Исследование юго-западной части Угутского месторождения в бассейне реки Большой Юган в окрестностях юрт Когончиных летом 2007 года. Нефтеюганск, 2008а. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 215/1.

23. ***Кардаш О. В.*** Отчет о НИР : Кн. 2. Исследования западной части Угутского месторождения на правом берегу р. Большой Юган в окрестностях пос. Угут летом 2007 года. Нефтеюганск, 2008 (б). Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 215/2.

24. ***Кардаш О. В.*** Отчет о НИР : Археологическое обследование и топогеодезическая съемка в районе Угутского месторождения Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Том 2. Обследование комплекса археологических памятников на правом берегу реки Большой Юган в окрестностях старицы Сартымурий и зимних юрт Кымычевых летом 2008 года. Нефтеюганск, 2009а. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 273/3.

25. ***Кардаш О. В.*** Отчет о НИР : Аварийные археологические раскопки селища Атмпельурий 12 на территории Средне-Угутского месторождения в Сургутском районе ХМАО, 2008, 2009. Нефтеюганск, 2009б. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 258.

26. ***Мартин Ф. Р.*** Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург ; Сургут : Изд-во «Уральский рабочий», 2004. 144 с.

27. ***Селянина М. Ю.*** Отчет об археологических исследованиях в Сургутском р-не ХМАО в 1996 г. Сургут. Научный архив МБУК «Сургутский краеведческий музей», 1997.

28. ***Селянина М. Ю.*** Отчет об археологических исследованиях в Сургутском р-не ХМАО в 1997 г. Сургут. Научный архив МБУК «Сургутский краеведческий музей», 1998.

29. ***Шульга П. С.*** Историко-культурные изыскания по проектам: «Обустройство куста № 50 Угутского месторождения», «Обустройство кустов скважин №№24, 25, 41, 42 Среднеугутского месторождения» в Сургутском районе ХМАО-Югры, 2011 г. : Отчет о НИР ООО «НПО «Северная Археология – 1». Нефтеюганск, 2012. Архив ООО «НПО Северная археология – 1». Ф. 2 Д. 410.

Информация об авторах

Балаба Инна Вячеславовна – лаборант, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.
E-mail: froggyatworkk@gmail.com

Кардаш Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, руководитель, Центр югорской археологии и этнографии, Сургутский государственный университет, г. Сургут; научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Пальянов Петр Владимирович – историк, археолог, геодезист, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.
E-mail: palyanov.pv82@yandex.ru

I. V. Balaba[1], O. V. Kardash[1, 2, 3], P. V. Palyanov[1]

[1]ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk, Russia
[2]Surgut State University, Surgut, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

TRIAL PITFALL TRAPS OF THE MIDDLE AGES ON THE EXAMPLE OF A GROUP OF PITS KOGONCHINSKOYE I8

Summary

Archaeological excavations of the Kogonchinskoye 18 group of pits were carried out in the Surgut region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in the summer of 2018. During the work, the remains of two structures were identified and studied: an active pitfall trap and an unfinished one, most likely due to the difficulty of passing soil ferruginization. Both structures and their parametric characteristics were investigated. Thus, the Kogonchinskoye 18 pits group was interpreted as a single pitfall trap. Remains of a fire pit with calcined bones of large ungulates were found between the structures, probably associated with the functioning of these traps. The materials made it possible to reliably recreate the shape and dimensions of one of the structures. The age of the site was localized within the limits of the 14–15 centuries. Based on the analysis of materials, a hypothesis was put forward about the functioning of single pitfall trap as trial structure to determine the effectiveness of hunting in new territories.

Structure 2 was identified as a functioning single pitfall trap and had the following design features: the shape of the trap was spheroconical, transforming into a parallelogram; the spherical cone of the trap was formed by bunding along the perimeter; the depth of the trap was increased by raising the upper part from the surface level due to a swell-like embankment. The cone in the upper part had a diameter of 5.5 m along the bunding, decreasing to an oval measuring 2.4 x 1.5 m in the lower part. The depth of the cone was 1.1 m. The dimensions of the bottom box were from 2.2 x 1.3 to 2.0 x 1.30 m in plan, the depth was 0.6 m. The total depth of the trap from the ridge of the bunding was 1.7 m. The actual depth of the trap could be about 2.0–2.2 m, but due to the destruction of the bunding over time, it decreased. It should be noted that, probably, the creation of deeper pitfall traps by completing the form with a rampart-like embankment along the perimeter of the structure was a characteristic method of creating pitfall traps in this era. The geometry of structure 2 had a shape typical for the pitfall traps of the region. The correctness and verticality of the walls may indicate not only an artificial origin, but also the presence of earlier wooden structures that supported the shape of the trap. However, the remains of such structures and their traces were not found.

Also, traces of a bonfire found on the territory of the site indicated the presence of temporary camps at commercial sites and made it possible to justify the need to change the methodology for the study of such objects, namely, an increase in the excavation area. It is necessary to expand the radius of work on the study of pitfall traps at least 25 m from the structure, which will make it more likely to find the remains of sites and other structures that are not expressed on the surface.

In the future, when forming a database on hunting and fishing objects found on the territory of Bolshoy Yugan River, it will be possible to conduct a statistical and mathematical analysis of a large amount of data necessary to determine the place of collective hunting in the structure of the farm of different archaeological cultures. At present, it is necessary to systematically record all objects of this type and introduce information about them into scientific circulation.

Information about the authors

Balaba Inna V. – assistant, ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk
E-mail: froggyatworkk@gmail.com

Kardash Oleg V. – candidate of historical sciences, associate professor, Center of Yugra Archaeology and Ethnography, Surgut State University, Surgut; researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; director, ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Palyanov Petr V. – historian, archaeologist, surveyor, ANO "Institute of Archaeology of the North", Nefteyugansk
E-mail: palyanov.pv82@yandex.ru

References and literature

Literature

1. ***Balueva Yu. V., Konovalenko M. V.*** Arheologicheskij kompleks na r. Bol'shoj Salym (po materialam issledovanij 2014 g.) // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2016. Vyp. 14. S. 232–258.
2. ***Geptner V. G., Nasimovich A. A., Bannikov A. G.*** Mlekopitayushchie Sovetskogo Soyuza. Tom 1. Parnokopytnye i neparnokopytnye. M. : Izd-vo "Vysshaya shkola", 1961. S. 302–324.
3. ***Dunin-Gorkavich A. A.*** Tobol'skij Sever : V 3 t. SPb., 1904. T. 1. 208 s.
4. ***Dunin-Gorkavich A. A.*** Tobol'skij Sever : V 3 t. Tobol'sk, 1910. T. 2. 376 s.
5. ***Dubovceva E. N., Kovrigin A. A.*** Raskopki ob'ektov ohotnich'e-promyslovogo naznacheniya v Surgutskom rajone KhMAO-Yugry // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2009. Vyp. 7. S. 260–270.
6. ***Zejdel'man F. R.*** Podzolo-gleeobrazovanie. M., : Izd-vo "Nauka", 1974.
7. ***Zykov A. P.*** Barsova Gora: ocherki arheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekov'e i Novoe vremya. Ekaterinburg : Izd-vo "Ural'skij rabochij", 2012. S. 44–111
8. ***Koksharov S. F.*** Ohotnich'i yamy-lovushki na Severo-Zapade Sibiri // Znaniya i navyki Ural'skogo naseleniya v drevnosti. Ekaterinburg, 1993. S. 162–168
9. ***Kardash O. V.*** Gorodok Monkys'Urij : k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekah (po rezul'tatam k o mpleksnogo arheologicheskogo izucheniya) : v 2-h t. : monografiya / O. V. Kardash, G. P. Vizgalov. Ekaterinburg : Izd-vo "Karavan", 2015a. T. I. Arheologicheskie issledovaniya. 448 s. (Serie : Materialy i issledovaniya po istorii severa Zapadnoj Sibiri. Vyp. V).
10. ***Kardash O. V.*** Gorodok Monkys'Urij: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekah (po rezul'tata m kompleksnogo arheologicheskogo izucheniya) v 2-h t. : monografiya / O. V. Kardash, G. P. Vizgalov. Ekaterinburg : Izd-vo "Karavan", 2015b. T. II. Istochniki i special'nye issledovaniya. 208 s. (Serie : Materialy i issledovaniya po istorii severa Zapadnoj Sibiri. Vyp. V).
11. ***Kovrigin A. A., Morozov V. M., Pogodin A. A., Sergeev A. S.*** Issledovanie istoriko-arheologicheskogo kompleksa Kushnikovo v Surgutskom rajone KhMAO // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2004. Vyp. 2. S. 302–317.
12. ***Lukinyh A. A.*** Zverolovnye yamy II–XIII vv. v srednem techenii reki Samsonovskoj (po materialam kompleksny h arheologicheskih issledovanij v Nefteyuganskom rajone Khanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry). Severnyj region. Surgut-Nefteyugansk : Izdatel'skaya gruppa ANO "Institut Aheologii Severa", 2020. S. 5–28.
13. Osnovy dendrohronologii. Sbor i poluchenie drevesno-kol'cevoj informacii / SHiyatov S. G., Vaganov E. A., Kirdyanov A. V., Kruglov V. B., Mazepa V. S, Naurzbaev M. M., Hantemirov R. M. Krasnoyarsk : Izd-vo KrasGU, 2000. 80 s.
14. ***Pal'yanova M. N., Petrova E. N., Usolkina M. A.*** Arhitekturno-etnologicheskie issledovaniya yurt Kogonchinyh na territorii Sredne-Ugutskogo mestorozhdeniya nefti // Drevneye naslediye Sredney Obi. Yekaterinburg: Magellan, 2013. S. 140-172
15. ***Pogodin A. A.*** Issledovanie istoriko-kul'turnogo kompleksa Kushnikovo v Surgutskom rajone KhMAO // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2006. Vyp. 3. S. 111–113.
16. ***Rode A. A.*** Podzoloobrazovatel'nyj process. M., L. : Izd-vo AN SSSR, 1937. 454 s.
17. ***Rudkovskaya M. A.*** Lovchie zverolovnye yamy na r. Kedrovoj (Khanty-Mansijskij rajon KhMAO-Yugry) // Khanty-Mansijskij Avtonomnyj Okrug v zerkale proshlogo. Tomsk ; Khanty-Mansijsk, 2016. Vyp. 14. S. 304–316.
18. ***Chemyakin Yu. P., Karacharov K. G.*** Drevnyaya istoriya Surgutskogo Priob'ya // Ocherki istorii tradicionnogo ze mlepol'zovaniya hantov (materialy k atlasu) : nauch.-istor. ocherki. 2-e izd., ispr. i dop. Ekaterinburg : "Tezis", 2002. S. 6–73.
19. ***Shishov V. V., Popkova M. I., Tychkov I. I.*** Nelinejnoe ocenivanie dendroklimaticheskih dannyh i ego primenenie dlya territorii Sibiri. Krasnoyarsk. Izd-vo OOO RPB "Amal'gama", 2016. 128 s.

Archive sources

20. ***Gnativ V. O.*** Otchet o NIR : Arheologicheskie polevye raboty (razvedki), provedennye v zone obustrojstva mestorozhdenij OOO "RN-Yuganskneftegaz" na territorii Khanty-Mansijskogo, Nefteyuganskogo, Surgutskogo rajonov Khanty-Mansijskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry v 2016 godu. Ekaterinburg, 2017a.

21. ***Gnativ V. O.*** Proekt “Meropriyatiya po obespecheniyu sohrannosti vyyavlennyh ob’ektov kul’turnogo (arheologicheskogo) naslediya gruppa vpadin Kogonchinskoe 18, poselenie Kogonchinskoe 19, gruppa vpadin Kulunigyj 61, gruppa vpadin Kulunigyj 62, nahodyashchihsya v granicah uchastka, podlezhashchego vozdejstviyu hozyajst vennyh rabot v hode stroitel’stva ob’ekta “Obustrojstvo kusta skvazhin №30” Sredneugutskogo mestorozhdeniya sh. 3824 v Surgutskom rajone Khanty-Mansijskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry”. Nefteyugansk, 2017b.

22. ***Kardash O. V.*** Otchet o NIR : Obsledovanie perspektivnyh zon Ugutskogo mestorozhdeniya. Kniga 1. Issledovanie yugo-zapadnoj chasti Ugutskogo mestorozhdeniya v bassejne reki Bol’shoj Yugan v okrestnostyah yurt Kogonchinyh letom 2007 goda. Nefteyugansk, 2008a. Arhiv OOO “NPO Severnaya Arheologiya – 1” F. 1. D. 215/1.

23. ***Kardash O. V.*** Otchet o NIR : Issledovaniya zapadnoj chasti Ugutskogo mestorozhdeniya na pravom beregu r. Bol’shoj Yugan v okrestnostyah pos. Ugut letom 2007 goda. Kniga 2. Nefteyugansk, 2008b. Arhiv OOO “NPO Severnaya Arheologiya – 1”. F. 1. D. 215/2.

24. ***Kardash O. V.*** Otchet o NIR : Arheologicheskoe obsledovanie i topogeodezicheskaya s’emka v rajone Ugutskogo mestorozhdeniya Surgutskogo rajona Khanty-Mansijskogo Avtonomnogo Okruga – Yugry. Tom 2. Obsledovanie kompleksa arheologicheskih pamyatnikov na pravom beregu reki Bol’shoj Yugan v okrestnostyah staricy Sartym-urij i zimnih yurt Kymychevyh letom 2008 goda. Nefteyugansk, 2009a. Arhiv OOO “NPO Severnaya Arheologiya – 1”. F. 1. D. 273/3.

25. ***Kardash O. V.*** Otchet o NIR : Avarijnye arheologicheskie raskopki selishcha Atmpel’urij 12 na territorii Srednе-Ugutskogo mestorozhdeniya v Surgutskom rajone KhMAO, 2008, 2009. Nefteyugansk, 2009b. Arhiv OOO “NPO Severnaya Arheologiya – 1”. F. 1. D. 258.

26. ***Martin F. R.*** Sibirika. Nekotorye svedeniya o pervobytnoj istorii i kul’ture sibirskih narodov. Ekaterinburg ; Surgut: Izd-vo Ural’skij rabochij. 144 s.

27. ***Selyanina M. Yu.*** Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah v Surgutskom r-ne KhMAO v 1996 g. Surgut / Nauchnyi arkhiv MBUK “Surgutskii kraevedcheskii muzei”, 1997. №27.5.

28. ***Selyanina M. Yu.*** Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah v Surgutskom r-ne KhMAO v 1997 g. Surgut / Nauchnyi arkhiv MBUK “Surgutskii kraevedcheskii muzei”, 1998.

29. ***Shul’ga P. S.*** Istoriko-kul’turnye izyskaniya po proektam: “Obustrojstvo kusta №50 Ugutskogo mestorozhdeniya”, “Obustrojstvo kustov skvazhin №№24, 25, 41, 42 Sredneugutskogo mestorozhdeniya” v Surgutskom rajone KhMAO-Yugra, 2011 g. : Otchet o NIR / OOO “NPO “Severnaya Arheologiya – 1”. Nefteyugansk, 2012. Arhiv OOO “NPO Severnaya Arheologiya – 1”. F. 2 D. 410.

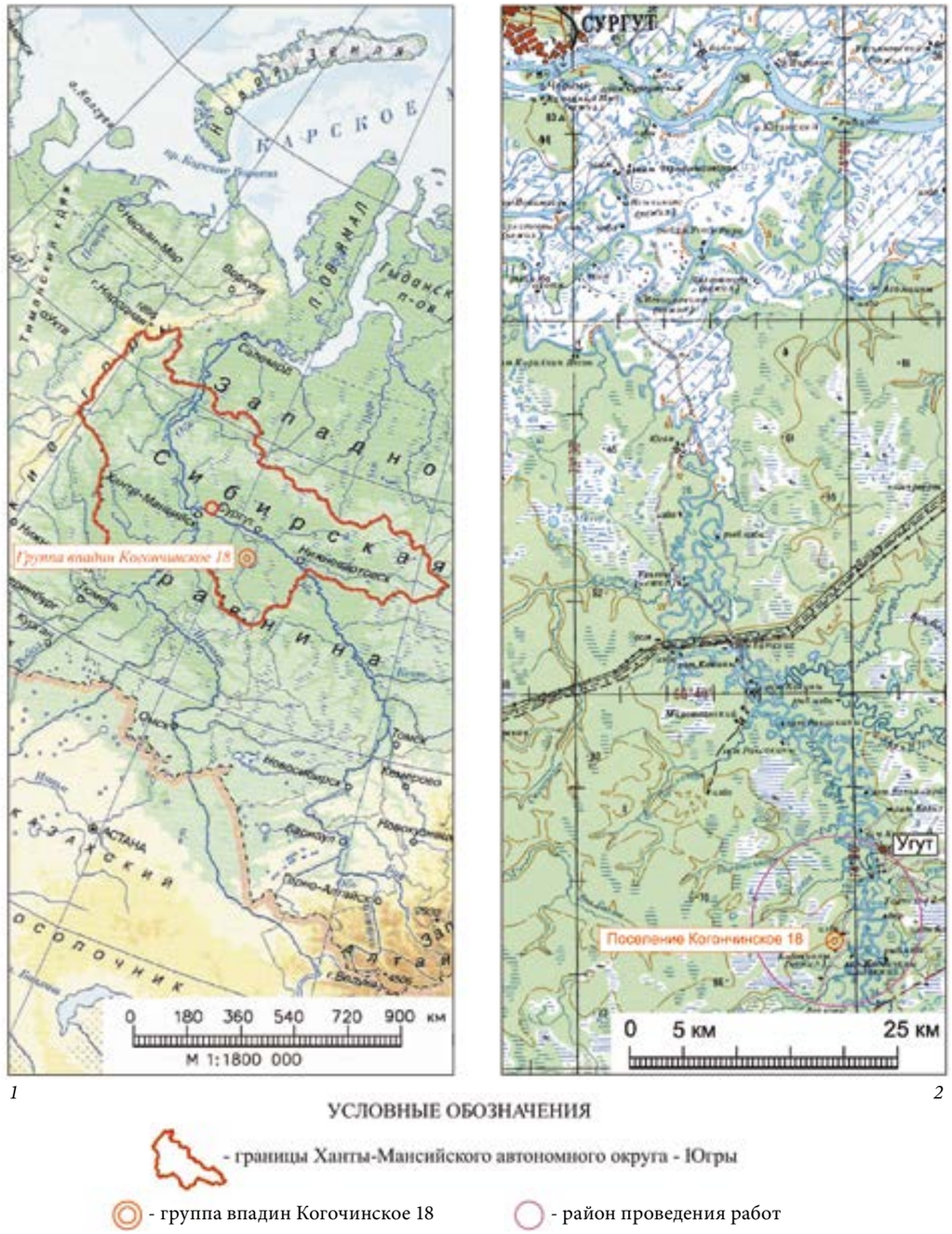
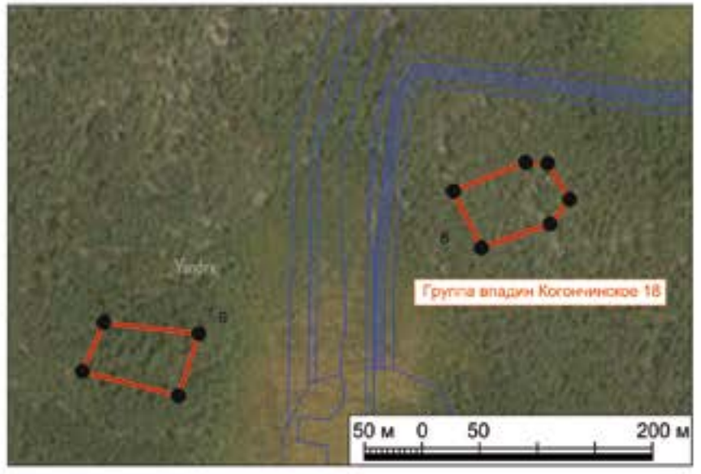


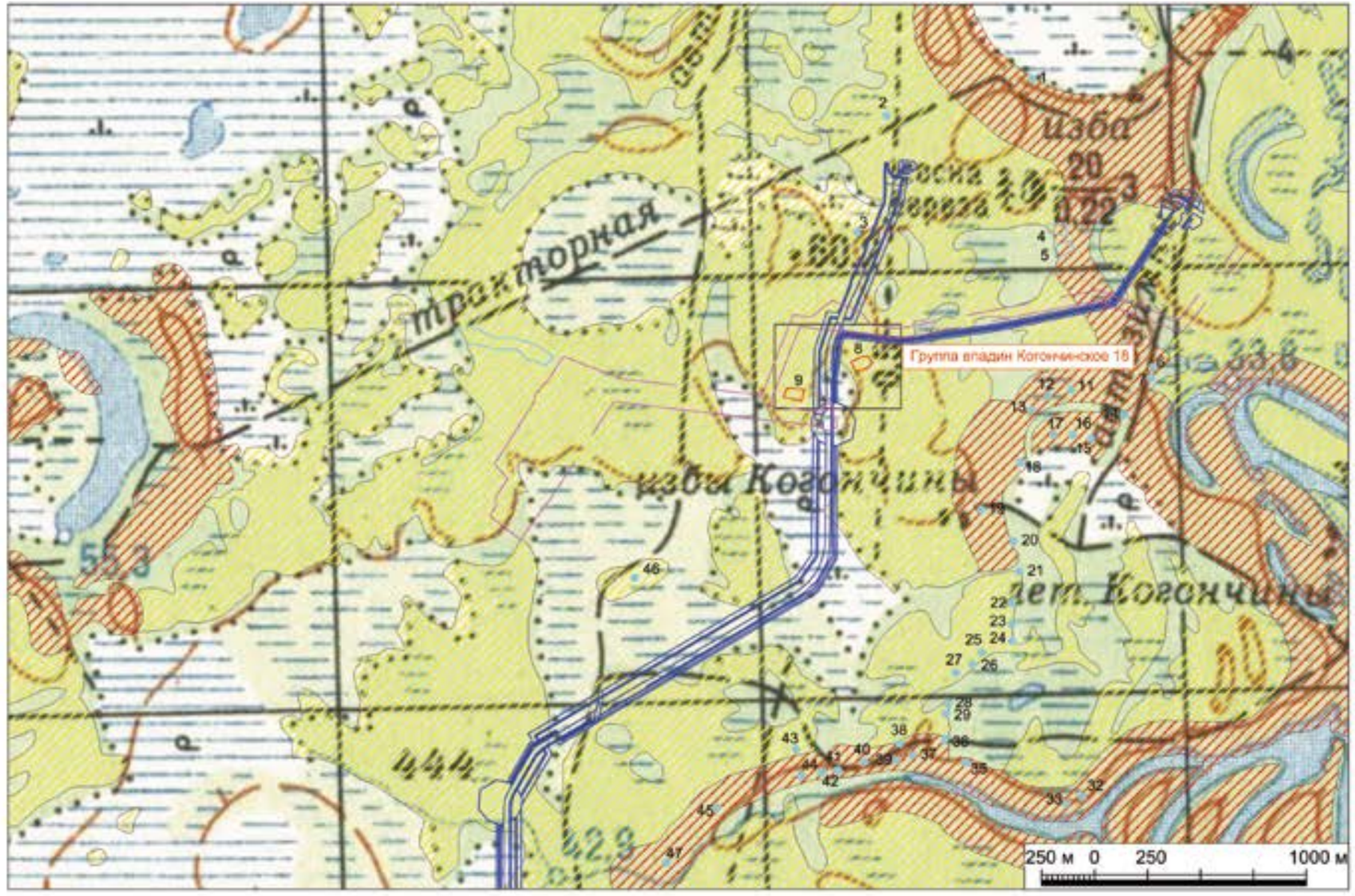
Рис. 1. Карты-схемы. Когончинское 18: *1* – обзорная схема расположения группы впадин Когончинское 18 в границах РФ. М 1 : 1800000; *2* – ситуационная схема расположения группы впадин Когончинское 18. М 1 : 50000

Fig. 1. Maps-schemes. Kogonchinskoye 18: *1* – overview map of the location of the Kogonchinskoye 18 pits group within the borders of the Russian Federation. S 1: 1800000; *2* – situational diagram of the location of the pits group Kogonchinskoye 18. S 1 : 50000

1



3



2

Рис. 2. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Карты-схемы: *1* – ситуационная схема группы впадин Когончинское 18 в границах испрашиваемого коридора коммуникаций. М 1 : 100000; *2* – расположение выявленного объекта археологического наследия и объектов обустройства месторождения. М 1 : 25000; *3* – вырезка из космоснимка. М 1 : 5000

Fig. 2. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Maps-schemes: *1* – situational diagram of the group of pits Kogonchinskoye 18 within the boundaries of the requested communications corridor, S 1 : 100000; *2* – the location of the identified object of archaeological heritage and field development facilities. S 1 : 25000; *3* is a clipping from a satellite image. S 1 : 5000

Экспликация:

1 – могильник Нехсап 3
2 – ловчая яма Несхап 4
3 – группа ловчих ям Несхап 5
4 – поселение Когочинское 16
5 – впадина Когочинское 17
6 – селище Когочинское 12
7 – городище Тогнэр-вантын
8 – группа впадин Когочинское 18
9 – поселение Когочинское 19
10 – группа ловчих ям Когочинское 15
11 – селище Когочинское 13
12 – селище Когочинское 14
13 – селище Когочинское 9
14 – селище Когочинское 11
15 – городище Когочинское 2
16 – селище Когочинское 10
17 – селище Когочинское 8
18 – городище Когочинское 1
19 – юрты Когочины зимние 1
20 – городище Когочинское 3
21 – селище Когочинское 7
22 – селище Когочинское 6
23 – селище Когочинское 5
24 – селище Когочинское 4
25 – селище Пеу 5
26 – городище Пеу 2
27 – селище Пеу 15
28 – селище Пеу 6
29 – городище Пеу 2
30 – юрты Когочины летние 3 (лабаз с реликвиями Кон-пах-ики)
31 – селище Пеу 17
32 – селище Пеу 21
33 – селище Пеу 16
34 – селище Пеу 19
35 – селище Пеу 1
36 – селище Пеу 7
37 – кладбище юрт Когочиных зимних 1
38 – селище Пеу 1с
39 – городище Пеу 1
40 – селище Пеу 14
41 – селище Пеу 13
42 – селище Пеу 12
43 – зарубки Когочиных
44 – селище Пеу 11
45 – селище Пеу 10
46 – юрты Когочины зимние 2 (жертвенное место Чув-ики-кон-пах)
47 – селище Пеу 9
48 – селище Пеу 2

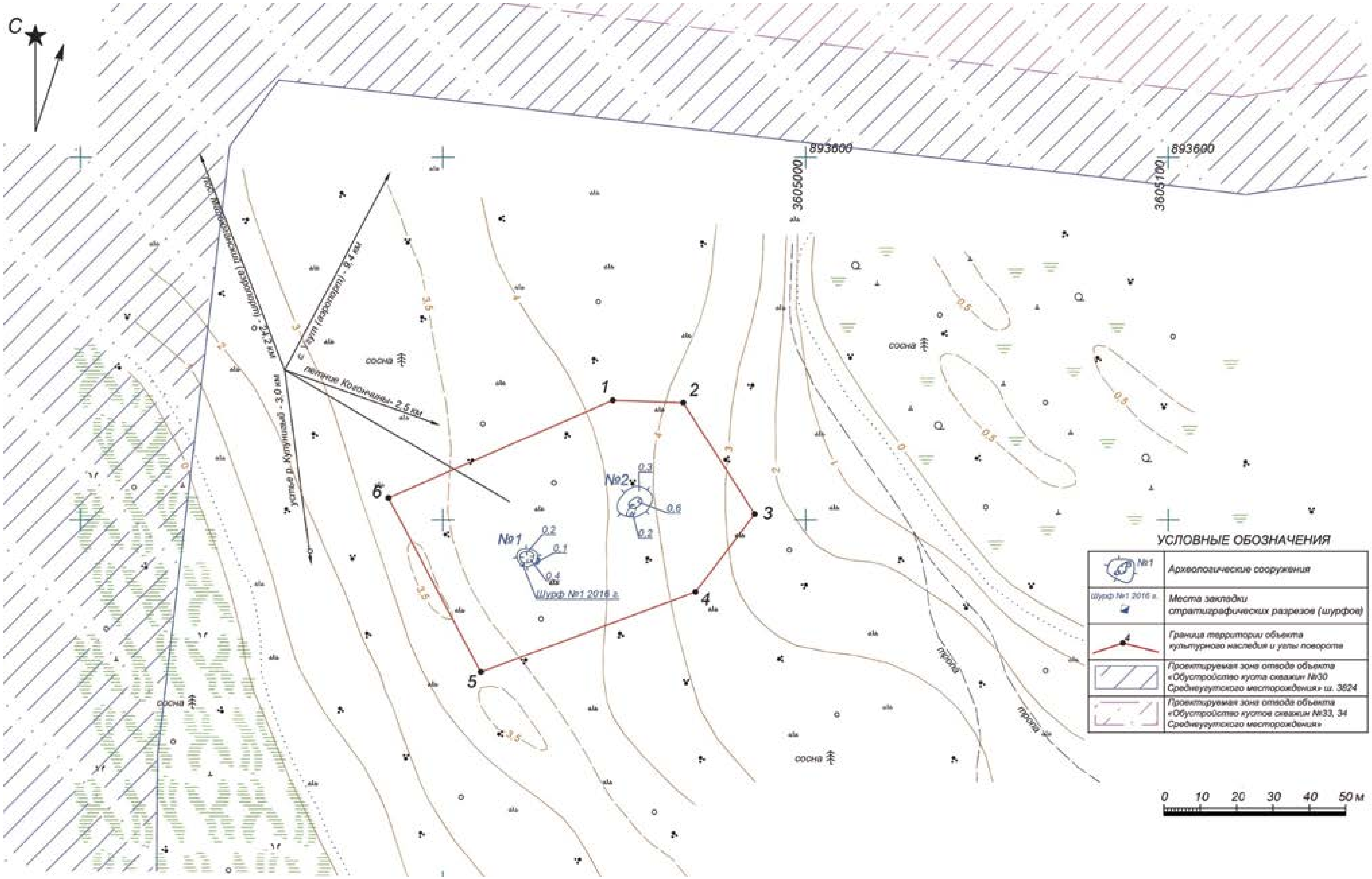


Рис. 3. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Топографический план. М 1 : 1000
Fig. 3. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Topographic plan. S 1 : 1000

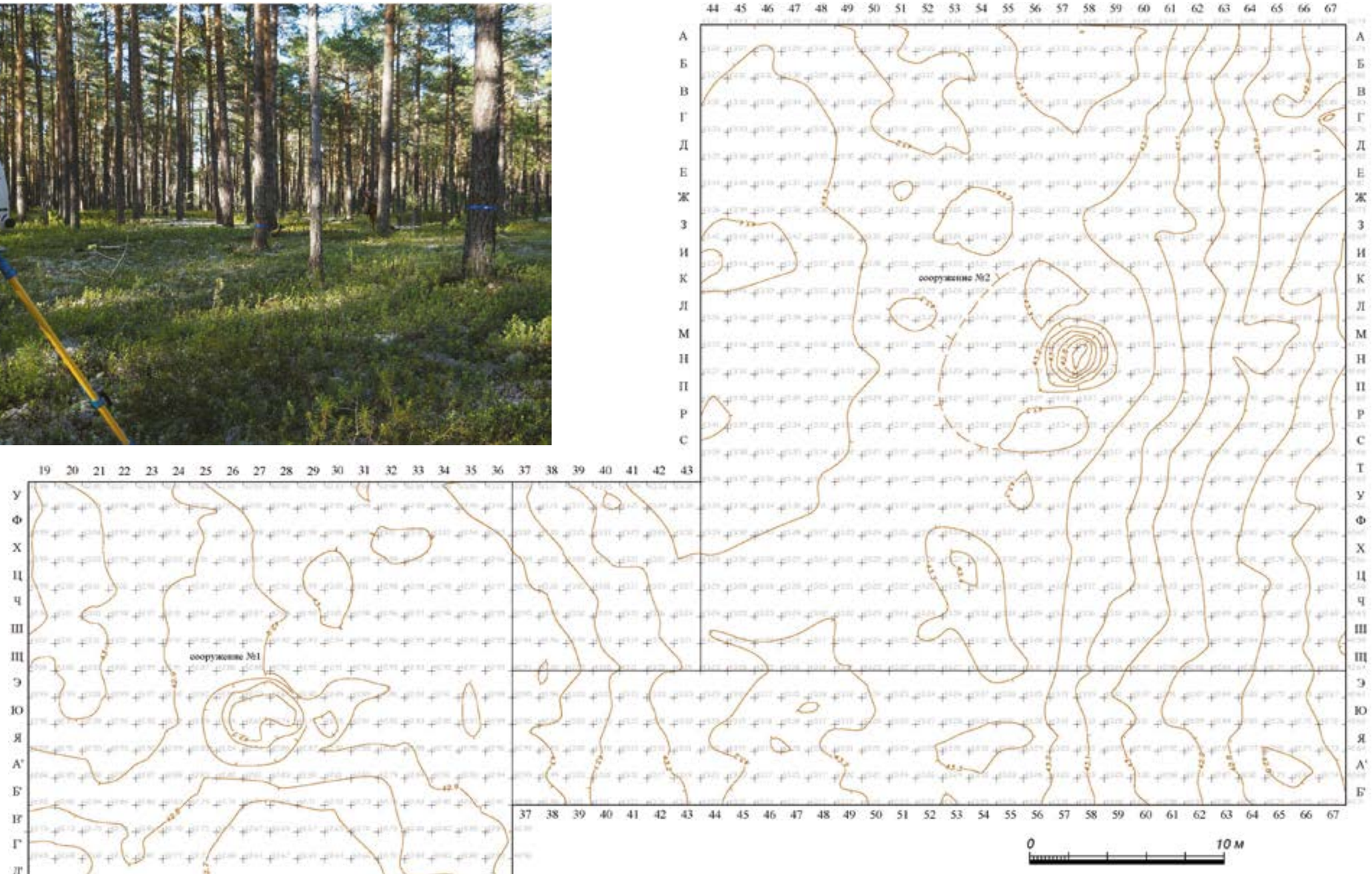


Рис. 4. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Фотографии объекта до начала раскопок, процесс нивелировки территории

Fig. 4. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Photographs of the object before the start of excavations, the process of leveling the territory

Рис. 5. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Нивелировочный план. Чертеж. М 1 : 200

Fig. 5. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Leveling plan. Drawing. S 1 : 200

1		- дерн
2		- светло-серый песок (современный оподзоленный слой)
3		- темно-желтый песок (материковый слой)
4		- светло-желтый песок (материковый слой)
5		- остатки корней деревьев
6		- темно-серый песок (погребенный дерн)
7		- желтый песок (переотложенный слой)
8		- серый песок (погребенный дерн)
9		- желто-серый переотложенный слой (выход из котлована сооружения)
10		- белый песок (современный подзол)
11		- бурая углистая супесь (слой очага кострища)
12		- пестрая супесь с вкраплениями угля (заполнение котлована сооружения)
13		- бледно-желтая погребенная оподзоленная супесь
14		- бледно-бежевая слоистая супесь (материковый слой)

Рис. 6. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Условные обозначения для представленных далее чертежей
Fig. 6. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Legends of the drawings presented below

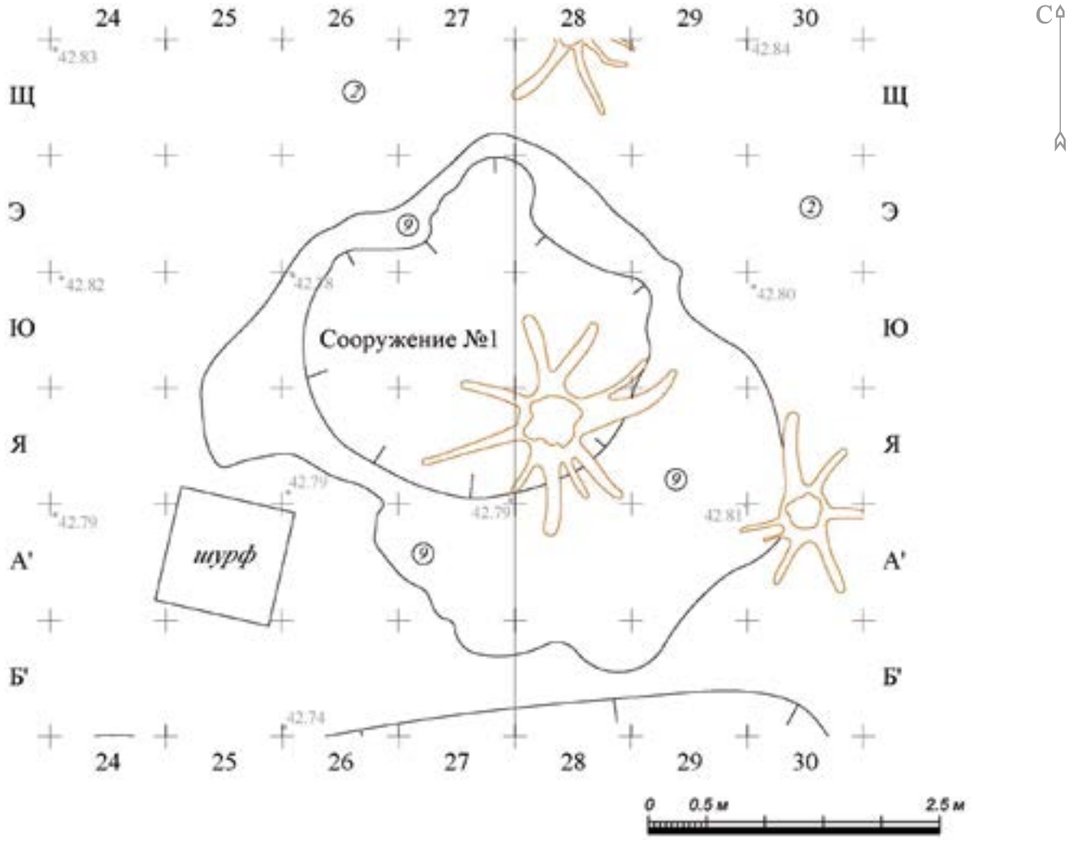


Рис. 7. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 1. Уровень фиксации 42,80 м. Чертеж. М 1 : 50
Fig. 7. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 1. Fixation level 42.80 m. Drawing. S 1 : 50

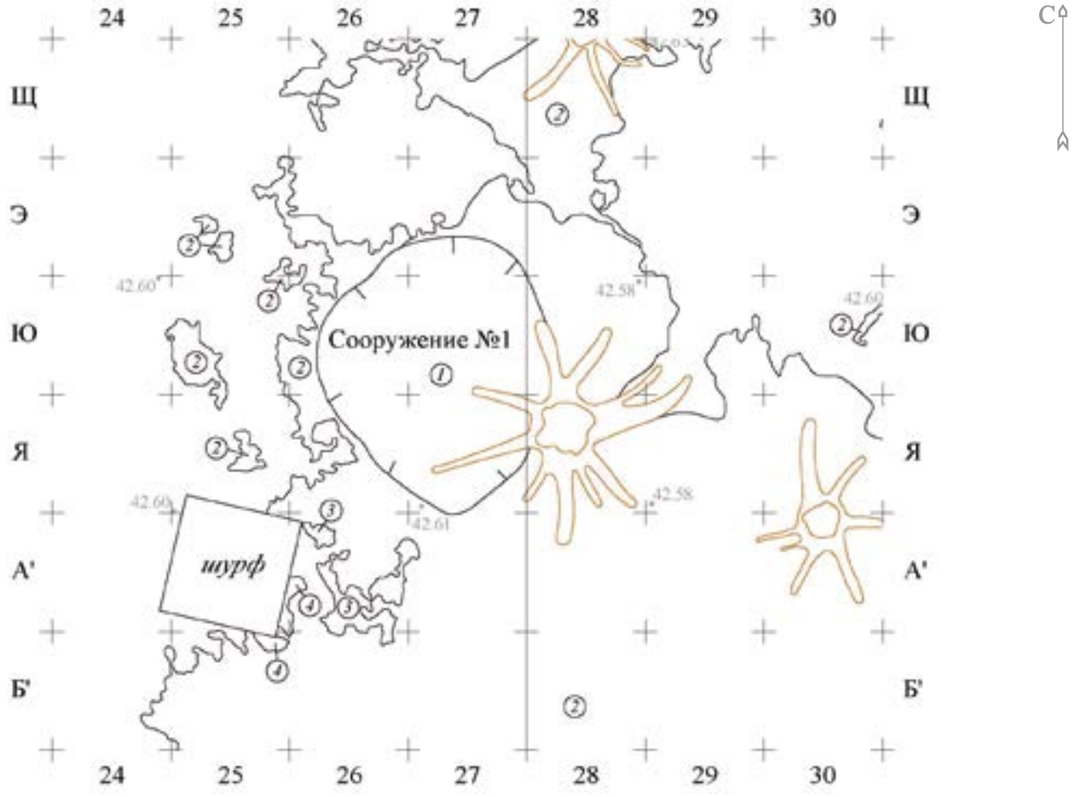


Рис. 8. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 1. Уровень фиксации 42,60 м. Чертеж. М 1 : 50
Fig. 8. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 1. Fixation level 42.60 m. Drawing. S 1 : 50

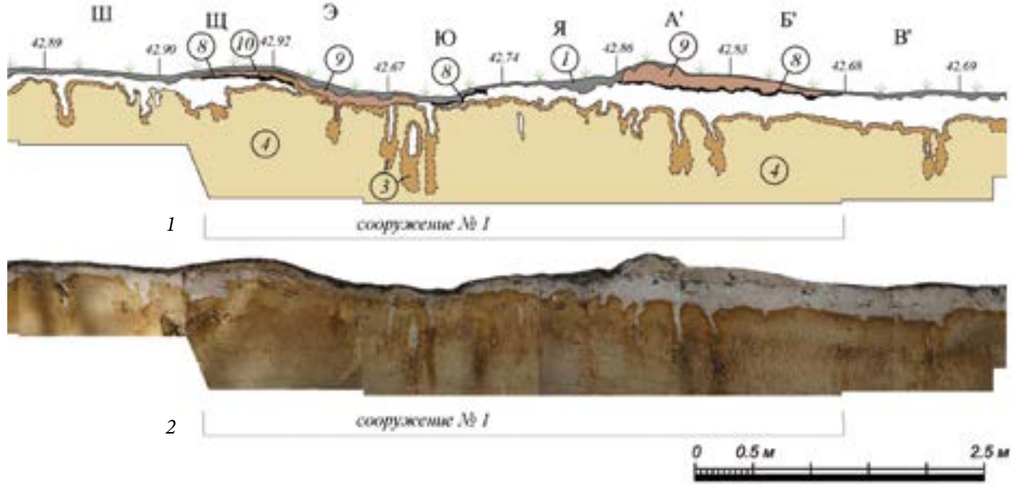


Рис. 9. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 1. Стратиграфические разрезы: *1* – чертеж, *2* – фотоплан. М 1 : 50
Fig. 9. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 1. Stratigraphic sections: *1* – drawing, *2* – photo plan. S 1 : 50

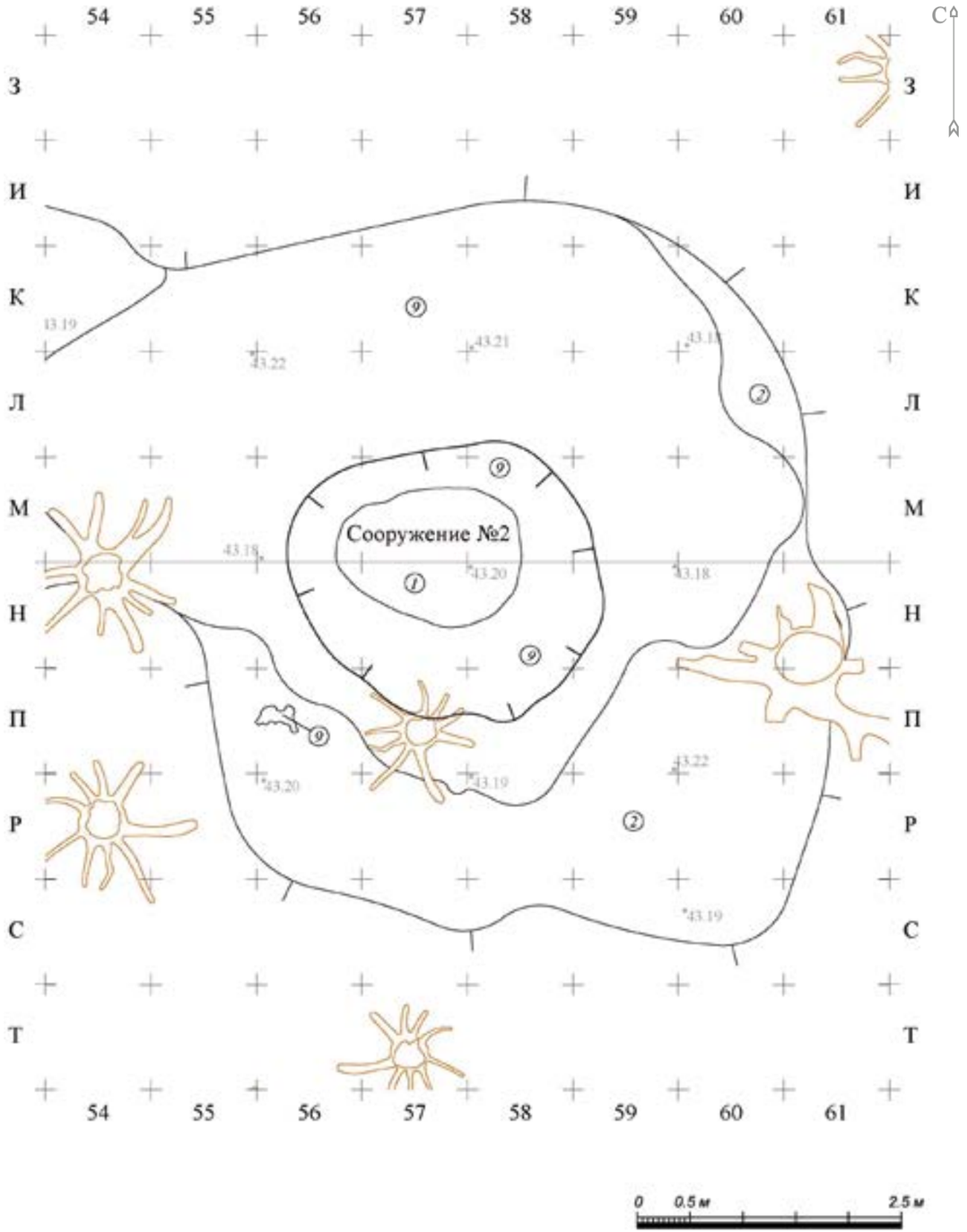


Рис. 10. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Уровень фиксации 43,20 м. Чертеж. М 1 : 50
Fig. 10. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. Fixation level 43.20 m. Drawing. S 1 : 50

Рис. 11. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Фото. Вид с севера
Fig. 11. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. The picture. View from the north

Рис. 12. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Фото. Вид с востока
Fig. 12. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. The picture. View from the east

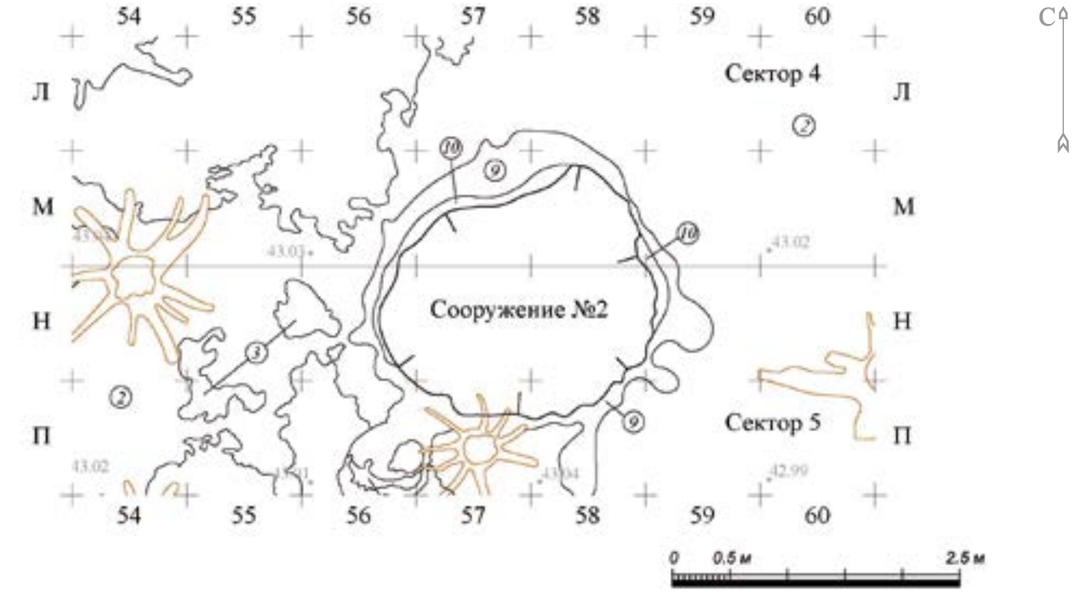


Рис. 13. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Уровень фиксации 43,0 м. Чертеж. М 1 : 50
Fig. 13. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. Fixation level 43.0 m. Drawing. S 1 : 50

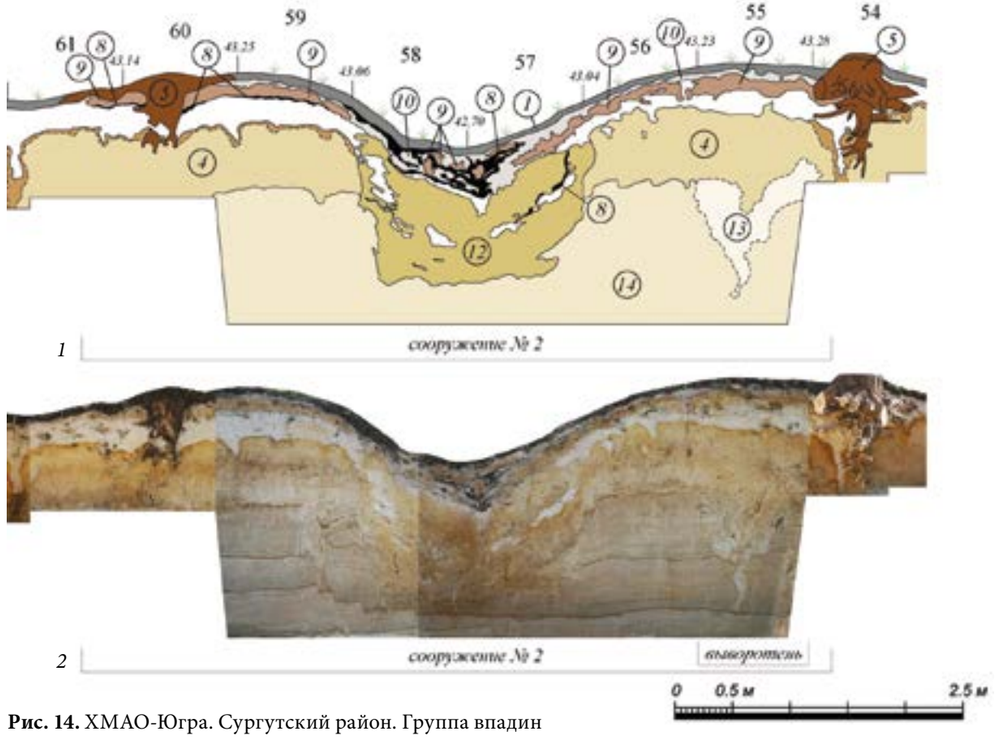


Рис. 14. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Стратиграфические разрезы: 1 – чертеж; 2 – фотоплан. М 1 : 50
Fig. 14. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. Stratigraphic sections: 1 – drawing; 2 – photo plan. S 1 : 50

Рис. 15. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Фото раскопа на уровне фиксации 42,40 м. Сектор 4. Вид с севера
Fig. 15. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. The picture of the excavation at the fixation level of 42.40 m. Sector 4. View from the north

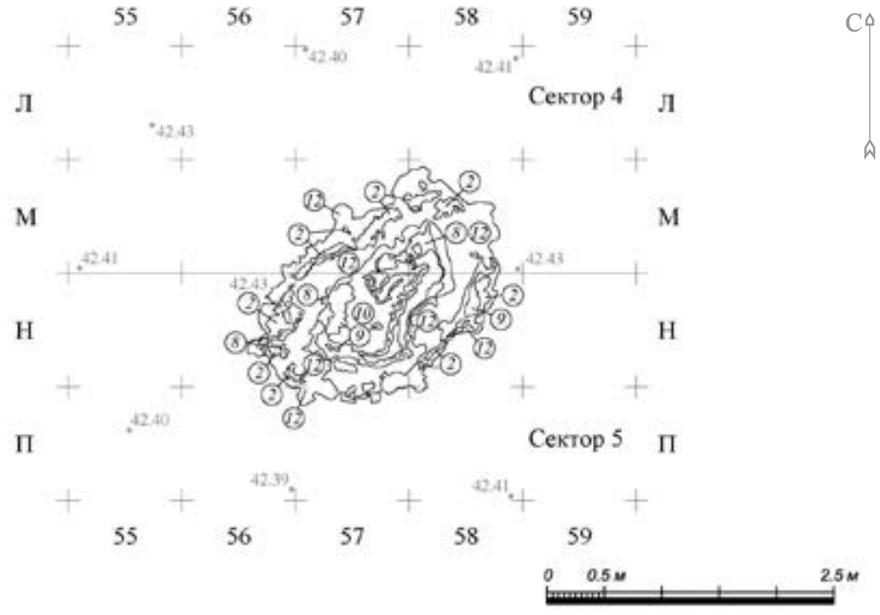


Рис. 16. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Уровень фиксации 42,40 м. Чертеж. М 1 : 50
Fig. 16. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. Fixation level 42.40 m. Drawing. S 1 : 50

Рис. 17. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Фото раскопа на уровне фиксации 42,10 м. Сектор 5. Вид с севера

Fig. 17. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. The picture of the excavation at the fixation level 42.10 m. Sector 5. View from the north

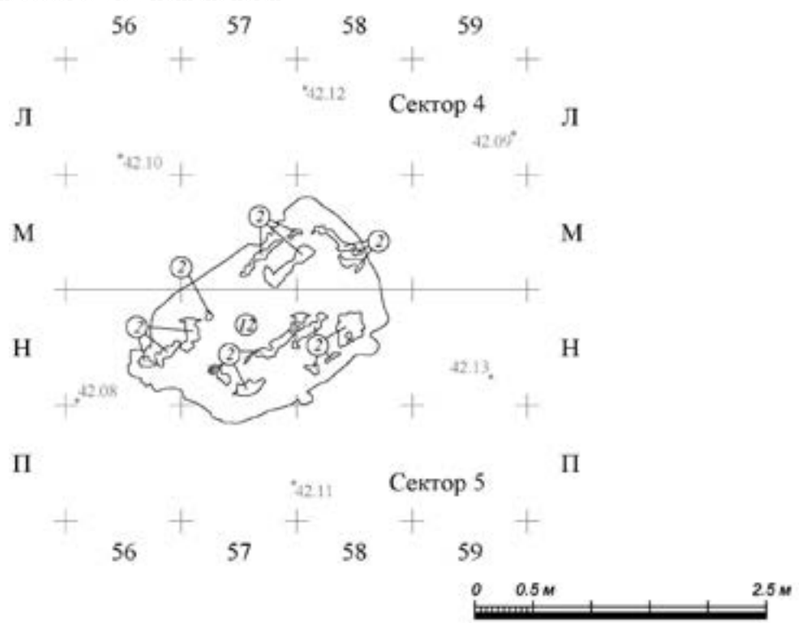


Рис. 18. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Уровень фиксации 42,10 м. Чертеж. М 1 : 50

Fig. 18. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. Fixation level 42.10 m. Drawing. S 1 : 50

Рис. 19. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Фото раскопа на уровне фиксации 41,90 м. Сектор 5. Вид с юга, юго-запада

Fig. 19. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. The picture of the excavation at the fixation level of 41.90 m. Sector 5. View from the south, south-west

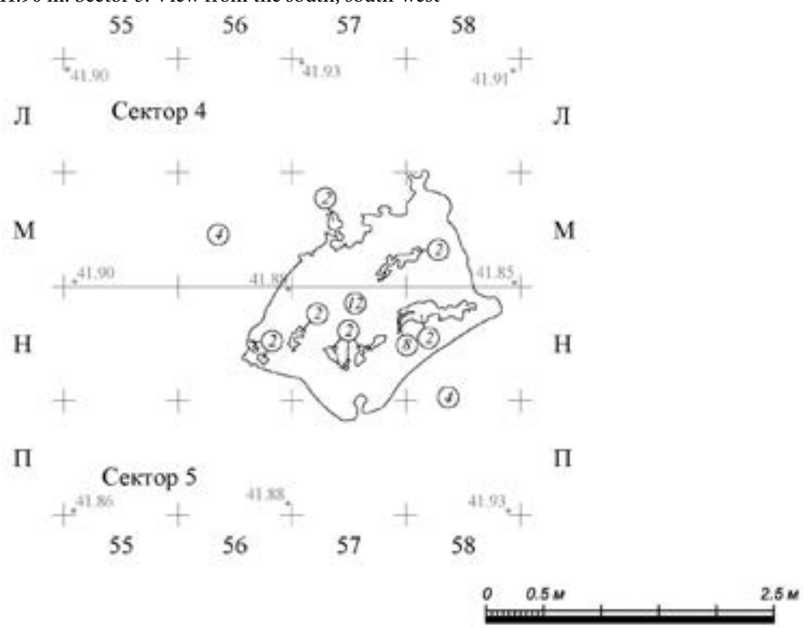


Рис. 20. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Уровень фиксации 41,90 м. Чертеж. М 1 : 50

Fig. 20. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. Fixation level 41.90 m. Drawing. S 1 : 50

Рис. 21. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Фото раскопа на уровне фиксации 41,70 м. Сектор 4. Вид с севера

Fig. 21. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. The picture of the excavation at the fixation level of 41.70 m. Sector 4. View from the north

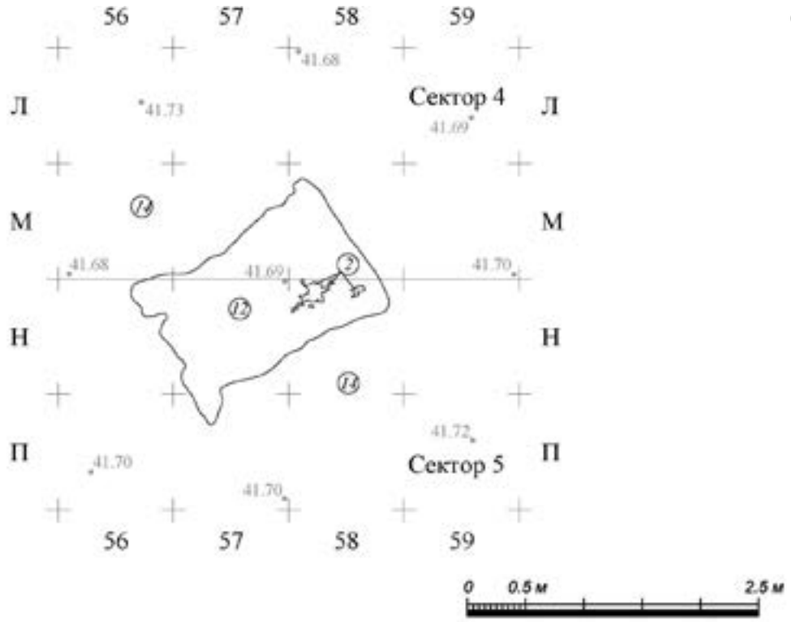


Рис. 22. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Уровень фиксации 41,70 м. Чертеж. М 1 : 50

Fig. 22. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. Fixation level 41.70 m. Drawing. S 1 : 50

Рис. 23. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Фото раскопа на уровне фиксации 41,50 м. Сектор 4. Вид с севера

Fig. 23. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. The picture of the excavation at the fixation level of 41.50 m. Sector 4. View from the north

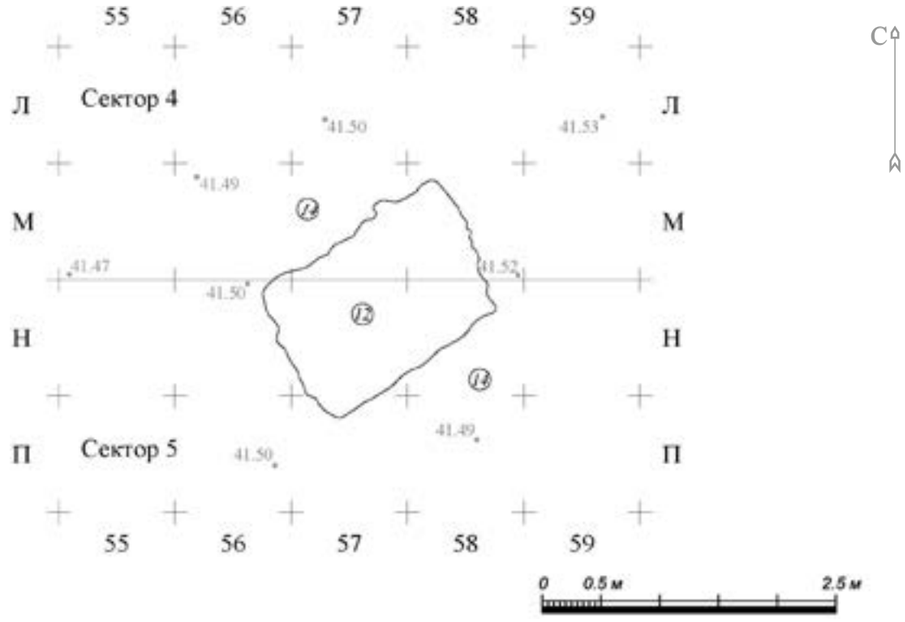


Рис. 24. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сооружение 2. Уровень фиксации 41,50 м. Чертеж. М 1 : 50

Fig. 24. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Structure 2. Fixation level 41.50 m. Drawing. S 1 : 50

Рис. 25. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сектор 6. Кострище, уровень фиксации 43,0 м

Fig. 25. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Sector 6. Fireplace, fixation level 43.0 m

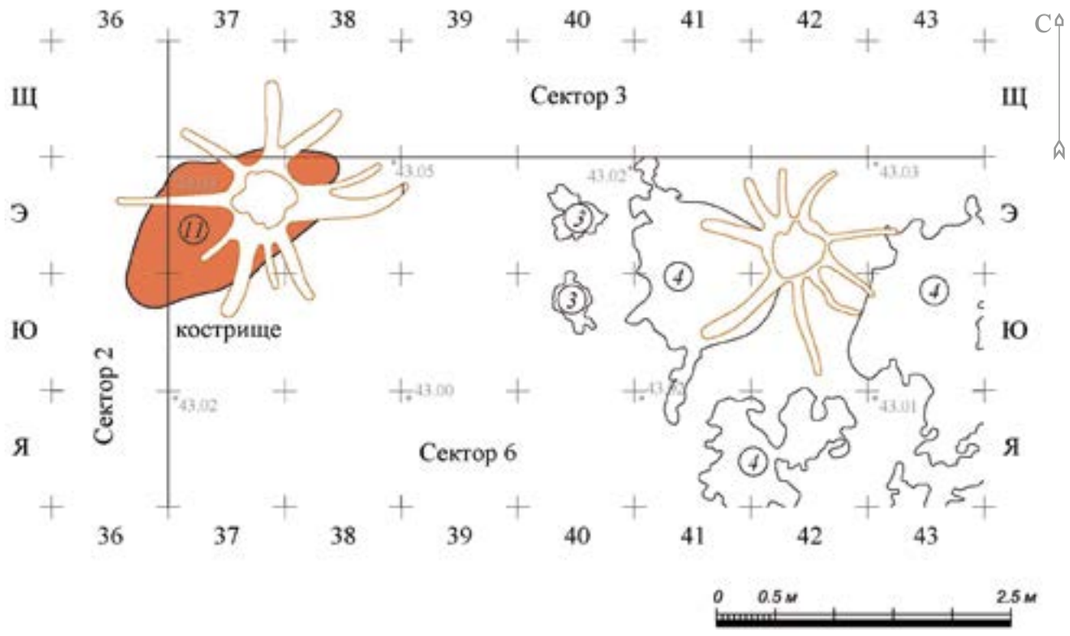


Рис. 26. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сектор 6. Уровень фиксации 43,0. Чертеж. М 1 : 50

Fig. 26. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Sector 6. Fixation level 43.0. Drawing. S 1 : 50

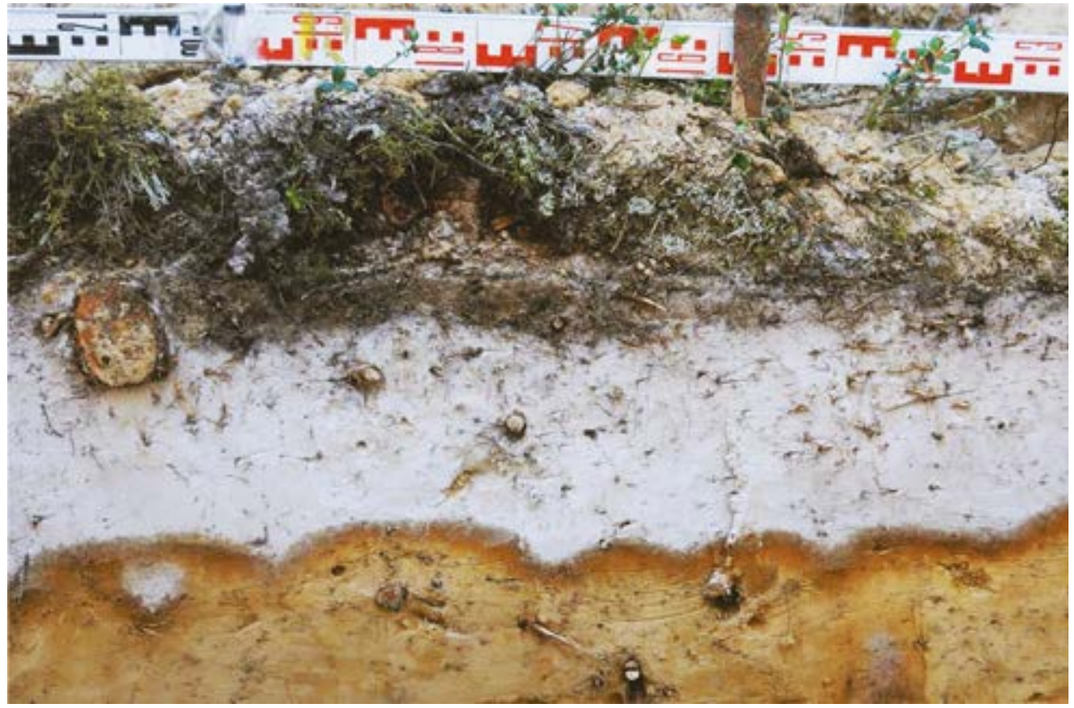


Рис. 27. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сектор 6. Кострище. Разрез 5-5'. Фото. Вид с запада

Fig. 27. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Sector 6. Bonfire. Incision 5-5'. A . View from the west

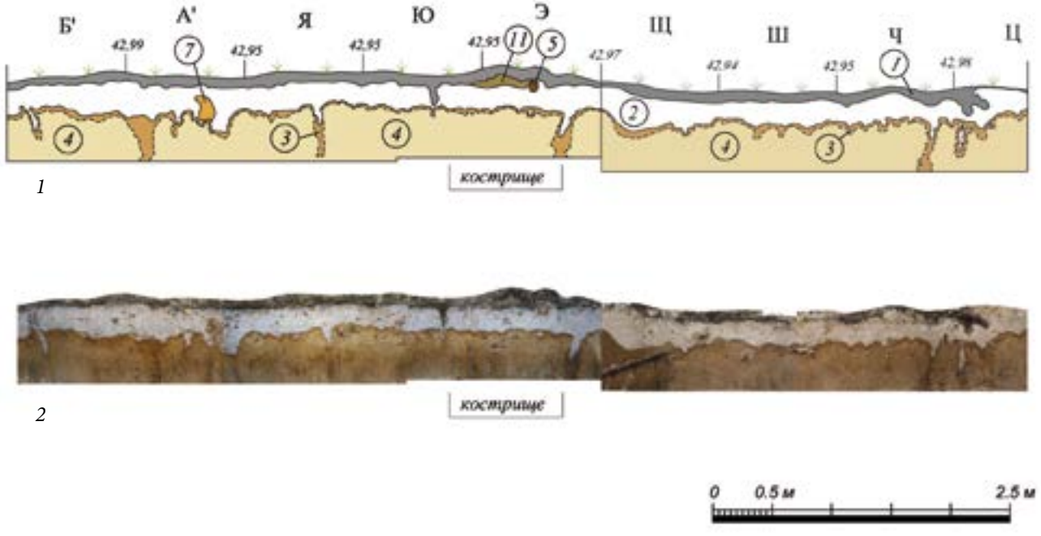


Рис. 28. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Сектор 6. Стратиграфические разрезы: *1* – чертеж; *2* – фотоплан. М 1 : 50

Fig. 28. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Sector 6. Stratigraphic sections: *1* – drawing; *2* – photo plan. S 1 : 50

Рис. 29. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Фрагменты костей в очажном слое
Fig. 29. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Fragments of bones in the hearth layer

Рис. 30. ХМАО-Югра. Сургутский район. Группа впадин Когончинское 18. Орудие из камня
Fig. 30. KhMAO-Yugra. Surgut district. Group of pits Kogonchinskoye 18. Stone tool

ЭТНОГРАФИЯ
ETHNOGRAPHY

УДК 392
DOI 10.31630/2949-3609-2023-1-142-155

Попов А. А.

НГАНАСАНЫ. ГОДОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ. ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО (ФРАГМЕНТ)

Охота на диких оленей считается у нганасанов одним из самых выгодных и в то же время благородных занятий, ради которого они бросают другие, не менее прибыльные промыслы, например рыболовство. Массовый характер принимает охота на диких оленей сразу же после линьки гусей.

В это время люди нервничают и при крике «дикий олень!» готовы бежать куда угодно.

Такое состояние охотников очень красочно описывает А. Ф. Миддендорф: «Дичь стала приближаться: я не узнал своих друзей. Кровь их закипела, как у самой горячей охотничьей собаки. Возбужденная до крайности страстность их сказывалась в отрывочных замечаниях: по временам они обменивались коротенькими восклицаниями, свидетельствовавшими о спертом дыхании, и когда животные, по-видимому, хотели уйти в сторону, то охотники стали издавать громкие, похожие на вой, протяжные вопли в высоких тонах; ими вполне овладела самая страстная возбужденность, и мне, привыкшему к строгому соблюдению порядка при европейских облавах, казалось, что теперь все дело испорчено. Но открытая тундра обширнее, чем ее себе представляет новичок, ветер был выбран превосходно, животные ничего не слышали и даже вдруг пошли прямо на нас. Как пораженные молнией, сотоварищи мои по охоте пали на землю за снеговые покрытия. Несколько минут спустя стадо с лишком в 30 голов подошло к нам и пробежало мимо нас шагах в пятидесяти. Две, даже три стрелы каждый самоед успел вынуть через плечо из своего колчана и пустить в животных, прежде нежели они ушли из-под выстрела, но даже и на таком расстоянии большая часть стрел не попала в цель. Так неукротим был дикий охотничий пыл у этих детей природы, умевших иногда убивать чаек на лету!».

С наступлением охотничьего сезона в корне нарушается обычный распорядок дня. В эту пору приходится удивляться неисчерпаемой энергии этих людей, не знающих усталости. Приведу иллюстрацию из жизни одной (во многом типичной) семьи нганасанов. Дело происходит во второй половине июля. Уранник Окуо, глава семьи, уже пожилой, во время стоянок до двухтрех часов ночи занимается рыбной ловлей. Два его взрослых сына все время недосыпают, так как ночами по очереди сторожат оленей. После краткого сна, продолжающегося не более двух часов, сыновья Уранника охотятся на диких оленей или участвуют в коллективном промысле сетями диких гусей. В это время днем по очереди пасут оленей подростки – дочери Уранника.

Пойманная дичь во избежание порчи немедленно свежуется женщинами; мясо диких оленей, гусей и рыб нарезается кусочками и развешивается для вяления. Выпотрошить в течение дня несколько сот гусей, несколько десятков рыб и оленей – работа нелегкая. Кроме того, необходимо вытопить жир из гусиных и рыбьих внутренностей и кожи. Вечером нужно заняться чинкой и просушкой охотничьей одежды, и особенно обуви. Женщины ложатся только под утро и тоже спят не более двух-трех часов. Из этого можно видеть, сколько труда и энергии требует сезон охоты не только от мужчин, но и от женщин.

Подготовка к охотничьему сезону начинается еще с зимы. Главы семейств договариваются, кому из них с кем кочевать совместно, строго размежевывают территории кочевых групп, чтобы охотиться рационально, не разгоняя зверя. Границы летних охотничьих территорий (как и состав самих охотничьих групп) ежегодно изменяются, но в продолжение одного сезона остаются неизменными. Уже с весны охотники запасаются свинцом, порохом, дробью и пистонами. Во время охоты ездят на специальных оленях (basupsa), которые в другое время года в качестве ездовых не используются. Обычно для этого выбираются важенки, так как они считаются выносливее быков, при этом большей частью малообученные, дикие, не пригодные для езды в аргишной упряжке. Заранее заготовляется много «подполозников» – деревянных брусков, подбиваемых с нижней стороны полозьев нарт для предохранения последних от стирания при быстрой езде охотников по каменистой тундре. Во время охотничьего сезона беспокойных лающих собак убирают в чум или даже убивают, чтобы они не распугивали зверя.

Летом на диких оленей охотятся главным образом пешком. Встают охотники рано утром, осенью и зимой даже до рассвета, чтобы к восходу солнца быть уже на месте, так как дикий олень к вечеру становится более чутким. Некоторые предпочитают поэтому охотиться при свете луны. В большинстве случаев на промысел отправляются натощак, подкрепляя себя на месте сырым мясом убитых оленей, так что при неудачной охоте зачастую возвращаются домой голодными.

С. 29–40. Печатается по изданию: Попов А. А. Нганасаны. Вып. I. Материальная культура. М.- Л. : Издательство Академии наук СССР, 1948. 124 [36] с.

Дикий олень очень чуток, поэтому подкрадываться к нему можно только с подветренной стороны. Ветреные и пасмурные дни считаются самыми удобными для охоты, так как ветер хорошо заглушает звуки, а в пасмурную погоду олень хуже видит.

Авамские нганасаны при летней охоте привязывают снизу к ложу ружья маленькие лыжеобразные подставки из оленьего рога или мамонтовой кости (tьnta), длиной 16 см. Этот снаряд служит им при стрельбе для упора ружья (рис. 4, В).

Дикий олень, преследуемый охотником, бежит рысцой, время от времени останавливаясь и оглядываясь. Охотник гонится за ним, скрываясь за кустами, глыбами камней и другими естественными прикрытиями, стараясь зайти к нему спереди. Быстрота бега нганасана изумительна: о некоторых мне говорили, что они догоняют телят диких оленей и схватывают их заднюю ноту. Иногда охотнику приходится бежать за одним оленем километров десять. Важенки бегают быстрее самцов и не так скоро изнуряются, поэтому догнать их значительно труднее. Особенно много труда тратит охотник, преследуя раненых оленей. Если охота происходит в горах, раненый олень поднимается на самый верх горы, где искусно скрывается за каким-либо естественным прикрытием; если же охота происходит вблизи озера, он заплывает на самую середину озера и выжидает, пока охотник не уйдет. Преследовать оленя, у которого прострелена нога, считается делом почти безнадежным, так как и тяжело раненный олень, даже с простреленным желудком, часто находит в себе силы убежать далеко. В этих случаях охотник не преследует оленя, а уходит домой. Оставленный в покое олень ложится невдалеке от места ранения и околевает; на следующий день охотник без особого труда его находит. Случается, что подстреленный олень не околевает, а лишь обмирает и очнувшись убегает. Поэтому подстреленного оленя охотник добивает ножом. В редких случаях, и лишь тогда, когда олени многочисленны, на них охотятся с ружьями одновременно несколько человек.

При индивидуальной охоте с ружьем стрелки стараются выбирать из стада самых жирных и больших оленей; часто, прежде чем выстрелить, выжидают, пока несколько оленей не станут рядом, чтобы одной пулей можно было убить несколько животных. Из одного стада в лучшем случае убивают 5–6 оленей, но это удается только самым опытным охотникам. На охоте каждый старается проявить свою находчивость, придумывая всевозможные уловки для добычи зверя; так, один из охотников передавал мне: «Я иногда при охоте на дикого хитрю. Увидев его издалека, на длинной веревке пускаю своего оленя. Дикий олень через некоторое время начинает следовать за ним. Тогда я, воткнув в землю палочку, привязываю своего оленя, а сам прячусь. И когда дикий олень подойдет к моему оленю, стреляю в него».

В старину, когда домашних оленей было немного, охотнику приходилось убитого дикого оленя тащить на себе. Чтобы доставить к чуму одного оленя, требовалось участие двух людей. Туша разрезалась на две части. Одну половину взваливал на спину один охотник, другую – другой. Внутренности оленя, завернув в шкуру в виде свертка, несли в руках. Если дикого оленя убивали на вершине горы, то спускали его вниз, скатывая по склону; при этом от его брюшины почти ничего не оставалось.

Пеший охотник, убив дикого оленя, вынимает внутренности, снимает с него шкуру и прикрывает ею сверху тушу, придавливая края камнями или дерном. Затем он надевает на рога оленя одежду или же около туши втыкает палку (шомпол) и привешивает к ней тряпку, чтобы создать нечто вроде пугала и уберечь тушу от чаек, приносящих много вреда охотникам и рыболовам.

Охотник редко сам привозит добычу домой; обычно за ней едет кто-либо из его домашних, чаще всего женщины. Летом на одной легковой нарте, запряженной тремя или четырьмя оленями, можно привезти тушу одного быка или двух важенок. Если нарта прочная, она выдержит и трех (маленьких) оленей, при условии, если возчик будет идти пешком.

На оленях охотники ездят летом только на большие расстояния; остающиеся семьи предупреждают их, на каком месте они предполагают устроить свое новое стойбище, чтобы при возвращении охотники могли найти их, не блуждая. Дальние охотничьи поездки летом продолжаются 2–3 дня. Обычно они совершаются в горы. Охотник, прибыв на место, распрягает своих ездовых оленей и оставляет их в долине, пустив на длинной веревке, а сам поднимается в горы искать зверя. Такие поездки совершаются километров на 100–150 от стойбища. При этом снаряжение охотника бывает чрезвычайно бедным. Приведу один пример.

Два молодых нганасана Недяку и Нгоробие поехали 1 августа 1937 г. охотиться на диких оленей в хребты Северо-Восточного плато. Поехали они на двух нартах, запряженных четырьмя оленями каждая. На случай к нартам привязали еще по одному запасному оленю. Снаряжение этих двух охотников состояло из пистонного ружья, винтовки, аркана для ловли оленей, маленького медного чайника, двухсот граммов байхового чая, четвертушки листового табака, двух коробок спичек, пороха, пуль, пистонов и около 10 патронов. Кроме того, они взяли с собою по две пары обуви, по одной паре стелек из шкуры гагары (чтобы не отбить пяток при ходьбе по камням), топор и лучковое сверло, на случай поломки нарты. Провизии не взяли никакой, если не считать двух горстей мелко нарезанного вяленого мяса, которое было насыпано женщинами (помимо желания охотников) в один из запасных бакарей. Все снаряжение (за исключением топора и сверла, положенных на сиденье нарты) уложили в мешочек. К нему привязали веревочную петлю, чтобы надевать ее на шею при переправах через глубокие горные речки, когда заливает нарты и охотники вынуждены переправляться,

стоя ногами на сиденье нарты. К передку одной из нарт привязали железную кружку для чая. Кроме того, каждый из охотников захватил с собой по два совика (меховая одежда с капюшоном): один – вместо постели, другой – вместо одеяла. Когда я спросил охотников, почему они не взяли провизии, они ответили мне, что предполагают «согудать»[1] мясом убитых диких оленей. Во время поездок, в случае дождя или снега, шалашом служит поставленная на бок нарта, покрытая совиком или шкурой убитого оленя.

В середине августа охотники (tangarutuo) небольшими группами, втроем или вчетвером, оставив свои стада в тундре, выезжают на легковых нартах в отроги хребта Быррaнга или Северо-Восточного: образуются маленькие караваны, состоящие из немногочисленного стада свободно идущих ездовых оленей и нарты с несколькими жердями для чума, с одним или двумя нюками. Вместе с караваном едет одна женщина, на обязанности которой лежит устанавливать чум, приготовлять пищу для охотников, а главное – чинить их обувь и вялить мясо добытых диких оленей. Охота продолжается дней 15–20; охотники пешком обходят хребты и долины горных речек. Оленей используют только для привоза убитой добычи. Чтобы лучше замаскироваться, охотники надевают старую одежду с облезшей шерстью, а на голову – шапку из черных камусов оленьих телят. Такая одежда хорошо подходит под цвет камней.

С выпадением снега пешая охота заменяется санной. В легковую нарту запрягают четырех оленей, преимущественно важенок, как более выносливых, и пускаются в погоню за дикими оленями. Последние всегда стараются перебежать дорогу охотнику, который, пользуясь этим обстоятельством, останавливает свою нарту и стреляет. Во второй половине октября или в ноябре, когда у диких оленей начинается гон, самцы нередко пристают к стаду домашних оленей. Часто их пригоняют к домашним оленям и сами охотники. Делается это так: один из охотников, объезжая вокруг стада диких, с большой осторожностью подгоняет их постепенно к стаду домашних, а другой, укрываясь за оленями, подкрадывается и стреляет в приставших диких. Иногда случается, что сгоряча пристрелят и своего оленя. Важенки диких оленей бывают очень осторожны и не так легко пристают к стаду домашних.

Некоторые охотники идут на дикого оленя со щитком; для маскировки передняя сторона щитка залепливается комками снега, смоченными слюной.

Щиток (lofo – рис. 5) делается из тонкой доски, длиной 160–170 см, в форме широкого треугольника с закругленными углами и отверстием посередине для стрельбы из ружья. Устанавливается щиток вертикально при помощи двух стоек (feltiti), вкладываемых в специальные пазы. Нижние концы стоек втыкаются в отверстия небольших лыж (kandanguottu), подбитых камусами (tangimiti), и для устойчивости стягиваются ремнями. Чтобы при подползании лыжи не расходились в разные стороны, стойки соединяются длинной перекладиной (ngaruptuti). К задним концам лыж щитка прибивается по колечку из загнутого гвоздя. К колечкам прикрепляются длинные ремешки для привязывания щитка к сиденью нарты при поездках. Доска щитка с передней стороны оставляется у нганасанов гладкой, в отличие от долган, у которых она украшается резьбой. По словам нганасанов, доски с зарубками, будучи залеплены снегом, становятся очень тяжелыми и неудобными для перевозок.

При частом употреблении щитка и смачивании снега слюной, от прикосновения снега к подбородку получаются иногда язвы. Во избежание этого охотники привязывают к нижней губе согнутую медную или железную пластинку с отверстиями (рис. 4, Г, Д). Отверстие делается для того, чтобы выпускать слюни при смачивании снега, и этим предохранить его от прикосновения к подбородку.

Весной, с появлением проталинок, снеговая маскировка для щитка не годится, так как снег, налепленный на доску, отличается по цвету от естественного; поэтому доску щитка затягивают белой материей, края которой загибают и стягивают нитками (рис. 5).

Охотник кладет ружье на развилки верхнего конца стоек щитка, затем, подталкивая щиток вперед, подкрадывается поближе к дикому оленю с подветренной стороны и стреляет в него через отверстие доски. Охотник надевает белый совик без обычного султана на капюшоне, иногда подшитый спереди собачьей шкурой, чтобы не производить при подползании шума.

Во время гона на диких оленей охотятся также с помощью оленей-«манщиков», либо специально для этой цели обученных (sonuo), либо необученных. Обученными манщиками бывают только важенки; дрессируют их летом в продолжение двух месяцев: ударяя по ногам, приучают не наступать на веревку. Обученного манщика охотник пускает вперед на длинной, в 300 м, веревке к стаду диких оленей, а сам подкрадывается сзади под прикрытием щитка, дергая время от времени веревку и заставляя этим манщика принимать соответствующее положение.

Веревка для манщика сплетается из ремней наподобие аркана, но только вдвое тоньше; делается она также и из одного ремня. Такую веревку охотник предпочитает, так как при ударе о поверхность снега она не издает звука, но она недостаточно крепка и часто рвется. Устройство конца нганасанской веревки манщика, надеваемой на шею оленя, несколько отличается от долганской. У долган веревка манщика имеет две костяные зубчатые пластинки, подвязываемые под нижней челюстью. У нганасанов эти пластинки заменяются одной изогнутой, зубчатой (ngamta) в 29 см длиной, привязываемой к затылку оленя.

[1] Согудать – местный термин, означающий употребление сырьем мяса или рыбы.

При втором способе охоты с маншиком выбирается необученный бык, олень, имеющий широкие, ветвистые рога (dasanirsa). На концах разветвления рогов делаются ножом зарубки и на них натягивают в виде петли сухожильную веревку (jajь – табл. 3, 3, Б). Конец ее крепко привязывают к основанию рога. Чтобы манщик успешно приманивал к себе быков диких оленей, на рога ему надевают снятую в виде кольца кожу с полового органа убитого быка дикого оленя или же смачивают рога мочой оленя. Бык-манщик, отпущенный к стаду диких оленей, начинает бодаться с быком диких оленей. Последний во время драки срывает рогами петлю и затягивает ее на себе. Хороший манщик, упираясь передними ногами, не отпускает пойманного. В это время подходит охотник и убивает оленя выстрелом из ружья. Чтобы манщик не мог сбежать, к его передней ноге привязывают веревку с большим, величиною с кулак, узлом (tufutapti). Когда манщик бежит, веревка обвивается вокруг его ног и останавливает его.

Петля манщика (jajь), длиной около 9 м, сучится из лучших сухожилий и имеет на одном конце кольцо.

Пользуясь тем, что двухгодовалые самцы домашних оленей бывают очень задорными и драчливыми, в старину приспосабливали их для охоты на диких во время их гона. Для этого у домашних двухгодовалых самцов срезывали рога до основания, за исключением одного переднего отростка.

К этому отростку привязывали острием вперед нож или копье на коротком древке и отпускали к диким оленям. Бодаясь с быками диких, такой олень закалывал их ножом или копьем. По словам нганасанов, этот способ охоты выдумал один бедняк, не имевший ни лука, ни стрел. Впоследствии такая охота была запрещена русскими властями по просьбе самих же нганасанов. Рассказывают, что некий владелец 15 оленей отпустил к стаду диких одного быка с привязанным к рогу ножом. Олень этот убежал так далеко, что его не смогли изловить. Ночью он вернулся к своему стаду и заколол всех оленей своего хозяина, оставив в живых только раненую важенку. Князья наказали хозяина оленя розгами и поведали о случившемся русским властям, которые строго запретили охотиться подобным образом.

Большой интерес представляют сохранившиеся у нганасанов до нашего времени виды коллективной охоты, имевшие в недалеком прошлом большое хозяйственное значение: поколки и загоны диких оленей в сети.

Необходимой принадлежностью летних облав на диких оленей были «махавки» (labaka) – длинные лоскутья кожи, выкрашенные в черный цвет, или белые веера из крыльев куропатки, подвешенные к концам длинных палочек.

Охотники, выследив стадо диких оленей, втыкали махавки в виде двух расширяющихся аллей, оставляя между ними расстояние в 4–6 м. Возле одного ряда махавок, у широкого конца аллеи, прятались «махальщики» (seriti). Наиболее искусный охотник, разъезжая на паре оленей, загонял в аллею стадо диких. Махальщики при этом вскакивали и, крича и размахивая одеждами, загоняли оленей дальше. У суженного конца аллей их встречали выстрелами два или три охотника, вооруженных луками. Махавки служили как бы изгородью, препятствующей бежать оленям в сторону. Этот способ охоты назывался ngatangiru (рис. 6, А). Если диких оленей находили возле озера, то махавки втыкались в одну линию. Против этой линии, лежа на некотором расстоянии от нее, располагались люди, заменявшие собой второй ряд махавок. Затем по образовавшемуся подобию аллеи с помощью собак загоняли оленей в воду. Тогда охотники, находившиеся на противоположной стороне озера, тотчас выезжали на своих челноках и закалывали диких оленей копьями на длинных древках. Этот способ охоты назывался suodisiti bantanu (рис. 6, Б).

Описанные два способа охоты на диких оленей производились чаще всего летом, во время линьки гусей, силами немногочисленного коллектива. Например, поколки могли происходить при участии трех или даже двух охотников. В то время как один из них обходил озеро, другой, с помощью собак, которых дикие олени очень боятся, загонял их в воду. Когда олени заходили в озеро, второй охотник быстро выезжал на своем челноке и закалывал оленей копьем.

Большие коллективные поколки на р. Пясине происходили обычно весною, в других местностях – осенью, когда начинались заморозки и гуси улетали обратно на юг. Так как пути массовых миграций диких оленей были хорошо известны нганасанам, то и коллективные поколки производились из года в год в одних и тех же местах. У авамских нганасанов места поколок находились на р. Пясине, между устьями рек Тареи и Пуры, на устьях рек Пуры, Мокорито, Люмфада и Тареи (поколка Танако-дико); у таймырских – на р. Верхней Таймыре (Нгамсу-дико, Сатырбонгка, устье Логаты, Ламбеси, Кика, Сумкохой-мыла, Сятага-мыла, Ане-мыла и Няромо) и у вадеевских – губа Таймырского озера, озера: Бобирянгку, Бала-турку, Термяин-турку, Вадией на р. Большой Балахне и др.

В настоящее время поколки происходят редко, так как они запрещены местными советскими властями, и видеть поколки мне не удалось; придется говорить о них только со слов очевидцев.

При озерной поколке выбиралось озеро, окруженное с одной стороны высокими берегами, с другой – имеющее плоский берег с глубоко вдающейся в озеро пологой косой. Таким местом поколки является, например, Бала-турку у р. Большой Балахни.

Поколка на оз. Бала-турку производилась следующим образом. На высоком берегу озера обычно располагались чумы охотников. Чтобы не вспугнуть зверя, они устанавливались на некотором расстоянии от обрыва. На противоположной стороне озера, на плоской косе, втыкались друг за другом палки (jumba), длиной

до 1,5 м, образующие расширяющуюся аллею. На них нанизывались куски дерна (рис. 6, В). Правый ряд аллеи (junbumu), состоявший из 20–30 палок, тянулся приблизительно на 2 км и упирался в другое озеро. Левый ряд из 40–50 палок упирался одним концом в речку. Таким образом, получалось нечто вроде изгороди. Говорят, что в старину вместо палок употреблялись иногда белые махавки из крыльев куропатки.

Распорядителем поколки выбирался старый опытный охотник (sutuda barba). Покольщиками (naratata) выбирали молодых и сильных людей, которые были бы и опытными гребцами. После установки аллеи ждали (иногда по нескольку дней) появления диких оленей. Покольщики вместе со своими ветками скрывались по долинам речек, прорезающих высокие берега озера. В конце левого крыла аллеи ложился охотник (jumbuo), подстерегавший оленей, чтобы они не могли уйти в стороны. Другой охотник (kerietь), держа в руках снятую одежду, прятался по середине правого крыла аллеи. Когда появлялись дикие олени, jumbuo не пускал их в сторону, а kerietь, пропустив вперед, вставал и, размахивая одеждой, загонял их в воду. Один из охотников с луком прятался у основания правого крыла аллеи. На его обязанности лежала стрельба по убегающим назад оленям. Когда олени заходили на середину озера, 5–6 покольщиков выплывали на челноках, имея узкие железные копья с древками до 4 м (рис. 7). Они быстро подплывали к оленям и закалывали их копьем, держа его в правой руке и стараясь попасть в заднюю часть животного, чтобы не испортить шкуры. Олени в панике зачастую нападали на охотников, стараясь передними ногами перевернуть их утлые челноки, поэтому охотники после каждого закалывания сейчас же отплывали назад. Заколотых оленей привязывали за шеи по нескольку штук вместе и притягивали на веревке к берегу.

Добыча при коллективных поколках распределялась поровну между всеми участниками. По окончании поколки семьи охотников собирались на берегу и принимались за разделку туш. Говорят, что в прежнее время на поколках убивали так много оленей, что черепа их использовались вместо дерна на палках, образующих загонные аллеи. Когда мужчин не хватало, в поколках принимали участие и женщины, помогая вместе с kerietь загонять оленей.

Относительно речных поколок научный сотрудник Красноярского краевого музея Б. О. Долгих любезно сообщил мне в письме следующее: «На местах поколок, расположенных по р. Пясине, около устьев некоторых ее притоков (Пуры, Мокорито, Люмфада и Тареи), нганасаны садятся лишь осенью, во время хода дикого оленя. Кроме этих четырех мест поколок, куда дикие олени приходят стихийно, нганасаны устраивают еще «искусственные» поколки на самой р. Пясине, загоняя оленей при помощи махавок.

Нганасаны, пересекшие весною р. Пясину выше устья Тареи, обратно ее не переходят, проводя все лето в бассейнах рек Пуры, Мокорито и Люмфада. Идущие на Танако-дико выделяют молодежь и вообще одиноких людей на охоту за дикими оленями в плато Быранга. Уходят молодые люди с устья Пуры на запад в сторону о-ва Диксон. Поездки за дикими оленями молодых людей являются для них большим праздником. С ними едут девушки и одинокие женщины, и, говорят, они там весело проводят время.

Охотовед Г. К. Сморыго 31 августа 1931 г. наблюдал ход диких оленей через р. Тарею у Танако-дико. Всего за сутки прошло 250–300 голов, табунами от 26 до 42 штук. В 1934 г. нганасаны добыли много диких оленей на поколке Пура и мясом их продолжали питаться еще в январе следующего года.

При речных поколках нганасаны устанавливают на двух якорях длинную бечеву, поддерживаемую поплавками. Бечеву устанавливают по течению реки, посередине ее. Бечева задерживает плывущих оленей и тем самым позволяет приблизиться к ним охотникам».

К этому можно добавить, что при «искусственных» поколках, как их называет Б. О. Долгих, на той стороне, откуда ожидается приход диких оленей, устанавливают в виде расходящейся аллеи длиной до 5 км два ряда махавок или палок с дерном. Узкий открытый конец аллеи, упирающийся в реку, имеет 50–100 м ширины. Длина и ширина аллеи зависят от местности. Обычно олени спускаются к реке по руслам ручьев и речек.

Для наглядности привожу рисунок, любезно предоставленный мне художником А. П. Лекаренко, очевидцем речной поколки (рис. 8).

Места поколок (sutuda) и пути следования к ним оленей нганасанами тщательно оберегались: по ним запрещалось кочевать и охотиться. Места поколок считались собственностью определенного рода. Так, у таймырских нганасанов поколки Нгамсу-дико, Сятаго-мыла, совместно с родом Окуо, принадлежали роду Нинонде; Сатыр-бонгка – роду Линанчар; устье Логаты, Самба-мыла, Ане-мыла – роду Нгуомджа; Ламбеси, Кика, Дико – роду Чунанчар; Сумхокой-мыла, Сятага-мыла, совместно с Нинонде, – роду Окуо; Няромо – роду Куокара; у вадеевских нганасанов у оз. Нгалбунча-турку – роду Нгойбуо, у оз. Балда-турку – роду Окуо, у оз. Сырута-турку – роду Асянду, у горы Вадеи на р. Большой Балахне – роду Купчик. Один из представителей рода Купчик, отец нганасана Салтале, продал это место поколки хатангскому якуту Чахара, который там обосновался и ежегодно производил поколку. С тех пор вадеевские нганасаны на эту поколку не ходят.

С поднятием экономического уровня хозяйства, в частности с развитием оленеводства, совершенствуются и орудия коллективной охоты; для охоты на диких оленей появляются сети (bafi bugur), требующие для своего изготовления большого количества материала и много труда.

Привезенная мною в музей Института этнографии трехстолбовая сеть имеет в растянутом виде 30 маховых саженей в длину и 2,5 в ширину.

Вяжется сеть из веревок (рис. 9, I, II), плетеных (наподобие аркана) из четырех ремней. К верхним и нижним ячеям прикрепляется тетива. Двойная верхняя тетива (sita рис. 9, в), сечением в 2,5 см, для трехстолбовой сети имеет в длину около 40 м, нижняя (kirim) – ординарная, длиной около 35 м. Изготовляется тетива тем же способом, что и веревки сети. Для изготовления сети требуется 30–40 оленьих шкур средней величины; на верхнюю и нижнюю тетивы идет по 9 бычьих шкур.

Сеть устанавливается вертикально при помощи трех или четырех шестов (nandьsь), длиной 170 см (рис. 9, б). Каждый шест на верхнем конце имеет полукруглый вырез для прохождения верхней тетивы сети и отверстия, куда пропускаются сухожильные вязки для скрепления тетивы. Для устойчивости шесты имеют на нижнем конце луковицеобразные утолщения, которыми они втыкаются в ямки, выдолбленные в снегу специальными кирками (tili), сделанными из рога оленя, длиной в 40 см (рис. 9, д).

Для закалывания оленей, попавших в сети, употребляются железные копья на коротких древках (рис. 9, а). Часто эти копья заменяются обыкновенными ножами.

Места для охоты на диких оленей сетями (bukuruobobo) известны всем наперечет; они оберегаются так же, как места поколок. Охота сетями производится в ясные дни и только зимой (рис. 10); в туманные пасмурные дни олень в сети не идет.

Сеть устанавливается под углом у подножия выступа какой-либо возвышенности, находящейся в тундре. Сначала сеть расстилают по земле, затем вдевают через ячеи верхнюю и нижнюю тетивы. К верхней тетиве привязывают за концы три столба (если четырехстолбовая сеть – то четыре); один посередине, два по краям невода. Столбы поднимаются и устанавливаются вместе с сетями вертикально. Укрепляются столбы при помощи арканов (maumka), одним своим концом привязанных к верхним концам столбов, а другим, петлеобразным, накинутых на кочки. Нижние края сети далеко отходят от линии столбов, образуя наклонную стенку, натянутую нижней тетивой, концы которой привязываются к верхней двойной тетиве, накинутой петлею на кочки по краям сети. Чтобы дикие олени не ушли в сторону, пространство между краями сетей и махавками заполняют опрокинутыми набок нартами, малицами или совиками, которые подвешивают (nanь bьnь) или кладут в виде чучел, похожих на людей (dungfe), и дергают их за веревку, чтобы они шевелились. На самой вершине выступа с правой стороны ложатся seriti – двое или трое подростков. Они, размахивая одеждой, загоняют в сети пробегающих мимо оленей. Рядом с ними, ближе к сетям, располагается один из опытных охотников – bukurьadьtь. Он стреляет из лука или ружья в тех оленей, которые не попали в сеть. Он также руководит действиями малоопытных seriti. Охотники укрываются, лежа за глыбами снега с проделанными в них (для удобства наблюдения) отверстиями (табл. 4, 1). С левой стороны мыса также лежат охотники с ружьями и копьями. Перед сетями за снежным щитком лежит ngatta – охотник с луком. Он быстро загоняет оленей в сети и закалывает их ножом или копьем уже после того, как они запутаются рогами в ячеях. Позади охотников, лежащих в виде расширяющейся аллеи с правой и левой сторон выступа возвышенности, устанавливаются две линии из махавок, сделанных из гусиных крыльев (рис. 9, г)[2]. Правое крыло аллеи (ngaptangilie labaka) состоит, примерно, из 35 махавок, левое (tidinie labaka) – из 25, расставленных на 10 м друг от друга. У дальнего конца длинного крыла аллеи располагается погонщик (suoruoptugiti) с тремя запряженными в нарту оленями. Из тундры стадо пригоняет suodututi до того места, где его поджидает suoruoptugiti.

Последний гонит стадо дальше, до seriti, seriti до bukurьadьtь, а тот до ngatta, т. е. до непосредственных загонщиков оленей в сеть (рис. 11).

[2] Крылья линяющих гусей, которые добываются нганасанами сравнительно легко, не пригодны для изготовления махавок. Для этой цели употребляются лишь крылья нелиняющих гусей, в которых приходится стрелять из ружья или лука; добывание их осложняется еще тем, что нганасаны почти не умеют стрелять в птицу на лету. Комплект махавок составляется поэтому в течение нескольких лет и расценивается очень дорого.

Информация об авторе

Попов Андрей Александрович (1902–1960) – кандидат этнографии, полевой исследователь, музеевед. В 1927–1929 гг. научный сотрудник Комиссии по изучению Якутской АССР АН СССР; в 1929–1933 гг. научный сотрудник МАЭ; в 1933–1960 гг. младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, в 1944–1947 гг. заведующий сектором Сибири ИЭ АН СССР; в 1936–1937 гг. преподаватель ИНС; в 1938–1949 гг. доцент кафедры этнографии ЛГУ.

Information about author

Popov Andrey A. (1902–1960) – candidate of ethnographical sciences, field researcher, museum specialist. In 1929–1933 the researcher of Comission to study Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic of Academy of Sciences of the USSR; in 1929–1933 the researcher of the Museum of Anthropology and Ethnograghy; in 1933-1960 researcher assistance and senior researcher, in 1944–1947 the head of sector of Siberia of the Institute of Ethnography of Academy of Sciences of the USSR; in 1936–1937 professor of the Institute of the Peoples of the North; in 1938-1939 senior lecturer in Ethnography of Leningrad State University.

Рис. 4. *А* – чехол для ружья из черного сафьяна (дл. 1 м 25 см); *Б* – натруска (охотничий пояс); *В* – костяная подставка для ружья в виде полоза; *Г* – охотник с металлической пластинкой в губах; *Д* – металлическая пластинка с отверстиями, предохраняющая нижнюю губу от изъязвления
Fig. 4. *А* – gun case made of black morocco leather (length 1 m 25 cm); *Б* – powder flusk (hunting belt); *В* – bone support for a gun in the shape of a snake; *Г* – a hunter with metal plate in the lips; *Д* – metal plate with holes preventing lower lip from ulceration

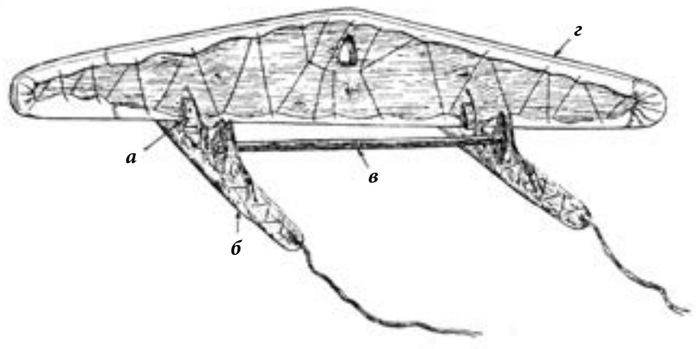


Рис. 5. Щиток, употребляемый при подкрадывании к дикому оленю: *а* – стойки для скрепления доски; *б* – камусы, натянутые на лыжи; *в* – поперечина
Fig. 5. Screen used for stalking wild reindeers: *а* – bars for bonding planks; *б* – climbing skins on skies; *в* – transverse beam

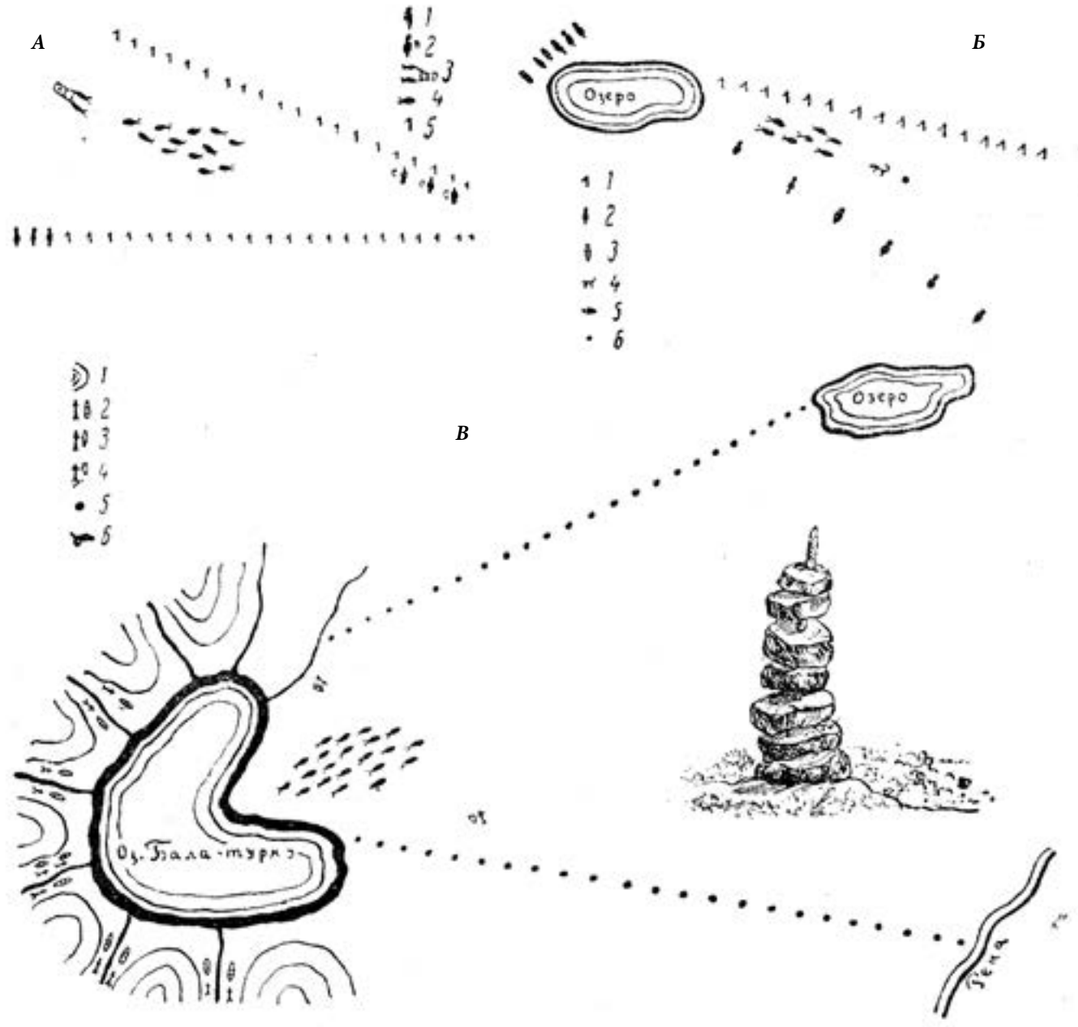


Рис. 6. Планы коллективных способов охоты на диких оленей:
А – ngatangiru – старинный облавной способ охоты: *1* – махальщики; *2* – стрелки из лука; *3* – погонщик на оленях; *4* – дикие олени; *5* – махавки.
Б – suodisiti bantanu – старинный способ поколки: *1* – махавки; *2* – лежащие охотники; *3* – ветки; *4* – собака; *5* – дикие олени; *6* – погонщик.
В – современная поколка на оз. Бала-турку: *1* – горы; *2* – ветки и лежащие около них покольщики; *3* – охотники с луком; *4* – махальщик; *5* – палки с дерном; *6* – дикие олени
Fig. 6. Plans of group methods of wild reindeers hunting. *А* – ngatangiru – ancient method of driven hunt: *1* – signalmen; *2* – archers; *3* – reinders driver; *4* – wild reindeers; *5* – mahavkas (special screens for hunting).
Б – suodisiti bantanu – ancient method of pokolka (method of hunting): *1* – mahavkas; *2* – lying hunters; *3* – branches; *4* – a dog; *5* – wild reindeers; *6* – a driver.
В – modern pokolka on the Bala-turku lake: *1* – mountains; *2* – branches and lying near it participants of the hunt; *3* – hunters with bows; *4* – signalman; *5* – poles with turf; *6* – wild reindeers

Рис. 7. Копье для поколки оленей. Длина наконечника 18,5 см
Fig. 7. Pike to prick a reindeer (pokolka). The length of spearhead is 18,5 cm

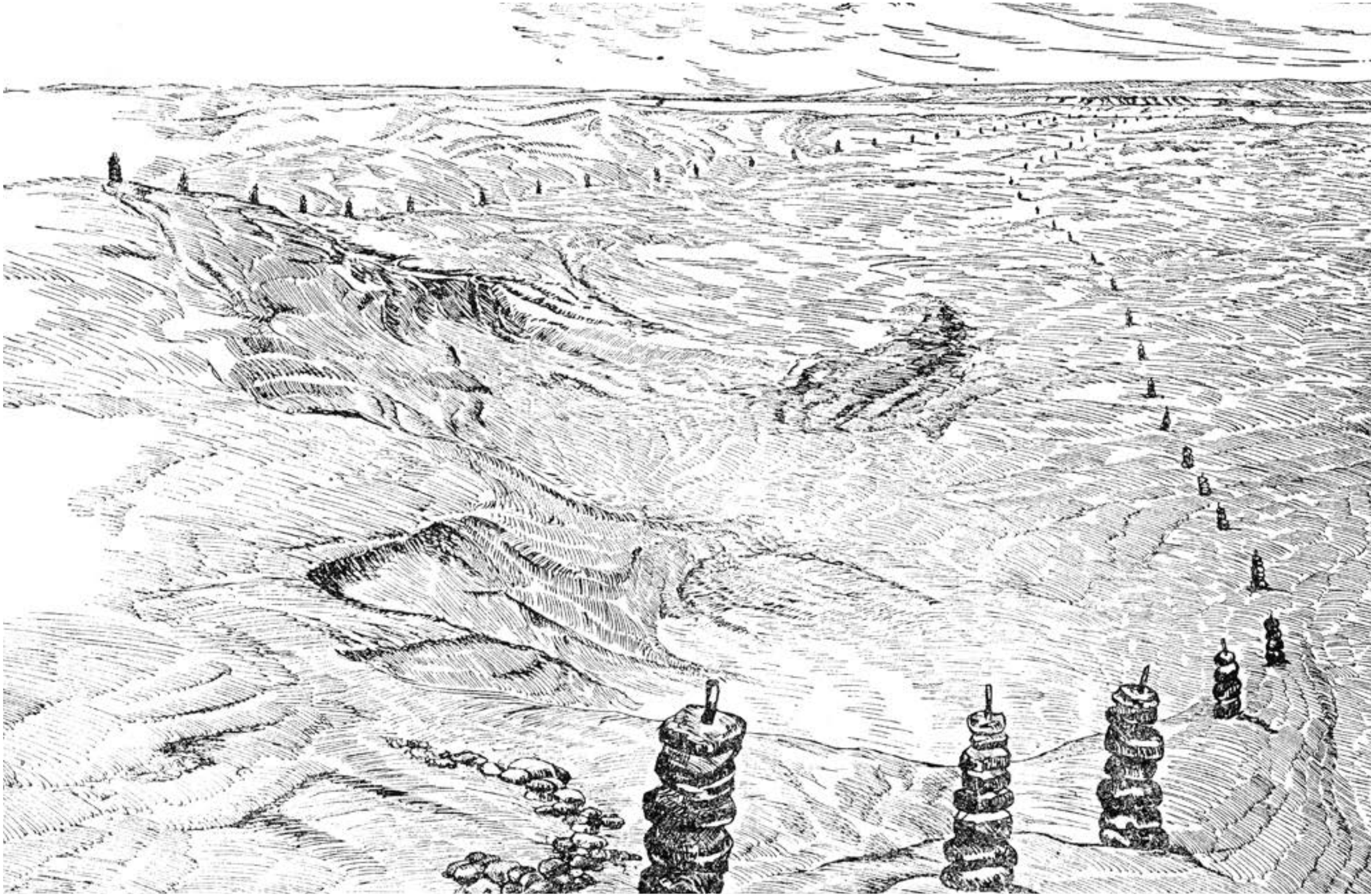


Рис. 8. Общий вид ограды из палок с дерном при поколке на р. Пясине (рис. художника А. П. Лекаренко)

Fig. 8. The general view of fence made of poles with turf during pokolka at the Pyasina river (the picture of artist Lekarenko A. P.)

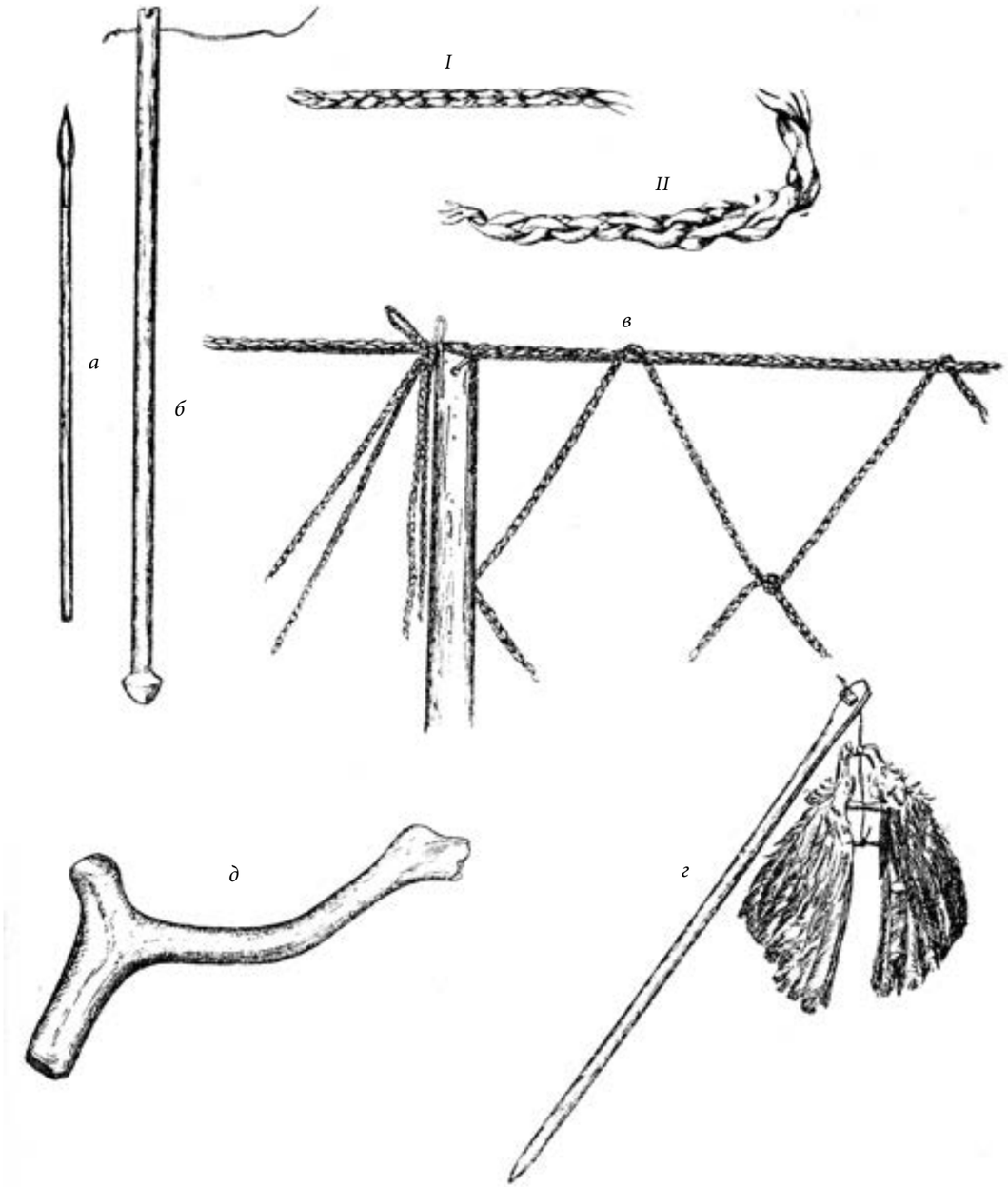


Рис. 9. Сеть и другие орудия для охоты на диких оленей загоном: а – копье для закалывания диких оленей, запутавшихся в ячеях сети; б – столб для установки сети, имеет на верхнем конце полукруглый вырез для пропускания верхней тетивы сети, на нижнем утолщение для большей устойчивости столба на снегу; в – способ привязывания к столбу верхней тетивы сети и боковой веревки; г – махавка из гусиных крыльев; д – кирка из оленьего рога

Fig. 9. A net and other equipment for wild reindeers hunt by the method of driven hunt: a – spire to stab wild reindeers, which entrapped in nets; б – pillar to place a net, on the top there is semicircular notch to establish upper part of the net, on the down part there is thickening stabilazing the pillar in the snow в – method to knot the upper part of the net and side rope to the prillar; г – mahavka made of goose wing; д – pickaxe made of anthlers

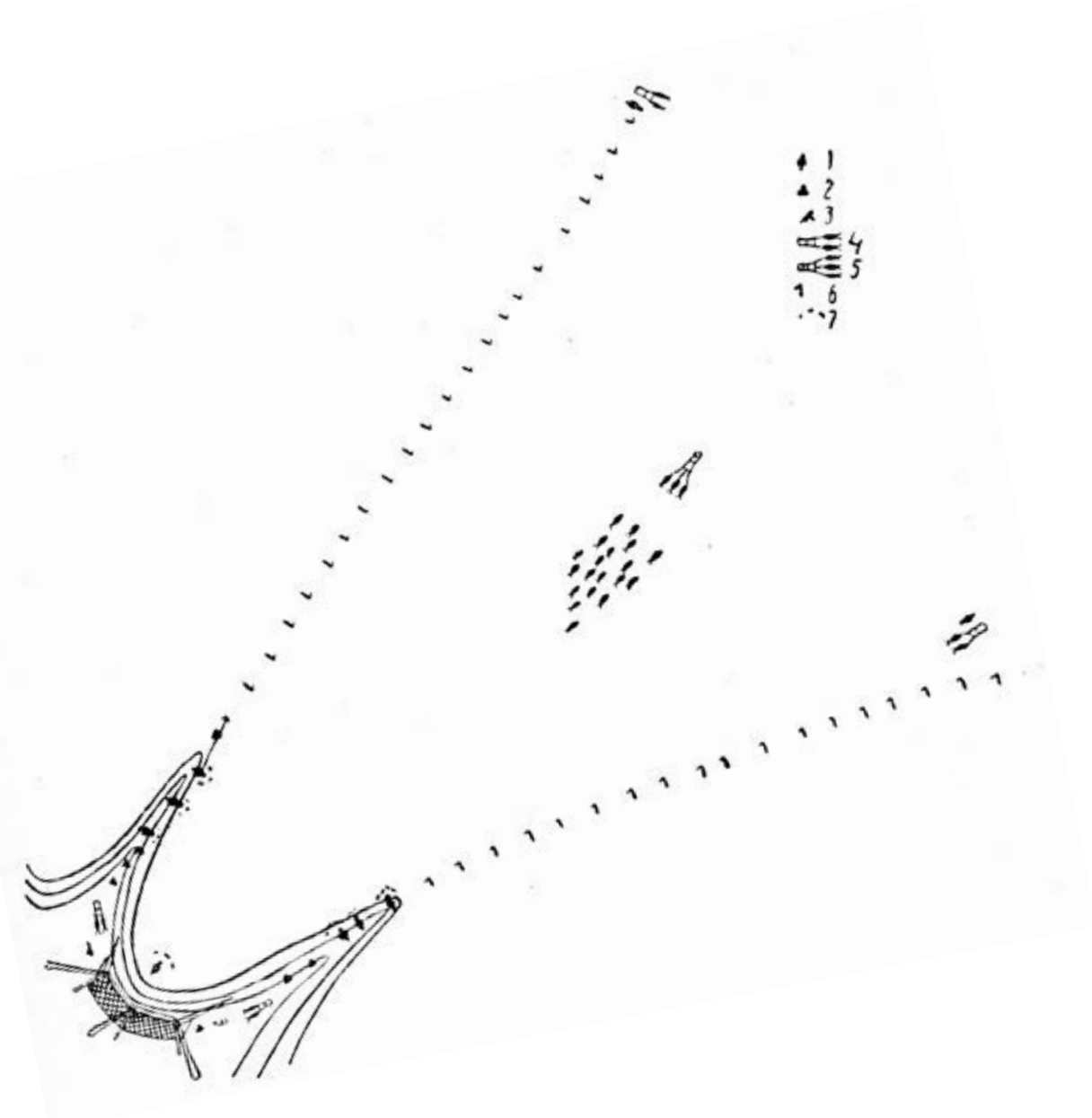


Рис. 10. План охоты на диких оленей сетями: 1 – погонщики и охотники; 2 – чучело из одежды; 3 – то же из одежды, надетой на палку; 4 – олени, запряженные в нарту; 5 – погонщик на оленях; 6 – махавки; 7 – заслон из снега. Кривыми линиями показаны склоны сопки

Fig. 10. The plan on wild reindeer hunt with nets: 1 – drivers and hunters; 2 – dummy made of clothes; 3 – the same made of a pole covered with clothes; 4 – reindeers harnessed in sledge; 5 – drivers on the reindeers; 6 – mahavkas; 7 – screen made of snow. The slopes of volcano hills depicted with curved lines

Рис. 11. Охота на диких оленей у сопки Безымянной в районе р. Большой Балахни зимою 1938 года

Fig. 11. Wild reindeers hunt near volcano hill Bezymyannaya at the Bolshoy Balhani in the winter of 1938

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНО – Автономное некоммерческое объединение
АНО ИАС – Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера»
БУ ВО ХМАО-Югры СурГУ – Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет»
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГБУТО «ГА в г. Тобольске» – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ИАН – Императорская академия наук
ИКН – историко-культурное наследие
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
ИЭРиЖ УРО РАН – Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МБУ ДО «ЦДО «ПОИСК» – Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Центр дополнительного образования «Поиск»
МБУК СКМ – Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей»
МИА – Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья
МОИП – Московское общество испытателей природы
НИИ – научно-исследовательский институт
НИР – научно-исследовательская работа
НОЦ ИГОиС – Научно-образовательный центр Института гуманитарного образования и спорта
НПО – научно-производственное объединение
НПО «СА-1» – Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»
НПЦ – научно-производственный центр
ОАО – Открытое акционерное общество
ОКН – объект культурного наследия
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
ООО «НАЦ «АВ КОМ – НАСЛЕДИЕ» – Общество с ограниченной ответственностью «Научно-аналитический центр «АВ КОМ – НАСЛЕДИЕ»
ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований Института археологии Российской академии наук
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПбФ АРАН – Санкт-петербургский филиал государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук
ТПП – Территориально-производственное предприятие
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ФГАОУ ВО ТГУ – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
ФГБОУ ВО РГПУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена»
ФГБУ ВО МГУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
ФГБОУ ВО СПбГУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
ФГБУ ВО УрГПУ – Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»
ФГБУ РАН (АН) – Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия наук»
ФГБУК ГЭ – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж»
ФГБУН ИАЭТ СО РАН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ФГБУН ФИЦ ТюмНЦ СО РАН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ФКУ РГАДА – Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив древних актов»
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
НГУ – Новосибирский государственный университет
НВГУ – Нижневартовский государственный университет
ИЯФ СО РАН – Институт ядерной физики Сибирского отделения Российской академии наук
ИЭ АН СССР – Институт этнографии Академии наук СССР
ИНС – Институт народов Севера
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ТИЭ – Труды Института этнографии
ГААО – Государственный архив Архангельской области
СРТО – Северные районы Тюменской области
ПАО – Публичное акционерное общество
НК – Нефтяная компания
ДНС – дожимная насосная станция
УПСВ – установка предварительного сброса воды

ABBREVIATION LIST

ANO – Autonomous non-commercial organization
ANO IAS – Autonomous non-commercial organization “Institute of Archeology of the North”
BU HE KHMAO–Yugra Surgut State University – Budgetary Institution of Higher Education of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra “Surgut State University”
VTsIK – All-Russian Central Executive Committee
SBITO “GA in Tobolsk” – State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive in Tobolsk”
SBITO GATO – State Budgetary Institution of the Tyumen Region “State Archive of the Tyumen Region”
IAN – Imperial Academy of Sciences
ICH – Historical and cultural heritage
IEA RAS – Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
IERIZH UB RAS – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
MAE – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
MBI SE “CDO “POISK” – Municipal Budgetary Institution for Supplementary Education “Center for additional education “Poisk”
MBUK SKM – Municipal budgetary institution of culture “Surgut Museum of Local Lore”
MIA – Materials and research on the archeology of the Urals and Cisurals
MOIP – Moscow Society of Naturalists
RI – Research institute
R & D – Research work
REC IGOiS – Scientific and Educational Center of the Institute for Humanitarian Education and Sports
SPA – Scientific and production association
SPA “SA-1” – Scientific and Production Association “Northern Archeology – 1”
SPC – Research and production center
OJSC – Open Joint Stock Company
CHS – Cultural heritage site
LLC – Limited Liability Company
NAC “AV COM – HERITAGE” LLC – Limited Liability Company “Scientific and Analytical Center “AV COM – HERITAGE”
OPI IA RAS – Field Research Department of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
PSRL – Full collection of Russian Chronicles
SB RAS – Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
SPbF ARAN – St. Petersburg branch of the state budgetary institution of science of the Archive of the Russian Academy of Sciences
TPP – Territorial production enterprise
UB RAS – Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
FSAEI HE TSU – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Tomsk State University”
FSBEI HE RSPU – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen”
FSBEI HE SPbSU – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint Petersburg State University”
FSBI HE MSU – Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M. V. Lomonosov Moscow State University
FSBI HE USPU – Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Ural State Pedagogical University”
FSBI RAS (AN) – Federal State Budgetary Institution “Russian Academy of Sciences”
FSBI GE – Federal State Budgetary Institution of Culture “State Hermitage”
FSBSI IAET SB RAS – Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
FSBSI TyumNC SB RAS – Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Center Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
FKU RGADA – Federal Government Institution “Russian State Archive of Ancient Acts”
KhMAO – Khanty-Mansi Autonomous Okrug
YaNAO – Yamalo-Nenets Autonomous Okrug
NGU – Novosibirsk State University
NVGU – Nizhnevartovsk State University
IYaF SO RAN – Institute of Nuclear Physics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
IE AN SSSR – Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR
INS – Institute of the Peoples of the North
IIMK – Institute of the History of Material Culture
TIE – Proceedings of the Institute of Ethnography
GAAO – State Archive of the Arkhangelsk Region
SRTO – Northern districts of the Tyumen region
PAO – Public Joint Stock Company
NK – Oil company
DNS – booster pumping station
UPSV – preliminary water discharge installation

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Балаба Инна Вячеславовна – лаборант, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.
Balaba Inna V. – laboratory assistant, ANO "Institute of Archeology of the North", Nefteyugansk.
E-mail: froggyatworkk@gmail.com

Визгалов Георгий Петрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-образовательный центр Института гуманитарного образования и спорта, доцент, кафедра истории России, Сургутский государственный университет, г. Сургут; научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор, ООО «НПО «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск.
Vizgalov Georgiy P. – candidate of historical sciences, Associate professor, department of history of Russia, leading researcher, Scientific and Educational Centre of the Institute for Humanities Education and Sport, Surgut State University, Surgut; researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; director, "Scientific Production Association "Northern Archaeology – 1" LLC, Nefteyugansk.
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Васильева Юлия Александровна – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.
Vasilyeva Yuliya A. – researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
E-mail: jvsl@mail.ru

Гирченко Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.
Girchenko Ekaterina A. – candidate of historical sciences, researcher, the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk.
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Гнатив Владимир Олегович – археолог, ООО Научный центр «Топос», г. Екатеринбург.
Gnativ Vladimir O. – archaeologist, Research Centre "Topos", LLC, Yekaterinburg.
E-mail: gnativ1985@mail.ru

Дудко Александр Андреевич – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.
Dudko Aleksandr A. – researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Кардаш Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент. кафедра истории России, руководитель, Центр югорской археологии и этнографии, Сургутский государственный университет, г. Сургут; научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.
Kardash Oleg V. – candidate of historical sciences, Associate professor, department of history of Russia, head of the Center of Yugra Archaeology and Ethnography, Surgut State University, Surgut; researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk; director, ANO "Institute of Archeology of the North", Nefteyugansk.
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Кочегов Евгений Иванович – археолог, ООО «НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск.
Kochegov Evgenii I. – archeologist, "Scientific Production Association "Northern Archeology – 1" LLC, Nefteyugansk.
E-mail: kochegov@gmail.com

Круземент Сергей Алексеевич – археолог, директор, ООО Научный центр «Топос», г. Екатеринбург.
Kruzement Sergei A. – director, Research Centre "Topos", LLC, Yekaterinburg.
E-mail: kruzement82@gmail.com

Лукиных Андрей Александрович – археолог, ООО «НПО «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск.
Lukinyh Andrei A. – archeologist, "Scientific Production Association "Northern Archeology – 1" LLC, Nefteyugansk
E-mail: lukinyh_andrei@list.ru

Пальянов Петр Владимирович – археолог, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.
Palyanov Petr V. – archeologist, ANO "Institute of Archeology of the North", Nefteyugansk.
E-mail: palyanov.pv82@yandex.ru

Попов Андрей Александрович (1902–1960) – кандидат этнографии, полевой исследователь, музеевед. В 1927–1929 гг. научный сотрудник Комиссии по изучению Якутской АССР АН СССР; в 1929–1933 гг. научный сотрудник МАЭ; в 1933–1960 гг. младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, в 1944–1947 гг. заведующий сектором Сибири ИЭ АН СССР; в 1936–1937 гг. преподаватель ИНС; в 1938–1949 гг. доцент кафедры этнографии ЛГУ.
Popov Andrey A. (1902–1960) candidate of ethnographical sciences, field researcher, museum specialist. In 1929–1933 the researcher of Comission to study Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic of Academy of Sciences of the USSR; in 1929–1933 the researcher of the Museum of Anthropology and Ethnograghy; in 1933-1960 researcher assistance and senior researcher, in 1944–1947 the head of sector of Siberia of the Institute of Ethnography of Academy of Sciences of the USSR; in 1936–1937 professor of the Institute of the Peoples of the North; in 1938-1939 senior lecturer in Ethnography of Leningrad State University.

Трунова Наталья Евгеньевна – археолог, ООО Научный центр «Топос», г. Екатеринбург.
Trunova Natalie E. – archaeologist, Research Centre "Topos", LLC, Yekaterinburg.
E-mail: trunovane@mail.ru

СЕВЕРНЫЕ ДРЕВНОСТИ:
АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (5) 2023

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO “INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE NORTH”

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ – 1»
LLC “SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION “NORTHERN ARCHAEOLOGY – 1”

БУ ВО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
SURGUT STATE UNIVERSITY

Приглашаем ученых, молодых исследователей, преподавателей и студентов присоединиться к авторскому коллективу журнала «Северные древности: археология, этнография, история» и подать заявку на публикацию, прислав ее на электронный адрес: **archeonord.journal@yandex.ru**.
Все подробности на сайте издателя **http://www.nordarcheo.ru/**

Издатель
АНО «Институт археологии Севера»
628306 РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Адрес редакции:
628306, РФ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нефтеюганск,
Промышленная зона Пионерная, ул. Набережная, стр. 16, офис 202

Формат 60*90/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,84.
Тираж 25 экз. Журнал распространяется бесплатно. Заказ № 0123456789. Дата выхода в свет 31.03.2023 г.

Отпечатано в типографии ООО «Форт Диалог-Исеть».
620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 75.